

РЕБЕККА КУАНГ РЕСПУБЛИКА ДРАКОН

18+

«Не поддающийся
сколько-нибудь
точному взвешиванию
и обмериванию
талант — большой,
самобытный
и яркий».

Галина Юзефович

fan_zon

Fanzon. Наш выбор

Ребекка Куанг

Республика Дракон

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Куанг Р.

Республика Дракон / Р. Куанг — «Эксмо», 2019 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-110400-9

Рин – ученица военной академии Синегарда и последняя из народа, подчинившего огонь. После гибели острова Муген от рук Рин вторжение Федерации провалилось, но война не закончена, ведь главный враг, императрица Дацзы, еще не повержена. Рин жаждет мести за смерть Алтана и с отрядом шаманов-цыке охотится за головой Гадюки, но они оказываются втянутыми в политическую игру между империей и наместником провинции Дракон. Но чего стоит Рин без сил жестокого бога Феникса и так ли чисты помыслы союзников?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-110400-9

© Куанг Р., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Действующие лица	6
Арлонг, за восемь лет до текущих событий	8
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	60
Глава 8	74
Глава 9	85
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Ребекка Куанг

Республика Дракон

Посвящается

– Куанг Вейхуа

– Куанг Менгя

– Фэн Хайчао

– Чжун Хуэйин

– Ду Хуа

– Фэн Баолан

Действующие лица

Цыке

Фан Рунин – сирота войны из провинции Петух, командир цыке и последняя из живых спирцев

Рамса – бывший узник тюрьмы в Бахре, ныне эксперт по боеприпасам

Бацзы – шаман, призывающий неизвестного бога, который наделяет его громадной силой

Сунни – шаман, призывающий бога-Обезьяну

Чахан Сурен – шаман из клана наймадов, брат-близнец Кары

Кара Сурен – меткий стрелок, заклинательница птиц и сестра-близнец Чахана

Юнеген – шаман, способный менять обличье и призывать дух лисы

Агашиа – шаман, призывающий речного бога

Алтан Тренсин – спирец, бывший командир цыке (погиб)

Республика Дракон и ее союзники

Семья Инь

Инь Вайшира – наместник провинции Дракон, глава республики

Инь Саухара – правительница Арлонга и жена Иня Вайшры

Инь Цзиньчжа – старший сын наместника провинции Дракон, маршал республиканской армии

Инь Мучжа – сестра-близнец Цзиньчжи, учится за границей, в Гесперии

Инь Нэчжа – второй сын наместника провинции Дракон

Инь Минчжа – третий сын наместника провинции Дракон

Чен Катай – сын министра обороны, единственный наследник семьи Чен

Шрин Венка – дочь министра финансов

Лиу Гужубай – наместник провинции Обезьяна

Цао Чажоук – наместник провинции Свинья

Гун Таха – наместник провинции Петух

Ань Тсолин – наместник провинции Змея и бывший наставник Иня Вайшры

Империя Никан и ее союзники

Су Дацзы – императрица Никана, Гадюка

Тсунь Хо – наместник провинции Овца

Чан Эн по прозвищу Волчатина – наместник провинции Лошадь, а позже – командующий императорским флотом

Цзюнь Лоран – бывший наставник по боевым искусствам в Синегарде, фактический наместник провинции Тигр

Фейлен – бывший шаман отряда цыке, призывающий бога ветра, был заключен в Чулуу-Корих и позже освобожден Алтаном Тренсином

Цзян Цзыя – Страж, призывает чудовищ из императорского зверинца, замуровал себя в Чулуу-Корихе

Инь Рига – бывший Дракон-император, считается погибшим в конце Второй опиумной войны

Гесперианцы

Генерал Жозефус Таркет – командующий войсками Гесперии в Никане

Сестра Петра Игнатиус – представительница Серой гильдии (гесперианского религиозного ордена) в Никане

Брат Аугус – юный послушник Серой гильдии

Кетрейды

Сорган Ширы – предводительница клана кетрейдов, старшая сестра матери Чахана и Кары

Бектер – сын Сорган Ширы

Тсевери – дочь Сорган Ширы

Флот «Красной джонки»

Чиан Муг – королева пиратов Анхилууна, она же Каменная стерва и Лживая вдова

Сарана – фаворитка Муг и Черная лилия высокого ранга

Арлонг, за восемь лет до текущих событий

– Ну пойдем, – заныл Минчжа. – Ну пожалуйста, мне хочется взглянуть.

Нэчжа схватил брата за пухлое запястье и вытащил из воды.

– Нам не разрешено ходить дальше заводи с кувшинками.

– А тебе разве не интересно узнать? – продолжал канючить Минчжа.

Нэчжа колебался. Ему тоже хотелось узнать, что находится в пещерах за поворотом. Детей из семьи Инь с самых малых лет манили своей загадочностью гроты реки Девять излучин. Детей постоянно пугали темнотой и дремлющим злом, скрытым в пасти пещер, шныряющими там чудовищами, готовыми хитростью заманить малышей в свои глотки.

Уже одного этого было достаточно, чтобы завлечь детей семьи Инь, ведь все они были прирожденными искателями приключений. Они также слышали рассказы о несметных сокровищах, о лежащих под водой горах жемчуга, нефрита и золота. Наставник Нэчжи по классической литературе однажды сказал ему, что все упавшие в воду драгоценности непременно сносит течением в эти речные гроты. А порой в ясный день Нэчже казалось, будто из окна своей комнаты он различает исходящее из входа в пещеру мерцание солнечного света на блестящем металле.

Ему многие годы отчаянно хотелось исследовать эти пещеры, и сегодня был как раз подходящий день, все слишком заняты, чтобы обращать на него внимание. Но он обязан оберегать Минчжу. До сих пор Нэчже не доверяли в одиночку присматривать за братом, он и сам был еще слишком мал. Но на этой неделе отец уехал в столицу, Цзиньчжа учился в Академии, а Мучжа находилась за границей, в Серой башне Гесперии, остальные же обитатели дворца были слишком измотаны внезапным недомоганием матушки, так что слуги по-быстрому всучили Минчжу старшему брату и велели обоим не лезть куда не следует. Нэчжа хотел доказать, что способен справиться с заданием.

– Минчжа!

Брат Нэчжи уже снова брел по отмели. Нэчжа выругался и бросился в воду вслед за ним. Как шестилетнему малышу удастся передвигаться так быстро?

– Ну пожалуйста, – захныкал Минчжа, когда Нэчжа схватил его за пояс.

– Нельзя, – отрезал Нэчжа. – Попадем в беду.

– Мама все неделю пролежала в постели. Она не узнает. – Минчжа вырвался из рук брата и проказливо улыбнулся. – Я ей не скажу. И слуги не скажут. А ты разве скажешь?

– Ах ты, мелкий демон, – отозвался Нэчжа.

– Я просто гляну на вход в пещеру, – с надеждой просиял улыбкой Минчжа. – Мы не пойдем внутрь. Ну пожалуйста!

Нэчжа сдался.

– Только за угол и обратно. Заглянем в пещеру издалека. А потом вернемся, понятно?

Минчжа взвизгнул от радости и пошлепал по воде. Нэчжа последовал за ним, наклонившись, чтобы взять брата за руку.

Минчжэ было невозможно в чем-либо отказать. Он был таким пухлым и жизнерадостным, прямо прыгающий мячик, состоящий из хохота и радости, предмет обожания всего дворца. Отец души в нем не чаял. Цзиньчжа и Мучжа играли с ним по первому его требованию и никогда не огрызались, как часто поступал Цзиньчжа с Нэчжей.

Матушка любила его больше остальных детей, возможно потому, что другим сыновьям предстояло стать военными, а Минчжу она могла оставить при себе. Она одевала его в тонкий расшитый шелк и увешивала многочисленными золотыми и нефритовыми амулетами на удачу, так что Минчжа позвякивал ими при ходьбе, едва таская вес всего этого золота. Дворцовые слуги шутили, что слышат Минчжу прежде, чем его увидят. Нэчжа хотел попросить Минчжу

снять золото, боясь, что оно утянет его под воду, уже доходящую малышу до груди, но Минчжа рвался вперед, как будто ничего не весит.

– Все, дальше мы не пойдем, – сказал Нэчжа.

Они подобрались ближе к гротам, чем когда-либо прежде. Устья пещер были так темны, что Нэчжа ничего не видел дальше двух шагов, но стены выглядели такими гладкими и переливались миллионами оттенков, словно рыба чешуя.

– Смотри! – Минчжа показал что-то в воде. – Это папин плащ.

Нэчжа нахмурился.

– Как папин плащ оказался на дне реки?

Но тяжелый плащ, наполовину засыпанный песком, и впрямь принадлежал Иню Вайшре, никаких сомнений. Нэчжа различил гребень дракона, вышитый серебром на яркой небесно-голубой ткани, которую позволялось носить лишь членам семьи Инь.

Минчжа указал на ближайший грот.

– Он появился оттуда.

По жилам Нэчжи пробежал необъяснимый холодок ужаса.

– Минчжа, немедленно уходи!

– С чего бы это?

Упрямый и бесстрашный Минчжа шагнул ближе к пещере.

Вода забурилась.

Нэчжа бросился к брату, чтобы оттащить его обратно.

– Стой, Минчжа...

Из воды показалась громадина.

Нэчжа увидел гигантский темный силуэт мускулистого чудовища, свернувшегося кольцом, как змея, и тут массивная волна накрыла Нэчжу с головой и бросила ничком вниз, под воду.

Река была неглубока. Вода доходила Нэчже только до пояса, а Минчже до плеч, ближе ко входу в грот было совсем мелко. Но когда Нэчжа открыл глаза, поверхность воды находилась где-то далеко-далеко, а дно грота казалось необъятным, как дворец в Арлонге.

От дна исходило бледно-зеленое сияние. Нэчжа видел лица – прекрасные лица без глаз. Человеческие лица из кораллов и песка, бесконечную мозаику из серебряных монет, фарфоровых ваз и золотых слитков, и это устланное сокровищами дно тянулось вдаль, в глубь грота, откуда исходил свет.

На мгновение Нэчжа заметил проблеск чего-то темного на фоне света, но все тут же вернулось к прежнему виду.

Что-то было не так с самой водой. Словно кто-то изменил и растянул заводь. Светлое мелководье вдруг стало глубоким и темным, и кошмарно, гипнотически спокойным.

В полной тишине Нэчжа расслышал слабый крик брата.

Нэчжа яростно погреб к поверхности. Казалось, до нее много миль.

Когда он наконец вынырнул из воды, то снова оказался на мелководье.

Тяжело дыша, Нэчжа смахнул с глаз воду.

– Минчжа?

Брат пропал. По реке расплылись алые разводы. Некоторые были густыми, с комковатой жижей. Нэчжа тут же понял, что это.

– Минчжа?

Вода была спокойна. Нэчжа рухнул на колени, и его вырвало. Рвота смешалась с кровавой водой.

Послышался лязг металла о камень.

Нэчжа опустил взгляд и увидел золотой браслет.

И тогда Нэчжа заметил поднимающийся у входа в грот темный силуэт и услышал голос, исходящий непонятно откуда и пробирающийся до костей:

– Привет, малыш.

Нэчжа закричал.

Часть первая

Глава 1

Сквозь клубящийся рассветный туман «Буревестник» на всех парусах шел к портовому городу Адлага. После атаки армии Федерации во время Третьей опиумной войны город был разрушен, и с тех пор таможеню так толком и не восстановили, тем более, когда дело касалось корабля с припасами, идущего под флагом ополчения. «Буревестник» благополучно миновал портовую таможеню и пришвартовался как можно ближе к городской стене.

Рин сидела на носу, пытаясь спрятать трясущиеся руки и забыть о ноющей боли в висках. Ей страшно хотелось получить дозу опиума, но сегодня она не могла себе этого позволить. Сегодня ей нужно соображать быстро и на трезвую голову.

«Буревестник» стукнулся о причал. Отряд цыке собрался на верхней палубе, в напряженном предвкушении глядя в серое небо, пока тянулись минуты ожидания.

Рамса забарабанил ногой по палубе.

– Ждем уже целый час.

– Имей терпение, – ответил Чахан.

– Наверное, Юнеген смылся, – предположил Бацзы.

– Не смылся, – возразила Рин. – Он сказал, что будет занят до полудня.

– А еще он будет первым, кто ухватится за возможность от нас избавиться, – сказал Бацзы.

И он был прав. Юнеген, самый непостоянный из цыке, уже много дней ныл по поводу грядущего задания. Рин послала его вперед, разведать их цель в Адлаге. Но время встречи уже истекало, а Юнеген так и не появился.

– Он не посмеет, – сказала Рин и поморщилась, потому что стоило ей заговорить, как боль вонзила клинок в основание черепа. – Он знает, что я его выслежу и спущу с него шкуру живьем.

– М-м-м, – протянул Рамса. – Лисий мех. У меня был бы новый шарф.

Рин снова обратила взгляд к городу. Адлага превратилась в странный обломок города, наполовину живой, а наполовину разрушенный. Одна часть вышла из войны без повреждений, другую же так усердно бомбили, что из обугленной травы теперь торчали только фундаменты. Граница пролегла настолько ровно, что разрежала некоторые дома пополам: одна половина почернела и обвалилась, а другая каким-то образом выстояла, несмотря на стонущие океанские ветра, и до сих пор держалась.

Рин с трудом представляла, что в городе могли остаться выжившие. Если Федерация поработала здесь так же тщательно, как в Голин-Ниисе, Адлага должна быть забита трупами.

Внезапно с почерневших руин взлетел ворон. Он сделал над кораблем два круга и резко спикировал к «Буревестнику», словно к мишени. Кара подняла руку. Ворон притормозил и обхватил когтями ее запястье.

Кара провела указательным пальцем по голове и спине птицы. Когда Кара поднесла ухо к клюву ворона, он распустил перья. Прошло несколько секунд. Кара по-прежнему стояла с закрытыми глазами, внимательно слушая то, чего не могли слышать остальные.

– Юнеген нашел Юаньфу, – наконец сказала Кара. – В двух часах отсюда, в здании городского совета.

– Похоже, ты не получишь свой шарф, – сказал Бацзы Рамсе.

Чахан принес снизу мешок и высыпал его содержимое на палубу.

– Одевайтесь, – велел он.

Рамсе пришло в голову, что для маскировки им стоит переодеться в украденную форму ополчения. Они не смогли купить военную форму у Муг, однако найти ее не составляло труда. Разлагающиеся трупы валялись грудami по обочинам в каждом покинутом прибрежном городке, достаточно было дважды сойти на берег, чтобы набрать достаточно одежды – не обугленной и не заляпанной кровью.

Рин пришлось закатать рукава и подвернуть брючины. Трудно было отыскать труп ее роста. Она подавила позыв к рвоте и надела ботинки. Рубаху она сняла с тела, распластавшегося на непрогоревшем похоронном костре, и даже после трех стирок в соленой морской воде запах горелого мяса никак не выветривался.

Рамса, одетый в нелепую форму, в которую могло бы поместиться трое таких, как он, отсалютовал Рин.

– И как я тебе? – спросил он.

Рин наклонилась, чтобы завязать шнурки.

– Зачем ты это нацепил?

– Рин, прошу тебя.

– Ты не идешь.

– Но я хочу пойти!

– Ты не идешь, – повторила она. Рамса был гением, когда дело касалось боеприпасов, но в остальном был тощим, мелким и совершенно бесполезным в схватке. Рин не собиралась потерять своего специалиста по изготовлению пороха из-за того, что тот не умеет обращаться с мечом. – Не заставляй меня привязывать тебя к мачте.

– Да брось, – заныл Рамса. – Мы уже столько времени торчим на корабле, а у меня морская болезнь, стоит сделать два шага, и уже тошнит.

– Крепись.

Рин несколько раз обернула ремень вокруг пояса.

Рамса вытащил из кармана несколько ракет.

– Подпалишь их? – спросил он.

Рин окинула его суровым взглядом.

– Надеюсь, ты понимаешь, что мы не собираемся взрывать Адлагу.

– Нет, конечно, только свергнуть местную власть, а это намного лучше.

– С минимальными человеческими жертвами, а это значит, что лучше обойтись без тебя. – Рин похлопала по стоящей у мачты одинокой бочке. – Агаша, присмотришь за ним? Не дай ему покинуть судно.

Из воды появилась расплывчатая, гротескно прозрачная физиономия. Агаша проводил большую часть жизни в воде, подгоняя корабли цыке в нужном направлении, а когда он не вызывал своего бога, то предпочитал отдыхать в бочке. Рин никогда не видела его в первоначальном человеческом обличье. Она даже сомневалась, был ли он когда-либо человеком.

– Хорошо, если так нужно, – произнес Агаша, пуская пузыри.

– Удачи, – пробормотал Рамса. – Можно подумать, я не сумею удрать от дурацкой бочки. Агаша повернул к нему голову.

– Напомнить тебе, что я могу за секунду тебя утопить?

Рамса уже открыл рот, собираясь ответить, но тут заговорил Чахан.

– Берите оружие.

Он опустил на палубу сундук с оружием ополчения, клацнула сталь. Бацзы с громкими причитаниями поменял свои вызывающие подозрения грабли с девятью зубцами на стандартный меч пехотинца. Суни выбрал имперскую алебарду, но Рин знала, что оружие ему нужно только для вида. Суни ломал черепа своими ручищами размером с приличный щит. Ему не требовалось оружие.

Рин пристегнула к поясу изогнутый пиратский ятаган. Его не использовали в ополчении, но обычный меч был для нее слишком тяжел. Кузнец Муг смастерил для Рин кое-что полегче. Она еще не привыкла держать ятаган в руке, но сомневалась, что сегодня вообще придется пустить его в ход.

Если все обернется совсем паршиво и придется орудовать ятаганом, то кончится это огнем.

– Итак, повторим задачу, – сказал Чахан, обводя всех цыке взглядом светлых глаз. – Это точечная операция. У нас единственная цель. Это убийство, а не сражение. Не наносите ущерб мирному населению.

Он многозначительно покосился на Рин.

Она скрестила руки на груди.

– Я в курсе.

– Даже случайно.

– Я поняла.

– Да брось, – сказал Бацзы. – С каких это пор ты так печешься о случайных жертвах?

– Мы причинили достаточно зла этим людям, – отозвался Чахан.

– Ты причинил им достаточно зла, – подчеркнул Бацзы. – Не я сломал те плотины.

При этих словах Кара вздрогнула, но Чахан и бровью не повел, как будто не слышал.

– Мы больше не будем наносить ущерб гражданским. Я понятно выразился?

Рин передернула плечами. Чахан любил разыгрывать из себя командира, и она редко бывала в настроении его одергивать. Пусть выделяется, если желает. Ей лишь нужно, чтобы они выполнили задачу.

Три месяца. Двадцать девять целей, все убиты без запинки. Еще одна голова в мешке, и они отплывут на север, чтобы прикончить последнюю цель – императрицу Су Дацзы.

При этой мысли Рин почувствовала, как затылок полыхнул огнем. Ладони опасно раскалились.

Не сейчас. Еще рано. Она глубоко вдохнула. Потом еще раз, еще один отчаянный вдох, и только тогда жар отхлынул.

Бацзы хлопнул ее по плечу ладонью.

– Ты как?

Рин медленно выдохнула и досчитала до десяти, а потом через один до сорока девяти и обратно. Этому трюку ее научил Алтан, и обычно действовало, по крайней мере, если Рин не думала об Алтане, выполняя упражнение. Жар отхлынул.

– Все нормально.

– Ты не под кайфом? – поинтересовался Бацзы.

– Нет, – твердо ответила она.

Бацзы не убрал руку с ее плеча.

– Уверена? Потому что...

– Да поняла я, – огрызнулась она. – Пойдем уже, выпустим кишки говнюку.

Три месяца назад, когда цыке отплыли от берегов острова Спир, они столкнулись с дилеммой.

А именно, им некуда было плыть.

На материк они вернуться не могли. Рамса проницательно заметил, что если императрица хотела продать цыке ученым Федерации, она вряд ли будет счастлива видеть их невредимыми и на свободе. Быстрый и тайный рейд за припасами к прибрежному городу в провинции Змея подтвердил подозрения. На столбах по всему городу были развешаны их портреты. Их объявили военными преступниками. За арест цыке предложили награду – пятьсот императорских серебряных монет за мертвых и шестьсот за живых.

Они украли столько ящиков с провизией, сколько сумели, и поспешили убраться из провинции Змея, прежде чем кто-либо их увидит.

Вернувшись в залив Омонод, они обсудили варианты. Все согласились в одном – нужно убить императрицу Су Дацзы, то есть Гадюку, последнюю из Триумвирата и предательницу, продавшую страну Федерации.

Но их было всего девять, а без Катая – восемь, против самой могущественной женщины в империи и всего императорского ополчения. У цыке не хватало припасов, из оружия – только то, что висело за спиной, и украденная посуда, настолько дряхлая, что полдня приходилось вычерпывать воду из трюма.

И потому они поплыли вдоль побережья дальше на юг, мимо провинции Змея, в провинцию Петух, пока не добрались до портового города Анхилуун. Здесь они поступили на службу к королеве пиратов Муг.

Рин никого так в жизни не уважала, как Муг, или, как ее еще называли, Каменную стерву, Лживую вдову, безжалостную правительницу Анхилууна. Она заняла это место, убив своего мужа и превратившись из супруги в настоящую королеву, и многие годы правила Анхилууном как анклавом империи, где процветала нелегальная торговля с иностранцами. Во время Второй опиумной войны Муг сражалась с Триумвиратом, а с тех пор отгоняла лазутчиков императрицы.

Она с радостью согласилась помочь цыке навсегда избавиться от Дацзы.

Взамен Муг потребовала тридцать голов. Цыке принесли ей двадцать девять. Большинство убитых были мелкими контрабандистами, капитанами кораблей и наемниками. Главный доход Муг получала от контрабандного импорта опиума, и она избавлялась от торговцев опиумом, которые не играли по ее правилам или не наполняли ее карманы.

Тридцатая цель будет крепким орешком. Сегодня Рин и цыке собирались свергнуть власть в Адлаге.

Муг годами пыталась внедриться на рынок Адлаг. Маленький прибрежный городок не мог предложить много, но его население, пристрастившееся к опиуму со времен мугенской оккупации, с радостью потратило бы все сбережения на товар из Анхилууна. Адлага уже два десятилетия сдерживала агрессивную торговлю опиумом лишь благодаря бдительному городскому главе Яну Юаньфу и его администрации.

Муг желала смерти Яну Юаньфу. Цыке умели убивать. Просто мечта свахи.

Три месяца. Двадцать девять голов. Еще лишь одно дело, и у них будет серебро, корабли и достаточно солдат, чтобы отвлечь императорскую гвардию, пока Рин прорвется к Дацзы и сожмет пылающими пальцами ее шею.

Если порт охранялся с прохладцей, то стены не охранялись вовсе. Никто не побеспокоил цыке, когда они перебрались за стены Адлаг, что было нетрудно, поскольку Федерация проделала огромные бреши, ни одна из которых не охранялась.

За воротами их встретил Юнеген.

– Мы выбрали отличный день для убийства, – сказал он, ведя остальных по переулку. – В полдень Юаньфу будет проводить на главной площади церемонию поминания погибших на войне. При свете дня мы можем пристрелить его из переулка, и никто нас даже не увидит.

В отличие от Агаши, Юнеген предпочитал личину человека, когда не призывал духа лисы, способного менять обличье. Однако Рин всегда чувствовала в его манерах что-то лисье. Юнеген был хитер и пугался каждого шороха, его узкие глаза всегда шныряли по сторонам, определяя все возможные пути к побегу.

– У нас часа два, так? – спросила Рин.

– Чуть больше. В нескольких кварталах отсюда есть склад, он почти пуст, – ответил Юнеген. – Можем спрятаться там и переждать. А если что-то пойдет не так, легко можем разделиться.

Рин в задумчивости повернулась к остальным цыке.

– Когда появится Юаньфу, мы будем ждать его на углах площади, – решила она. – Суни – на юго-западе. Бацзы – на северо-западе, а я возьму северо-восточный угол.

– Отвлечь внимание? – спросил Юнеген.

– Нет.

В обычной ситуации отвлечь внимание – отличная идея, Рин просила Суни посеять хаос и неразбериху, пока она или Бацзы бросались на жертву и перерезали ей горло, но во время публичной церемонии был слишком велик риск, что пострадают и мирные жители.

– Первый выстрел сделает Кара. Остальные расчистят путь к отступлению до корабля, если кто-то будет мешать.

– По-прежнему делаем вид, что мы простые наемники? – спросил Суни.

– Почему бы и нет? – ответила Рин. До сих пор им прекрасно удавалось скрывать масштаб своих возможностей, по крайней мере, заставить умолкнуть всех, кто разносил слухи. Дацзы не ожидала нападения цыке. Чем дольше она будет считать их погибшими, тем лучше. – Однако мы имеем дело с более сильным противником, чем обычно, так что поступим так, как того требуют обстоятельства. И к концу дня у нас в мешке должна быть голова.

Она вздохнула и снова мысленно повторила план.

Все получится. Все будет отлично.

Вырабатывать стратегию с отрядом цыке – все равно что играть в шахматы, где фигуры слишком сильны, непредсказуемы и имеют странный вид. Агаша управлял водой. Суни и Бацзы были бойцами, способными смести целый взвод, даже не вспотев. Юнеген умел превращаться в лисицу. Кара не только разговаривала с птицами, но и с сотни метров могла попасть в глаз павлину. А Чахан... Рин толком не понимала, на что способен Чахан, кроме как раздражать ее на каждом повороте, но, похоже, он умел сводить людей с ума.

И все они – против единственного городского чиновника и его охраны. Даже слишком много.

Но Ян Юаньфу привык к покушениям. А как же иначе, если он остался одним из немногих неподкупных чиновников в империи. Он окружил себя взводом самых закаленных в битвах воинов, каких только сумел найти в провинции.

Со слов Муг Рин знала, что за пятнадцать лет Ян Юаньфу пережил по крайней мере тринадцать покушений. Его охрана привыкла к предательствам. Чтобы одолеть ее, нужны воины со сверхъестественными способностями. Многократно превосходящие противники.

Оказавшись на складе, цыке стали ждать. Юнеген посматривал сквозь щели в стене, постоянно дергаясь. Чахан и Кара сидели молча, прислонившись к стене. Суни и Бацзы стояли, опустив плечи и небрежно скрестив руки, словно в ожидании обеда.

Рин расхаживала по складу, фокусируясь на дыхании и пытаясь отвлечься от боли в висках.

Прошло тридцать часов с тех пор, как она принимала опиум. А это дольше, чем она привыкла за многие недели. Рин вышагивала, сжимая кулаки, чтобы руки перестали дрожать.

Это не помогло. И головная боль не унялась.

Проклятье.

Поначалу Рин думала, будто опиум нужен ей, только чтобы справиться с горем. Она считала, что курит для облегчения боли, пока воспоминания о Спире и Алтане не превратятся в пепел, пока она не сможет нормально жить без удушающего чувства вины за совершенное.

Рин называла это чувством вины. Иррациональным чувством, а не моральной концепцией. Потому что твердила себе – ей не жаль, мугенцы все это заслужили, а она не будет огля-

дываться назад. Вот только воспоминания висели в голове огромной бездной, куда Рин бросала все человеческие чувства, угрожающие ее существованию.

Однако бездна все время призывала заглянуть в свои глубины. Рухнуть в нее.

А Феникс не желал дать Рин забвение. Феникс желал, чтобы она радовалась содеянному. Феникс жил яростью, связывающей Рин с прошлым. Ему нужно было беречь раны в ее разуме и воспламенять их, день за днем, заставляя ее помнить, ведь эти воспоминания подпитывали ярость.

Без опiums видения постоянно мелькали перед мысленным взором Рин, часто становясь более живыми, чем окружающая реальность.

Иногда ей грезился Алтан. Но по большей части нет. Проводником для воспоминаний служил Феникс. Тысячи спирцев в горе и отчаянии молились этому богу. А бог собрал все их страдания, сохранил и обратил в пламя.

Порой воспоминания оказывались обманчиво мирными. Рин видела смуглых детей, бегающих по девственно белому пляжу. Видела горящие выше по берегу костры – не погребальные, не пламя разрушения, а обычные костры. Праздничные костры, теплые и несущие радость.

Иногда она видела многочисленных спирцев, целую деревню. Рин всегда поражалась, сколько их, целый народ. И боялась, что ей это только снится. Если Феникс задерживался надолго, Рин даже улавливала фрагменты разговоров на языке, который почти понимала, мельком видела лица, которые почти узнавала.

Они не были похожи на свирепых тварей из никанских преданий. Не были тупоголовыми воинами Красного императора, которому нужны были именно такие, как и всем сменившим его правителям. Эти люди любили и смеялись, танцуя вокруг костров. Это были люди.

Но каждый раз, прежде чем Рин погружалась в воспоминания об утерянном наследии, она видела на горизонте смутные очертания кораблей, плывущих из базы Федерации на континенте.

Дальнейшие события выглядели как разноцветный туман, картинки сменялись слишком быстро, чтобы уловить суть. Крики, стоны, движения. Шеренга за шеренгой спирцы выстраивались на берегу с оружием в руках.

Но этого оказалось мало. Федерация считала их всего лишь дикарями с палками, сражающимися против богов, и после канонады из пушек деревня мгновенно вспыхивала, словно кто-то поднес огонь к сложенному хворосту.

С жуткими хлопками с похожих на плавучие крепости кораблей вылетали снаряды с газом. Приземлившись, они выпускали огромные густые облака кислотного-желтого дыма.

Падали женщины. Дергались в судорогах дети. Ломалась цепь воинов. Газ убивал не мгновенно, его изобретатели не были настолько добры.

А потом началась резня. Солдаты Федерации стреляли без перерыва и без жалости. Мугенские арбалеты выпускали по три болта за раз, поливая спирцев бесконечным металлическим градом, разрывающим шеи, головы и сердца.

Кровь прочертила мраморные разводы на белом песке. Затихнув, мертвые лежали там, где пали. На заре генералы Федерации сошли на берег, безразлично переступая через растерзанные тела, чтобы воткнуть флаг в залитый кровью песок.

– У нас проблема, – сказал Бацзы.

Рин тут же сосредоточилась.

– В чем дело?

– Взгляни.

Она услышала резкий колокольный звон – радостный звук, совершенно неуместный в разрушенном городе. Рин прижалась лицом к дыре в досках стены. Над толпой колыхался нарисованный на ткани дракон, которого на десяти шестах несли танцоры. Они размахивали

вымпелами, и на ветру струились ленты, играли музыканты, а чиновников несли чуть позади, подняв на ярких красных стульях. За ними шла толпа.

– Ты говорил, что это будет скромная церемония, – сказала Рин. – А не гребаный парад.

– Еще час назад все было тихо, – возразил Юнеген.

– А теперь на площади собрался весь город. – Бацзы всмотрелся сквозь щель. – Мы по-прежнему придерживаемся правила «без ущерба мирному населению»?

– Да, – ответил Чахан, прежде чем Рин успела открыть рот.

– Какой ты скучный, – заявил Бацзы.

– Из-за толпы будет легче прицелиться, – сказал Чахан. – Удобнее подобраться ближе. Прицелиться так, что никто и не заметит, а потом просочиться мимо охраны, не дав ей время среагировать.

Рин уже хотела сказать: «Но все-таки многовато свидетелей», но тут на нее накатило похмелье. Волна боли разрывала мышцы, началась она где-то в животе и разрасталась дальше, все произошло так внезапно, что в глазах почернело, и Рин могла только схватиться за грудь, тяжело дыша.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросил Бацзы.

Прежде чем Рин успела ответить, к горлу подступила рвота. Рин сделала глубокий вдох. В животе зародился второй приступ тошноты. Потом третий.

Бацзы положил руку ей на плечо.

– Рин?

– Я в норме, – заверила она, похоже, уже в тысячный раз.

Она в норме. В голове снова стрельнуло, но на этот раз боль сопровождалась тошнотой в груди и не отпускала, пока Рин со стоном не упала на колени.

Пол забрызгала рвота.

– Планы меняются, – сказал Чахан. – Возвращайся на корабль, Рин.

Она вытерла губы.

– Нет.

– А я говорю, что в таком состоянии от тебя нет никакого прока.

– Командую здесь я, – отозвалась она. – Так что заткнись и делай, что я скажу.

Чахан прищурился. На складе стало тихо.

Рин уже несколько месяцев боролась с Чаханом за власть над цыке. Он оспаривал ее решения при каждом удобном случае, использовал любую возможность со всей ясностью дать понять, что, по его мнению, Алтан совершил глупость, назначив ее командиром.

И Рин понимала, что, по правде говоря, Чахан прав.

Роль лидера ее страшила. За прошедшие три месяца планы атак по большей части сводились к формуле: «Нападаем всем скопом и посмотрим, что из этого выйдет».

Но даже если не принимать во внимание ее способности как командира, она должна быть здесь. Должна лично заняться Адлагой. С тех пор как они покинули Спир, отходить от опиума с каждым разом становилось все тяжелее. Во время первых миссий по заданию Муг Рин более-менее справлялась. А потом бесконечные убийства, крики и сцены с поля боя снова и снова распаляли ее гнев, пока Рин не стала проводить все больше часов под кайфом, чем трезвой, и даже когда трезвела, ощущала себя на грани безумия, потому что проклятый Феникс никогда не успокаивался.

Ей нужно удержаться на краю пропасти. Если она не сумеет справиться с таким простым заданием, не способна убить какого-то городского чиновника, даже не шамана, то как сможет тягаться с императрицей?

А шанс на возмездие никак нельзя упустить. Месть – единственное, что осталось у Рин.

– Не ставь под угрозу операцию, – сказал Чахан.

– А ты прекрати меня опекать, – ответила она.

Чахан вздохнул и повернулся к Юнегену.

– Присмотришь за ней? Я дам тебе лауданум.

– Я думал, что должен вернуться на корабль, – отозвался Юнеген.

– Планы изменились.

– Ладно, – передернул плечами Юнеген. – Если так надо.

– Да бросьте, – сказала Рин. – Мне не нужна нянька.

– Будешь ждать позади толпы, – приказал Чахан, не обращая внимания на ее слова. – И не отходи от Юнегена. Вы оба вступите в дело только как подкрепление, если не будет другого выхода.

– Чахан... – нахмурилась она.

– Если не будет другого выхода, – повторил тот. – Ты уже погубила достаточно невинных.

И вот время пришло. Цыке по одному прошмыгнули из склада, чтобы влиться в толпу.

Рин и Юнеген легко просочились в толпу горожан. Главные улицы были забиты людьми, озабоченными собственными бедами, и со всех сторон на Рин навалилось столько звуков, что она не знала, куда смотреть, и непроизвольно ощутила легкий прилив паники.

Напевы лютни во главе парада утонули в нестройных звуках гонгов и военных барабанов. За каждым углом торговцы предлагали свои товары, выкрикивая цены так поспешно, словно готовились к эвакуации. По улицам рассыпались праздничные красные конфетти, которые горстями разбрасывали дети и зеваки, все вокруг покрылось красными бумажными веснушками.

– Откуда у них на все это деньги? – пробормотала Рин. – Из-за Федерации город голодал.

– Помощь из Синегарда, – предположил Юнеген. – Деньги на праздник по поводу окончания войны. Чтобы народ был счастлив и не бунтовал.

Куда ни глянь, Рин повсюду видела разные яства. Огромные кубики дыни на палочках. Булочки с красной фасолью. На лотках продавали приправленные соевым соусом клецки и пирожные с семенами лотоса. Торговцы ловкими движениями подбрасывали яйца и с треском разбивали их в кипящее масло. При других обстоятельствах это вызвало бы у Рин аппетит, но сейчас резкие запахи только приводили к новому приступу тошноты.

Такое изобилие выглядело и невозможным, и несправедливым. Всего несколько дней назад они проплывали мимо людей, утопивших младенцев в речном иле, потому что это более быстрая и милосердная смерть, чем от голода.

Если все это прислали из Синегарда, значит, имперская бюрократия все эти дни придерживала запасы. Почему же их не раздавали во время войны?

Если жители Адлагы и задавались подобными вопросами, то никак этого не показывали. Все выглядели счастливыми. На лицах читалось облегчение хотя бы от того, что война наконец закончилась, империя победила и им ничто не грозит.

Рин это разъярило.

Ей всегда с трудом удавалось сдерживать гнев, она это знала. В Синеграде она постоянно действовала в гневе, и позже ей приходилось справляться с последствиями импульсивных выходок. Но сейчас ярость была постоянной, испепеляющая ярость, которую Рин не могла ни сдержать, ни контролировать.

Но и не хотела ее сдерживать. Гнев служил ей щитом. Гнев помогал забыть о содеянном. Потому что пока Рин пребывала в ярости, она считала, что действовала по веской причине. Рин боялась, что, если гнев отступит, она просто рассыплется.

Она пыталась отвлечься, высматривая в толпе Яна Юаньфу и его охрану, пыталась сосредоточиться на текущей задаче.

Бог никогда ей этого не позволит.

«Убей их, – подзуживал ее Феникс. – Не позволяй им быть счастливыми. Они не сопротивлялись».

Внезапно ей пригрезилась охваченная огнем рыночная площадь. Рин яростно замотала головой, пытаясь изгнать голос Феникса.

– Нет, прекрати...

«Пусть они сгорят».

Ладони вспыхнули жаром. Живот скрутило. Нет... не здесь, не сейчас. Рин зажмурилась.

«Преврати их в пепел».

Сердцебиение участилось, поле зрения сузилось до размера булавочной головки, а потом снова расширилось. Ее била дрожь. Толпа вдруг показалась полной врагов. На одно мгновение все оказались одеты в синюю форму солдат Федерации, а в руках каждый держал оружие, но через секунду снова превратились в мирных жителей. Рин судорожно и глубоко вздохнула, пытаясь набрать в легкие побольше воздуха, и крепко зажмурилась, желая скинуть красный туман.

Но не помогло.

Смех, музыка и улыбающиеся лица вокруг лишь вызывали желание закричать.

Как они смеют жить, когда Алтан погиб? Казалось чудовищной несправедливостью, что эти люди продолжают жить и празднуют окончание войны, которую не выиграли, и никто их за это не накажет...

Ладони раскалились.

Юнеген схватил ее за плечо.

– Я думал, ты можешь держать эту дрянь под контролем.

Рин подпрыгнула и резко развернулась.

– Могу! – прошипела она.

Слишком громко. Люди вокруг нее попятились.

Юнеген потянул ее подальше от густой массы людей, в безопасные тени руин Адлаг.

– Ты привлекаешь к себе внимание.

– Я в норме, Юнеген, отпусти...

Он не подчинился.

– Тебе нужно успокоиться.

– Я знаю...

– Нет. Прямо сейчас успокоиться. – Он мотнул головой через плечо. – Она здесь.

Рин обернулась.

И увидела императрицу, сидящую в паланкине из красного шелка, словно невеста.

Глава 2

Когда Рин в последний раз видела императрицу, то пылала в жару и была не в себе, а потому не видела ничего, кроме лица Дацзы – прекрасного, гипнотического, с фарфорово-белой кожей и похожими на крылья мотылька глазами.

Императрица, как всегда, была неотразима. Все знакомые Рин, уцелевшие после мугенского вторжения, внешне постарели на десяток лет, но императрица осталась прежней – белокожей, молодой и безупречной, словно жила в потустороннем мире, недоступном для простых смертных.

У Рин участилось дыхание.

Никто не предполагал, что Дацзы окажется здесь.

Все должно было случиться не так.

В голове мелькали образы императрицы. Ее расколота о белый мрамор голова. Перерезанная белая шея. Обугленное тело. Но все же она не должна сгореть мгновенно. Рин хотела сделать это медленно, насладиться местью.

Толпа восторженно охнула.

Императрица наклонилась из-под полога и подняла руку – такую белую, что та блеснула на солнце. И улыбнулась.

– Мы победили, – воскликнула она. – Мы выжили.

Где-то внутри у Рин полыхнул гнев, такой плотный, что она чуть не задохнулась. Ее тело словно жалили тысячи крохотных муравьев, но она не могла почесаться, и нарастало раздражение, готовое вот-вот прорваться наружу.

Почему императрица до сих пор жива? Это разъяряло Рин. Алтан, наставник Ирцзах и многие другие погибли, а Дацзы все нипочем. Она стояла во главе страны, когда миллионы истекали кровью во время бессмысленного вторжения, которое она же и навлекла, а выглядит так, будто прибыла на банкет.

Рин рванулась вперед.

Юнеген немедленно оттащил ее.

– Что ты вытворяешь?

– А ты как думаешь? – Рин вывернулась из его рук. – Я собираюсь ее достать. Предупреди остальных, они должны меня прикрыть...

– Совсем свихнулась?

– Она прямо перед нами! У нас никогда не будет такой превосходной мишени!

– Тогда пусть это сделает Кара.

– Кара не сумеет прицелиться, – прошептала Рин.

Кара расположилась на развалинах колокольни и была слишком высоко. Она не сумела бы пустить стрелу через окно экипажа, через всю эту толпу. Внутри паланкина Дацзы была со всех сторон защищена, а выстрелам спереди помешала бы охрана, стоящая прямо перед императрицей.

А Рин может ударить куда точнее Кары. Сейчас она отчетливо видела императрицу, но боялась пускать огонь прямо в толпу невинных горожан или выдать местонахождение цыке, прежде чем кто-либо из них сумеет прицелиться. Кара, вероятно, решит вести себя благоразумно.

Рин плевать хотела на благоразумие. Вселенная предоставила ей шанс. И в любую минуту может отобрать.

В голове снова возник Феникс, рьяный и нетерпеливый. «Давай же, дитя... Выпусти меня...»

Она вонзила ногти в ладони. Еще рано.

Слишком большое расстояние отделяло ее от императрицы. Если Рин запылает сейчас, погибнут все собравшиеся на площади.

Ей отчаянно хотелось лучше контролировать огонь. Хотя бы как-то контролировать. Но Феникса невозможно держать в узде. Феникс жаждал гулкого, хаотичного пламени, пожирающего все вокруг до самого горизонта.

И когда Рин призывала бога, то уже не могла отличить свои желания от желаний Феникса, они оба хотели только сеять смерть, все больше и больше смертей, чтобы накормить ими огонь.

Рин пыталась думать о чем-то другом, кроме ярости и мести. Но стоило ей посмотреть на императрицу, она видела только пламя.

Дацзы вскинула голову и встретила взглядом с Рин. Потом подняла руку и помахала.

Рин замерла. Она просто не могла отвернуться. Глаза Дацзы превратились в бездонные колодцы, а потом в воспоминания, и в дым, огонь, трупы, кости, и Рин почувствовала, как падает, падает в черный океан, где видела только Алтана – единственный человеческий маяк, полыхающий погребальным костром.

Губы Дацзы изогнулись в жестокой усмешке.

И тут за спиной у Рин разразились дробью фейерверки – хлоп! хлоп! хлоп! – и сердце чуть не выскочило у нее из груди.

Она вдруг закричала, зажав уши руками, ее трясло.

– Это фейерверк! – прошипел Юнеген, оттягивая ее ладони от головы. – Всего лишь фейерверк.

Но это не имело значения, Рин и без того знала, что это фейерверк, но то была рациональная мысль, а рациональные мысли ничего не значили, когда она закрывала глаза и с каждым хлопком, с каждым взрывом видела под опущенными веками мешанину тел и визжащих детей.

Она видела человека, болтающегося на торчащей из разрушенного здания доске и пытающегося удержаться за скользкую древесину пальцами, чтобы не рухнуть на острые колья вниз. Видела размазанных по стенам людей, припорошенных белым пеплом, так что их можно было принять за статуи, если не заметить темные пятна крови вокруг...

Слишком много народу. Рин в ловушке среди толпы. Она опустилась на колени, закрыв лицо ладонями. Когда она в последний раз оказывалась в такой толпе, люди в ужасе бежали из-за стен Хурдалейна, и сейчас ее взгляд метался в поисках пути к отступлению, но не находил ни единого, кругом была лишь бесконечная стена плотно сомкнутых тел.

Их слишком много. Слишком много всего в поле зрения, мозг не успевает обрабатывать информацию. В воздухе за спиной и над головой снова что-то взорвалось, и Рин еще сильнее задрожала.

Народу слишком много – огромная масса протянутых рук, масса без имен и без лиц, которая хочет разорвать Рин на части...

Тысячи, сотни тысяч... И ты спалила их дотла, спалила прямо в постелях...

– Прекрати, Рин! – рявкнул ей в ухо Юнеген.

Но было уже поздно. Толпа отхлынула от нее, образовав широкую проплешину. Матери хватали детей. Ветераны указывали на нее пальцами и охали.

Она опустила взгляд. От нее струился дым.

Паланкин Дацзы исчез. Несомненно, ее унесли в безопасное место, присутствие Рин послужило предупреждением. Сквозь толпу в сторону Рин и Юнегена протискивался отряд императорской гвардии с поднятыми щитами и нацеленными на Рин копьями.

– Вот дерьмо, – выругался Юнеген.

Рин неуверенно попятилась, вытянув руки перед собой, словно они принадлежали незнакомцу. Чужие пальцы, сверкающие огнем. Кто-то другой призвал в мир Феникса.

«Сожги их».

Внутри ее пульсировало пламя. С закрытыми глазами Рин чувствовала, как взбухают вены. Боль вонзала в голову тысячу маленьких кинжалов, так что зрение затуманивалось.

«Убей их».

Капитан гвардии выкрикнул приказ. Солдаты ополчения бросились в атаку. И когда всколыхнулся инстинкт самозащиты, Рин окончательно потеряла самоконтроль. В голове установилась оглушительная тишина, сквозь которую пробивался лишь высокий и резкий смех бога-триумфатора, знающего, что он победил.

Когда Рин посмотрела на Югенена, то увидела не человека, а обугленный труп. Блестел белый скелет, с которого сошла плоть, Рин видела, как он за секунду превращается в пепел, и поразились, насколько этот пепел чист, насколько он лучше, чем месиво из костей и плоти, теперешний Юнеген...

– Прекрати!

Она услышала не крик, а вой. На долю секунды сквозь пепел промелькнуло лицо Югенена.

Рин его убивала. Она знала, что убивает его, но не могла остановиться.

Не могла даже пошевелить рукой. Лишь стояла неподвижно, словно окаменела, и пламя гудело меж пальцев.

«Сожги его», – увещевал Феникс.

– Хватит!..

«Ты ведь этого хочешь».

Но она хотела не этого. Только не могла остановиться. С чего бы Фениксу одарить ее возможностью себя контролировать? Его аппетит только увеличивался, огонь лишь пожирал и жаждал поглотить еще и еще, однажды ее предупредила об этом Майриннен Теарца, но Рин ее не послушала, а теперь Юнегену придется умереть...

Что-то тяжелое накрыло губы. Рин почувствовала вкус лауданума. Густой, сладкий и прилипчивый. В голове боролись паника и облегчение, она задышалась, но Чахан лишь крепче прижимал смоченную настойкой тряпицу к лицу Рин, и грудь налилась тяжестью.

Земля покачнулась под ногами. Рин приглушенно вскрикнула.

– Дыши, – приказал Чахан. – Заткнись и дыши.

Она задышалась от знакомого тошнотворного запаха – Энки не раз с ней это проделывал. Рин пыталась не сопротивляться, побороть естественный порыв, ведь она сама приказала цыке так поступить, чего же она ожидала?

Но от этого было не легче.

Ноги стали ватными. Плечи обмякли. Рин качнулась на Чахана.

Он поднял ее на ноги, перекинул руку Рин через свое плечо и помог добраться до лестницы. За ними тянулся дым. Жар не действовал на Рин, но она видела, как сворачиваются и чернеют кончики волос Чахана.

– Проклятье, – выругался он сквозь зубы.

– Где Юнеген? – спросила Рин.

– Цел...

Рин хотела настоять на том, чтобы с ним увидеться, но язык отяжелел и заплетался. Колени подогнулись окончательно, но Рин не почувствовала падения. По ее крови разлилось снотворное, мир вокруг стал воздушным и легким владением фей. Она услышала чей-то вопль. Кто-то поднял ее и положил на дно сампана.

Рин бросила последний взгляд через плечо.

На горизонте весь порт был освещен огнями, словно кто-то зажег маяк. Повсюду звонили колокола, в воздух поднимался дым сигналов.

Каждый часовой в империи увидит это предупреждение.

Рин выучила стандартные коды ополчения и знала, что означают эти сигналы. За предателями империи объявили охоту.

– Поздравляю, – сказал Чахан. – Теперь за нами гонится все ополчение.

– И что мы будем де... – Язык с трудом ворочался во рту. Рин потеряла способность произносить слова.

Чахан положил ей руку на плечо и слегка толкнул.

– Пригнись.

Рин нелепо растянулась под сиденьями, уставившись в деревянное дно лодки и почти уткнувшись в него носом. Рисунок древесины сплетался в причудливые узоры, а весь мир окрасился в красный, черный и оранжевый.

Открылась бездна. Она всегда открывалась в этот момент, когда Рин была под кайфом и не могла выбросить из головы то, о чем не хотела думать.

Она летела над островом в форме лука и наблюдала, как взрывается вулкан и потоки раскаленной лавы струятся с вершины, мелкими ручейками бегут к городу у подножия.

Рин смотрела, как умирают люди, горят и в одно мгновение скукоживаются и превращаются в дым. Это далось ей так просто, не труднее, чем затушить свечу или раздавить пальцем мошку, она хотела этого, желала вместе со своим богом.

И насколько она помнила, глядя тогда с высоты птичьего полета, она не чувствовала вины. Ей лишь было любопытно, словно она подожгла муравейник или наколола жука на кончик ножа.

Когда убиваешь насекомых, не испытываешь вину, лишь приятное детское любопытство, пока они дрыгаются в предсмертной агонии.

И это не были воспоминания о полете, а видения, которые Рин вызывала сама, галлюцинации, к которым она возвращалась всякий раз, когда теряла над собой контроль и ей давали успокоительное.

Рин хотелось это видеть, ей нужно было танцевать на грани выдуманных воспоминаний, между холодным безразличием бога-убийцы и сокрушительной виной в содеянном. Рин играла с собственной виной, словно ребенок, подносящий ладонь к пламени свечи достаточно близко, чтобы ощутить, как пальцы лижет боль.

Это было самоистязание, она как будто ковыряла ногтем открытую рану. Конечно, Рин знала ответ, просто не могла никому в этом признаться – в тот миг, когда она уничтожила остров, когда превратилась в убийцу, она этого желала.

– В чем дело? – произнес Рамса. – Почему она смеется?

– С ней все будет в порядке, – раздался голос Чахана.

Да, хотелось крикнуть Рин, да, со мной все будет в порядке, я просто грежу, просто застряла между одним миром и другим, просто одержима видениями о том, что сотворила. Она с хихиканьем перекачивалась по дну сампана, пока хохот не превратился в громкие хриплые рыдания, и тогда она начала кричать, а потом в глазах потемнело.

Глава 3

– Просыпайся.

Кто-то больно ущипнул ее за руку. Рин вскочила и потянулась правой рукой к поясу с ножом, которого на месте не оказалось, а левой вслепую врезала кому-то в...

– Да чтоб тебя! – выкрикнул Чахан.

Рин с трудом сфокусировала зрение на его лице. Чахан отпрянул и вытянул руки перед собой, показывая, что в них нет оружия, только влажная тряпка.

Рин быстро ощупала шею и запястья. Она знала, что не связана, конечно же, знала, но все же не мешало убедиться.

Чахан уныло потирал быстро наливающийся синяк на щеке.

Рин не извинилась за то, что его ударила. Как и все остальные, он прекрасно понимал, что не стоит прикасаться к ней без спроса. И приближаться со спины не нужно. Рядом с ней нельзя делать резких движений или шуметь, если не хочешь окончить дни в виде обугленной туши на дне залива Омонод.

– Сколько времени я была в отключке? – выдавила она. Во рту был такой привкус, словно там кто-то сдох, язык пересох, будто Рин много часов лизала деревянную доску.

– Пару дней, – ответил Чахан. – Тебе пора наконец выбраться из постели.

– Дней?!

Он пожал плечами.

– Наверное, с дозой перебрали. По крайней мере, она тебя не убила.

Рин потеряла сухие глаза. В уголках налипла отвердевшая корочка. Рин взглянула на себя в зеркало. Зрачки не покраснели, хотя потребуется время, чтобы после опиатов они вернулись к прежнему виду, но белки налились кровью, набухшие вены расплзлись паутиной.

Воспоминания медленно возвращались, борясь с туманом после лауданума. Рин крепко зажмурилась, пытаясь отделить реальные события от снов. Внутри разлилось тошнотворное чувство, а мысли сформировались в вопрос:

– Где Юнеген?

– Ты наполовину его спалила. Чуть не прикончила. – Резкий тон Чахана не оставлял места для сочувствия. – Мы не могли взять его с собой, так что Энки остался и подлечит его. И они... Они не вернутся.

Рин несколько раз моргнула, чтобы все вокруг стало не таким мутным. Голова поплыла, каждое движение мешало сосредоточиться.

– Что? Почему?

– Потому что они покинули отряд цыке.

Потребовалось несколько секунд, чтобы это переварить.

– Но... Но они же не могут...

В груди нарастала паника, густая и давящая. Энки был их единственным лекарем, а Юнеген – лучшим лазутчиком. Без них цыке осталось всего шестеро.

Невозможно убить императрицу вшестером.

– Уж ты-то точно не можешь их винить, – сказал Чахан.

– Но они принесли присягу!

– Они присягали Тюру. Присягали Алтану. Но перед неумехой вроде тебя у них нет никаких обязательств. – Чахан вздернул голову. – Видимо, можно и не говорить, что Дацзы вышла сухой из воды.

– Я думала, ты на моей стороне, – бросила на него гневный взгляд Рин.

– Я сказал, что помогу тебе убить Су Дацзы. – Но не говорил, что стану помогать, когда ты ставишь под угрозу жизнь всех, кто находится на борту этого корабля.

– Но остальные... – Ее вдруг охватил страх. – Они же со мной, да? Они мне верны?

– Это не имеет отношения к верности, – ответил Чахан. – Они в ужасе.

– Из-за меня?

– Ты способна думать только о себе, правда? – скривил губы Чахан. – Они боятся за себя.

Шаман в империи – и без того существо одинокое, тем более если не знает, когда потеряет рассудок.

– Я знаю. И понимаю.

– Ничего ты не понимаешь. Они не боятся сойти с ума. Они прекрасно знают, чего ожидать, что скоро станут похожи на Фейлена. Пленники внутри собственного тела. И когда придет день, они хотят быть в окружении людей, способных положить этому конец. Вот почему они до сих пор здесь.

Цыке сами отправляют на покой других цыке, когда-то объяснил ей Алтан. Цыке заботятся о своих.

Это значит, что они друг друга защищают. А еще значит, что они защищают весь мир друг от друга. Цыке – как дети-акробаты, балансируют на плечах товарищей, полагаясь на то, что остальные не дадут им рухнуть в бездну.

– Твой долг как командира – оберегать их, – сказал Чахан. – Они остались с тобой, потому что боятся и не знают, куда еще пойти. Но каждым своим дурацким решением и отсутствием самоконтроля ты ставишь их под удар.

Рин простонала, обхватив голову руками. Каждое слово ножом врезалось в барабанные перепонки. Она знала, что все испортила, но Чахану, похоже, нравилось беречь рану.

– Просто оставь меня в покое...

– Нет. Вставай, и хватит вести себя как ребенок.

– Чахан, прошу тебя...

– Да ты просто развалина.

– Я знаю.

– Да, ты это знаешь еще со Спира, но лучше тебе не становится, только хуже. Ты пытаешься все исправить с помощью опиума, а он тебя разрушает.

– Я знаю, – прошептала она. – Просто... Феникс всегда со мной, он кричит в голове...

– Так научись его контролировать.

– Не выходит.

– Почему же? – Чахан с отвращением фыркнул. – Алтан как-то сумел.

– Но я не Алтан. – Рин не могла сдержать слезы. – Ты это хотел сказать? Я не такая сильная, как он, не такая умная, я не могу поступать, как он...

Чахан резко рассмеялся.

– Ну, в этом у меня нет сомнений.

– Тогда возьми командование на себя. Ты и так ведешь себя как командир, так почему бы тебе не занять этот пост? Мне плевать.

– Потому что тебя назвал командиром Алтан. И между нами, я-то хоть понимаю, что следует чтить его волю.

На это Рин было нечего ответить.

Чахан наклонился ближе.

– Это твоя проблема. Ты должна научиться себя контролировать, а затем и защищать остальных.

– А если это невозможно? – спросила Рин.

Светлые глаза Чахана не моргая смотрели на нее.

– Честно? Тогда тебе лучше покончить с собой.

Рин понятия не имела, что на это ответить.

– Если ты считаешь, что не справишься с Фениксом, то лучше тебе умереть, – продолжил Чахан. – Потому что он будет разьедасть тебя, превратит в своего проводника и сожжет все вокруг, не только мирных жителей, не только Юнегена, но все вокруг, все, что ты любишь и что тебе небезразлично. И однажды ты превратишь весь мир в пепел и пожалеешь о том, что не умерла.

Когда Рин наконец-то достаточно пришла в себя и сумела проковылять вниз, не споткнувшись, она обнаружила остальных в кают-компании.

– Что это? – Рамса выплюнул что-то на стол. – Птичье дерьмо?

– Ягоды годжи, – ответил Бацзы. – Тебе не нравится каша с ягодами?

– Они заплесневели.

– Да тут все заплесневело.

– Я думал, мы раздобудем новые припасы, – заныл Рамса.

– На какие шиши? – спросил Суни.

– Мы же цыке! – воскликнул Рамса. – Могли бы и украсть!

– Ну, это совсем не... – Бацзы осекся, заметив в дверном проеме Рин.

Рамса и Суни тоже посмотрели в ее сторону и умолкли.

Рин просто уставилась на них, не зная, что сказать. А она-то думала, что знает. Теперь ей хотелось расплакаться.

– Ух ты, свеженькая и бодрая, – наконец произнес Рамса и подвинул для нее стул. – Есть хочешь? Выглядишь кошмарно.

Рин глупо заморгала.

– Я просто хотела сказать... – хрипло прошептала она.

– Не стоит, – бросил Бацзы.

– Но я только...

– Не надо, – сказал Бацзы. – Я знаю, это тяжело. Но ты справишься. Алтан же сумел.

Суни молча кивнул в знак согласия.

Рин все больше хотелось расплакаться.

– Садись, – мягко произнес Рамса. – Поешь чего-нибудь.

Рин шагнула к буфету и неуклюже попыталась наполнить миску. Каша шлепнулась из черпака на пол. Рин двинулась к столу, но палуба ушла из-под ног. Тяжело дыша, Рин рухнула на стул.

Никто не произнес ни слова.

Она выглянула в иллюминатор. Корабль быстро шел по бурным водам. Берегов видно не было. Через борт перекатилась волна, и Рин затошнило.

– Мы хотя бы разделились с Яном Юаньфу? – спросила она через некоторое время.

Бацзы кивнул.

– Суни добрался до него, когда началась суматоха. Размозжил ему голову об стену, а тело швырнул в море, пока охрана суетилась вокруг Дацзы, оберегая ее от нас. Так что тактика отвлечения внимания в итоге сработала. Мы все собирались тебе сказать, но ты была... хм... не в форме.

– Совсем отключилась, – добавил Рамса. – Хихикала, катаясь по полу.

– Я в курсе, – сказала Рин. – И теперь мы направляемся в Анхилуун?

– На всех парусах. За нами гонится вся императорская гвардия, но вряд ли они сунутся на территорию Муг.

– Еще бы, – пробормотала Рин.

Она поковырялась ложкой в каше. Рамса был прав насчет плесени. Большие черно-зеленые комки сделали кашу малосъедобной. Желудок взбунтовался. Рин оттолкнула миску.

Остальные ерзали, шурились и старались не смотреть ей в глаза.

– Я слышала, что Энки и Юнеген ушли, – сказала она.

В ответ она получила только пустые взгляды и пожимание плечами.

Рин сделала глубокий вдох.

– Значит... В общем, я хочу сказать, что...

– Мы никуда не уйдем, – оборвал ее Бацзы.

– Но ты...

– Я не люблю, когда мне врут. И ненавижу, когда меня продают. Дацзы должна получить свое. Я доведу это дело до конца, маленькая спирка. Можешь не беспокоиться, я дезертиром не стану.

Рин оглядела собравшихся за столом.

– А что насчет остальных?

– Алтан заслуживал лучшей участи, – объявил Суни, словно этого достаточно.

– Но ты-то не обязан здесь оставаться. – Рин повернулась к Рамсе. Невинному, гениальному и опасному Рамсе. Ей хотелось убедиться, что Рамса останется, но просить об этом было бы слишком эгоистично. – Тебе необязательно оставаться.

Рамса поковырялся на дне миски. Разговор его как будто и не задел.

– В любом другом месте я просто заскучаю.

– Но ты же еще ребенок.

– Отвали. – Он поковырялся во рту мизинцем, вытаскивая что-то застрявшее в зубах. – Ты должна понять – мы убийцы. Когда привык всю жизнь заниматься одним делом, уже трудно остановиться.

– И к тому же другой вариант – оказаться в тюрьме Бахры, – сказал Бацзы.

– Ненавижу Бахру, – кивнул Рамса.

Рин вспомнила, что все цыке были не в ладах с законом. Точнее, с цивилизованным обществом, если уж на то пошло.

Агаша происходил из крохотной деревушки в провинции Змея, ее жители почитали местного речного бога, охраняющего их от наводнений. После церемонии посвящения богу, которую проходили все молодые люди деревни, Агаша стал первым шаманом за многие поколения, способным делать то, чем его предшественники лишь похвалялись. В процессе посвящения он случайно утопил двух девочек. Его же соседи, перевозносившие лживых учителей Агаши, хотели казнить его, закидав камнями, но из Ночной крепости прибыл Тюр, бывший командир цыке, и завербовал Агашу в свой отряд.

Рамса вырос в семье алхимиков, производящих порох для ополчения, но случайный взрыв около дворца лишил его и родителей, и глаза, а сам он оказался в печально известной тюрьме Бахра, якобы за участие в заговоре с целью убийства императрицы, пока Тюр не вытащил его из камеры, чтобы Рамса занимался вооружением для цыке.

Рин мало знала о прошлом Бацзы и Суни. Когда-то они оба обучались в Академии Синегарда, по классу Наследия. Их выгнали, когда произошло нечто ужасное. Рин знала, что оба сидели в Бахре. Ни один не рассказывал подробностей.

Близнецы Чахан и Кара тоже были загадкой. Они родились даже не в империи. По-никански они говорили с напевным акцентом выходцев из Глухостепи, но, когда Рин расспрашивала их о доме, лишь отнекивались. Мол, их дом очень далеко. Или – их дом теперь в Ночной крепости.

Рин понимала, что ей пытаются сказать. Как и остальным, им просто некуда больше идти.

– А в чем дело? – спросил Бацзы. – Такое впечатление, что ты хочешь от нас избавиться.

– Вовсе нет, – ответила Рин. – Просто... просто я не могу изгнать Феникса. Я боюсь.

– Чего?

– Боюсь вас покалечить. Адлагой все не ограничится. Я не могу изгнать Феникса и оставить его, и...

– Это потому, что ты новичок, – прервал ее Бацзы. Голос звучал так ласково. Как он может быть так добр? – Мы все в этом варимся. Боги постоянно хотят в нас вселиться. Ты думаешь, что стоишь на пороге безумия, оно вот-вот тебя поглотит, но это не так.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что с каждым разом будет легче. И в конце концов ты научишься жить на грани безумия.

– Но я не могу обещать, что не...

– Не можешь. И мы все еще раз выступим против Дацзы. И будем продолжать снова и снова, сколько потребуется, пока ее не прикончим. Тюр никогда не сдавался, когда дело касалось нас. А мы не бросим тебя. Только потому цыке и существуют.

Рин ошеломленно уставилась на него. Она этого не заслужила, совершенно не заслужила. И это не дружба. И не преданность. Дружбу и преданность она заслуживает еще меньше. Это товарищество – связь, сотканная предательством. Императрица продала их Федерации ради серебра и славы, и ни один из них не успокоится, пока реки не окрасятся кровью Дацзы.

– Не знаю, что и сказать.

– Так заткнись и прекрати ныть. – Рамса снова подвинул к ней миску. – Лопай свою кашу. Питательную плесень.

На залив Омонод спустилась ночь. Под покровом темноты «Буревестник» летел вдоль берега, движимый такой мощной шаманской силой, что за несколько часов оторвался от преследователей из императорского ополчения. Цыке разошлись. Чахан и Кара – в свою каюту, где проводили большую часть времени, отдельно от остальных, Суни и Рамса несли ночную вахту на палубе, а Бацзы растянулся на гамаке в кубрике.

Рин заперлась в своей каюте, чтобы снова мысленно сражаться с богом.

Времени у нее было немного. Действие лауданума почти истекло. Рин подперла дверь стулом, села на пол, стиснув голову коленями, и стала ждать голос бога.

Она ждала, что вернется то состояние, когда Феникс потребует полного контроля и будет кричать в ее голове, пока Рин не подчинится.

На сей раз она ответит.

Рин положила у колена маленький охотничий нож и крепко зажмурилась. Она чувствовала, как рассасываются в крови остатки лауданума, а из головы выветривается отупляющий туман. И с новой силой ощутила комок в груди, который никогда до конца не исчезал. И со всей ужасающей ясностью, какую давала трезвость, она приготовилась.

Рин всегда возвращалась к одному и тому же мгновению, когда несколько месяцев назад стояла на четвереньках в храме на острове Спир. Феникс обожал этот момент, потому что тогда находился на вершине своего разрушительного могущества. И постоянно возвращал к этому мгновению Рин, пытаясь заставить ее поверить, что единственный способ смириться с этим кошмаром – завершить начатое.

Он хотел, чтобы она спалила корабль. Убила всех вокруг. А потом добралась до суши и сожгла и ее. Как огонек, зародившийся с края листа бумаги, Рин должна была проникнуть в глубь континента и сжигать все, что попадется на пути, пока не останется лишь грудa пепла.

Тогда она успокоится.

Рин слышала симфонию криков, голоса спирцев и мугенцев, отдельные и сливающиеся в хор, но это не имело значения, потому что бессловесная агония не нуждалась в языке.

Люди или просто безличные цифры, но хуже всего было, когда они превращались в живых существ, тогда уравнение становилось невыносимым...

А потом из криков появился Алтан.

Его лицо покрылось трещинами и превратилось в уголь, глаза горели оранжевым, по лицу текли черные слезы, пламя разрывало его изнутри, и Рин ничего не могла с этим поделать.

– Прости, – прошептала она. – Прости меня, мне так жаль, я пыталась...

– На моем месте должна быть ты, – сказал он. Его губы кровоточили и растрескивались, а потом плоть отпала, обнажив кости. – Это ты должна была умереть. Ты должна была сгореть. – Лицо превратилось в череп, который прижался к ней, костистые пальцы обхватили ее за шею. – На моем месте должна быть ты.

А потом Рин уже не понимала, ее это мысли или мысли Феникса, но они были такими громкими, что затопили все остальное.

Я хочу причинить тебе боль.

Я хочу твоей смерти.

Я хочу спалить всех вас.

– Нет!

Рин вонзила нож себе в бедро. Боль была лишь временным прибежищем, ослепительной белой вспышкой, изгнавшей из головы все остальное, а потом огонь снова вернулся.

Ничего не вышло.

Как и в прошлый раз, и в позапрошлый. Сколько Рин ни пыталась, ничего не выходило. Теперь она уже не знала, зачем это делает, разве что просто мучает себя, понимая, что не сумеет обуздать бушующее в разуме пламя.

Только еще один порез к многочисленным другим на руках и ногах, сделанным в последние недели, и Рин продолжала резать себя, потому что, хотя и временно, боль оставалась единственным вариантом помимо опиума, больше Рин ничего не могла придумать.

А потом она вообще потеряла способность думать.

Движения стали машинальными, все вышло так просто – покатавать шарики опиума между ладонями, высечь искру и огонек, ощутить запах сладости, скрывающий под собой гниль.

Чем хорош опиум, так это тем, что стоит его вдохнуть, и все остальное перестанет иметь значение, на несколько часов он вырвет ее из реального мира, и ей больше не придется взваливать на себя ответственность за существование.

Рин вдохнула дым.

Пламя отступило. Воспоминания растворились. Больше ее ничто не терзало, утихла даже злость на то, что пришлось сдаться. Остался лишь сладкий, сладкий дым.

Глава 4

– А ты знаешь, что в Анхилууне есть специальный чиновник, который определяет, какой вес способен выдержать город? – весело спросил Рамса.

Он был единственным из них, кто с легкостью перемещался по Плавучему городу. Рамса поскакал вперед, без видимых усилий прыгая по узким мосткам, обрамляющим болотистые каналы, пока остальные цыке осторожно пробирались по ходящим ходуном доскам.

– И какой же это вес? – спросил Бацзы, подзуживая Рамсу.

– Думаю, максимальный вес уже достигнут, – ответил Рамса. – Нужно что-то делать с растущим населением, иначе Анхилуун начнет тонуть.

– Можно отправить людей в глубь страны, – сказал Бацзы. – За последние месяцы она потеряла пару сотен тысяч человек.

– Или просто заставить их драться на очередной войне. Хороший способ избавиться от людей.

Рамса потрусил к следующему мосту.

Рин неуклюже последовала за ним, шурясь под немилосердным южным солнцем.

Она много дней не покидала свою каюту. Каждый день Рин принимала минимальную дозу опиума, только чтобы успокоить рассудок, но не утратить способность действовать. Но даже эта крохотная доза сбивала ее с ног, и, когда они сошли на берег, приходилось опираться на руку Бацзы.

Рин ненавидела Анхилуун. Ненавидела соленый и липкий запах моря, преследующий ее повсюду, ненавидела шумные улицы, пиратов и купцов, орущих друг на друга на анхилуунском диалекте – неразборчивой смеси никанских и западных языков. Ненавидела, как Плавучий город жмется к воде и качается при каждой наступающей волне, так что даже если твердо стоять на ногах, все равно можно грохнуться.

Она ни за что не приехала бы сюда, если бы не крайняя необходимость. Анхилуун был единственным местом в империи, где Рин находилась почти в безопасности. И только здесь живут люди, готовые продать им оружие.

И опиум.

В конце Первой опиумной войны республика Гесперия вела переговоры с делегатами Федерации Муген об условиях мирного соглашения и создании нейтральных зон на побережье Никана. Первой такой зоной стал международный порт Хурдалейн. Второй – плавучий город Анхилуун.

Когда-то Анхилуун был малозначительным портом, просто кучкой жалких одноэтажных строений без фундаментов, потому что тонкие прибрежные пески не могли удержать здания покрупнее.

Потом Триумвират выиграл Вторую опиумную войну, и в Южно-Никанском море Дракон-император разбомбил половину флота Гесперии в клочья.

В отсутствие иностранцев Анхилуун процветал. Слово морские паразиты, местные жители заселили полуразвалившиеся корабли, связав их вместе и заложив основу Плавучего города. Теперь Анхилуун протянулся дальше в море, как длиннолапый паук, соткав из деревянных мостков паутину проходов между мириадами стоящих на якоре суденышек.

Анхилуун служил воротами, через которые мак во всех видах попадал в империю. Опиумные клиперы Муг приплывали из западного полушария и разгружались в огромные пустые трюмы кораблей, служивших складами, а оттуда длинные и узкие лодки контрабандистов подбিরали товар и развозили его по сети притоков реки Муруй, впрыскивая яд в вены империи.

Анхилуун означал дешевый опиум в любых количествах, то есть прекрасное забвение, час за часом, когда не придется думать или вспоминать.

Именно за это Рин и ненавидела Анхилуун. Он вызывал страх. Чем больше времени она здесь проводила, запершись в каюте и накачивая себя наркотиками, полученными от Муг, тем меньше чувствовала в себе сил, чтобы покинуть город.

– Странно, – сказал Бацзы. – А я-то думал, нам окажут здесь более радушный прием.

Чтобы добраться до центра города, пришлось миновать плавучий рынок, кучи мусора вдоль каналов и ряды знаменитых анхилуунских баров, где не было ни скамей, ни стульев, только веревки у стен, за которые пьяные завсегдатаи держались, протянув веревки под мышками.

Цыке шли уже больше полутора часов. Они были в самом сердце города, в окружении жителей, но никто с ними не заговаривал.

Муг наверняка знает, что они вернулись. Муг знала обо всем, что происходит в Плавучем городе.

– Муг просто изображает могущественного политика. – Рин остановилась, чтобы перевести дыхание. Качающиеся доски вызвали у нее позыв к рвоте. – Она нас не ищет. Это мы должны ее найти.

Получить аудиенцию у Муг было непростой задачей. Королева пиратов окружила себя многочисленной охраной, и никто не знал, где она находится в данный момент. Лишь Черные лилии, когорты шпионов и помощниц, могли передать сообщение непосредственно ей, а Лилий не найдешь на разукрашенной барже для удовольствий, болтающейся в центре главного городского канала.

Рин подняла голову, прикрыв глаза от солнца.

– Вон там.

«Черная орхидея» была не столько кораблем, сколько плавучим трехэтажным особняком. Со скошенных, как у пагод, крыш свисали яркие цветные фонари, а из закрытых бумагой окон лилась энергичная музыка. Каждый полдень «Черная орхидея» начинала медленный путь по каналу, подбирая клиентов, которые подплывали к ней в ярко-красных сампанах.

Рин пошарила в карманах.

– Есть медяк?

– У меня есть, – отозвался Бацзы и бросил монетку лодочнику, который направил сампан к берегу, чтобы доставить цыке на баржу удовольствий.

Когда они приблизились, им безразлично помахали несколько Лилий, легкомысленно усевшихся на фальшборте второго яруса. В ответ Бацзы присвистнул.

– Прекрати, – прошептала Рин.

– Почему? – спросил Бацзы. – Это их порадовало. Посмотри, они улыбаются.

– Нет, просто считают тебя легкой добычей.

Лилии были личной армией Муг, состоящей из неотразимо красивых женщин, у всех грудь размером с персик и такая узкая талия, что казалось, они вот-вот переломятся. Девушки были мастерами боевых искусств, полиглотами и самыми отвратительными представительницами женского пола, каких только встречала Рин.

Одна Лилия остановила их у трапа, вытянув крохотную ручку, словно могла физически не пустить их на борт.

Девушка было явно новенькой. Не старше пятнадцати. Губы слегка тронуты помадой, грудь под рубашкой только намечалась, девушка определенно не понимала, что стоит перед самыми опасными людьми во всей империи.

– Я Фан Рунин, – сказала Рин.

– Кто-кто? – заморгала девушка.

Рамса захихикал, но тут же сделал вид, будто закашлялся.

– Фан Рунин, – повторила она. – И мне нет необходимости назначать встречу.

– Дорогуша, здесь так не выйдет. – Девушка похлопала тонкими пальцами по невероятно узкой талии. – Ты должна назначить аудиенцию за несколько дней вперед. – Она взглянула за спину Рин, на Бацзы, Суни и Рамсу. – А за группу больше четырех нужно доплатить. Девочки не любят, когда кто-то пролезает заодно с другими.

Рин потянулась к мечу.

– Слушай, ты, вонючка...

– А ну, назад! – В руке девушки вдруг оказалась охапка игл, которые она прятала в рукаве. На кончиках игл алел яд. – Никто не смеет тронуть Лилию.

Рин поборол порыв врезать ей по физиономии.

– Если ты сию же секунду не уйдешь с дороги, я воткну свой клинок в...

– Вот так сюрприз!

Зашуршали шелковые занавеси над главной дверью, и на палубе появилась роскошная женщина. Рин чуть не застонала от досады.

Это была Сарана, Черная лилия самого высокого ранга и фаворитка Муг. Она служила посредницей между Муг и цыке вот уже три месяца, с тех пор как те причадили в Анхилууне. Она была остра на язык, помешана на сексе и, по словам Бацзы, обладала самой идеальной грудью к югу от Муруя.

Рин ее ненавидела.

– Как удивительно видеть тебя здесь. – Сарана подошла ближе, склонив голову набок. – Мы-то думали, что ты не интересуешься женщинами.

Каждое слово она подчеркивала, слегка виляя бедрами. Бацзы засопел. Рамса бесстыдно пиялился на грудь Сараны.

– Мне нужно увидеться с Муг, – сказала Рин.

– Муг занята, – ответила Сарана.

– Думаю, Муг знает, что не стоит заставлять меня томиться в ожидании.

Сарана подняла тонкие нарисованные брови.

– А еще она терпеть не может неуважения.

– Вынуждаешь меня вести себя грубо? – рявкнула Рин. – Если не хочешь, чтобы я спалила эту посудину, то ступай к своей хозяйке и скажи, что я хочу с ней увидеться.

Сарана подавила зевок.

– Веди себя вежливо, спирка. А не то я пожалуюсь на тебя Муг.

– Я могу за минуту утопить твою баржу.

– А Муг может начинить тебя стрелами, прежде чем ты успеешь сойти с корабля. – Сарана презрительно махнула рукой. – Обожди, спирка. Мы пошлем за тобой, когда Муг будет готова.

Глаза Рин застлала красная пелена.

Проклятье!

Сарана, видимо, сочла слова Рин оскорблением, но Рин была спиркой и в одиночку выиграла Третью опиумную войну. Она затопила целый остров! И пришла сюда не для того, чтобы пререкаться с какой-то глупой шлюхой.

Резким движением она схватила Сарану за шиворот. Сарана протянула руку к гребню в волосах, несомненно отравленному, но Рин прижала ее к стене и придавила локтем горло, а другой рукой схватила за запястье.

Она наклонилась ближе и прижалась губами к уху Сараны.

– Может, ты и считаешь, что тебе ничто не грозит. Может, я просто развернусь и уйду. А ты будешь похвастаться перед другими сучками, как напугала саму спирку! Как тебе повезло! Но однажды ночью, когда ты задует фонари и поднимешь трап, ты почувешь в каюте запах дыма. Ты выбежишь на палубу, но пламя уже будет таким яростным, что ты не сможешь ступить и шагу. И ты поймешь, что это сделала я, но не успеешь сказать Муг, ведь огонь уже охватит твое драгоценное личико, и напоследок, бросившись с корабля в кипящую воду, ты

увидишь мое смеющееся лицо. – Рин сильнее надавила локтем на горло Сараны. – Не играй со мной, Сарана.

Лилия яростно извивалась, пытаясь ослабить хватку Рин.

Рин наклонила голову.

– Так что?

– Муг... – сдавленно прохрипела Сарана, – может сделать исключение.

Рин отпустила ее. Сарана отпрянула и принялась энергично обмахивать лицо веером.

Красный туман отступил, все вокруг стало прежним. Рин сжала и разжала кулак, выдохнула и вытерла ладонь о рубаху.

– Так-то лучше.

– Пришли, – объявила Сарана.

Рин сняла повязку с глаз. Сарана вынудила ее прийти в одиночестве, остальные с радостью остались на барже удовольствий, и Рин чувствовала себя уязвимой, дергалась и потела во время всей прогулки по каналам.

Поначалу она ничего не увидела – вокруг было темно. Потом глаза привыкли к сумраку, и она заметила, что комната освещена крохотными мерцающими лампами. Но никаких окон, ни намека на солнечный свет. А потому трудно сказать, на корабле они или в здании, то ли уже настал вечер, то ли сюда просто не проникает свет снаружи. Здесь было и значительно прохладней. Рин показалось, что она по-прежнему ощущает под ногами легкое покачивание волн, но только смутно, и потому не знала, по-настоящему это или просто разыгралось воображение.

Но в любом случае помещение было обширным. Они на большом военном корабле, стоящем на якоре? Или на складе?

Массивная мебель на изогнутых ножках была явно иностранная, в империи не делали такие резные столы. На стенах висели портреты, но не никанцев, а белокожих людей свирепого вида в нелепых белых париках. В центре стоял огромный стол, за которым поместилось бы двадцать человек.

По одну сторону восседала королева пиратов с целым отрядом Лилий по бокам.

– Рунин, – протяжно и с хрипотцой произнесла Муг, ее голос был низким и удивительно заволажживающим. – Всегда рада тебя видеть.

На улицах Анхилууна Муг называли Каменной вдовой. Это была высокая, широкоплечая женщина, скорее привлекательная, чем красивая. По слухам, когда-то она работала проституткой и вышла замуж за одного из многочисленных капитанов пиратских кораблей. Потом он умер при странных обстоятельствах, которые так толком и не расследовали, а Муг постепенно продвигалась вверх в пиратской иерархии и собрала флот невиданной прежде мощи. Она первая объединила под одним флагом разрозненные пиратские кланы Анхилууна. До ее правления бандиты Анхилуума воевали друг с другом, в точности как воевали между собой после смерти Красного императора двенадцать провинций Никана. Каким-то образом Муг удалось то, чего не сумела добиться Дацзы. Она убедила разношерстные боевые кланы служить одной цели – себе.

– Кажется, ты еще не бывала в моем личном кабинете. – Муг обвела жестом комнату. – Приятное место, правда? Гесперианцы меня ужасно раздражают, но они знают толк в украшении интерьера.

– А что случилось с прежними владельцами? – поинтересовалась Рин.

– Кто знает? Надеюсь, моряки во флоте Гесперии умели плавать. – Муг указала на стул напротив. – Садись.

– Нет, спасибо. – Рин терпеть не могла сидеть за столом – он сковывал движения. Если придется вскочить, колени хлопнутся о столешницу, отняв драгоценные секунды, необходимые для побега.

– Ну, как хочешь. – Муг покачала головой. – Я слышала, в Адлаге возникла заварушка.

– Все произошло не по плану, – ответила Рин. – Мы случайно наткнулись на Дацзы.

– Знаю, знаю. Об этом болтают по всему побережью. А ты в курсе, как это представили в Синегарде? Ты – гнусная спирка, изменившая империи. Мугенские захватчики свели тебя с ума в плену, и теперь ты угроза для всех, с кем столкнешься. Награду за твою голову подняли до шестисот имперских монет серебром. А за живую платят вдвойне.

– Как мило, – отозвалась Рин.

– Тебя, похоже, это не тревожит.

– Не сказать, что они ошибаются. – Рин подалась вперед. – Послушай, Ян Юаньфу мертв. Мы не принесли тебе его голову, но твои лазутчики все подтвердят, стоит им добраться до Адлагы. Пришло время расплатиться.

Муг проигнорировала ее слова и похлопала кончиками пальцев по подбородку.

– Я никак не могу понять. Зачем ввязываться в неприятности?

– Да брось, Муг...

Муг прервала ее взмахом руки.

– Давай это обсудим. Ты обладаешь силой, о которой и не мечтает большинство смертных. Ты могла делать все, что душе угодно. Возглавить армию. Стать пиратом. Проклятье, даже капитаном одного из моих кораблей, если пожелаешь. Почему ты так упорно стремишься в эту драку?

– Потому что войну начала Дацзы, – ответила Рин. – Потому что она убила моих друзей. Потому что осталась на троне, а не должна. Потому что кто-то должен ее убить, так почему не я?

– Но зачем? – упорствовала Муг. – Никто не испытывает к императрице такой ненависти, как я. Но пойми, девочка, ты не найдешь союзников. Революция хороша в теории. Но умирать никому неохота.

– Я и не прошу никого другого рисковать вместе со мной. Просто дай мне оружие.

– А если у тебя ничего не выйдет? Тебе не приходило в голову, что ополчение выяснит, кто тебя снабжает?

– Я убила для тебя тридцать человек, – огрызнулась Рин. – Ты должна дать мне то, о чем я прошу, таковы были условия. Ты же не можешь просто...

– Чего я не могу? – Муг подалась вперед, сомкнув усыпанные кольцами пальцы на рукояти кинжала. Но при этом она явно веселилась. – Думаешь, я тебе что-то должна? По какому договору? По каким законам? Что ты сделаешь, призовешь меня к суду?

Рин моргнула.

– Но ты сказала...

– «Но ты сказала», – тоненьким голоском передразнила ее Муг. – Люди постоянно обещают то, чего не намерены выполнять, маленькая спирка.

– У нас же был договор! – выкрикнула Рин, но тон получился жалобным, а не властным. Даже ей самой показалось, что прозвучало это по-детски.

Несколько Лилий начали перешептываться, прикрываясь веерами.

Рин сжала кулаки. Она еще находилась под действием опиума, и это мешало ей вспыхнуть пламенем, но глаза застлала алая пелена.

Она сделала глубокий вдох. Успокойся.

Может, сейчас ей и хочется убить Муг, но вряд ли после этого Рин сумеет выбраться из Анхилуна живой.

– Пожалуй, для человека с твоим прошлым ты на редкость тупа, – сказала Муг. – Способности спирцев, образование Синегарда, служба в ополчении – и ты до сих пор не поняла, на чем держится мир. Если хочешь чего-то добиться, нужно действовать грубой силой. Ты была

мне нужна, но я единственная, кто готов тебе заплатить, а значит, это я тебе нужна. Можешь возражать, если охота. Но ты никуда не уйдешь.

– Так ты же не собираешься мне платить. Ну и пошла ты в задницу, – не выдержала Рин. Прежде чем она успела пошевелиться, на ее лоб нацелились одиннадцать стрел.

– Стоять! – прошипела Сарана.

– Не драматизируй. – Муг полюбовалась своими лакированными ногтями. – Я пытаюсь тебе помочь, знаешь ли. Ты еще так молода. У тебя вся жизнь впереди. Зачем тратить ее на месть?

– Мне нужно добраться до столицы, – упрямо настаивала Рин. – Даже если ты не дашь мне оружие, я все равно найду его где-нибудь еще.

Муг театрально вздохнула и прижала пальцы к вискам, а потом сложила руки на столе.

– Предлагаю компромисс. Еще одно задание, и я дам тебе все, что ты хочешь. Годится?

– И что, я должна тебе поверить?

– А какой у тебя выбор?

Рин прикусила губу.

– Какого рода задание?

– Как ты относишься к морским сражениям?

– Ненавижу их.

Рин терпеть не могла море. До сих пор она выполняла все задания на суше, и Муг это знала. В море Рин слишком легко обезоружить.

Огонь и вода не дружат.

– Уверена, достойная награда заставит тебя изменить мнение. – Муг пошарила в ящике стола, вытащила выполненный углем рисунок корабля и бросила его через стол.

– Это «Журавль». Типичная опиумная джонка. Красные паруса, ходит под флагом Анхилууна, если только капитан не решил его сменить. Вот уже несколько месяцев в его гротсбухах не сходятся концы с концами.

– Ты хочешь убить человека из-за ошибки в счетах? – вытаращилась на нее Рин.

– Он утаивает больше прибыли, чем ему причитается. И он умен, очень умен. Нанял счетовода, чтобы подделывал цифры, а мне было сложнее это обнаружить. Но мы ведем все счета в трех экземплярах. Цифры не лгут. Я хочу, чтобы ты утопила это судно.

Рин изучила рисунок. Она узнала тип корабля. По меньшей мере с десятков таких же сейчас стояли в гавани Анхилууна.

– Он еще в городе?

– Нет. Но через несколько дней должен вернуться в порт. Он думает, я не знаю о его делишках.

– И почему же, в таком случае, ты сама от него не избавишься?

– При обычных обстоятельствах я бы так и поступила, – сказала Муг. – Но тогда придется устроить ему пиратский трибунал.

– С каких это пор Анхилуун беспокоится о праведном суде?

– Если мы независимы от империи, это еще не значит, что у нас тут анархия, дорогуша. Мы устраиваем трибунал. Это стандартная процедура в случае хищений. Но я не хочу отдавать его под суд. Он популярен, у него много друзей в городе, и наказание от моей руки несомненно приведет к бунту. Я не в настроении устраивать политические игры. Я хочу лишь, чтобы он исчез с лица земли.

– Никаких пленных?

– О пленных уж точно не стоит беспокоиться, – усмехнулась Муг.

– Тогда мне понадобится джонка.

Улыбка Муг расплылась шире.

– Выполнишь задание, и можешь оставить ее себе.

Это было не совсем то. Рин нужен корабль ополчения, а не судно контрабандистов, а Муг вполне может отказаться отдать оружие и деньги. Нет, не просто может – нужно смириться с тем, что Муг так или иначе обманет.

Но Рин нечего было противопоставить. У Муг были корабли и солдаты, и она могла диктовать условия. А Рин лишь умела убивать, и никто, кроме Муг, не собирался платить за это умение.

У нее нет другого выхода. Рин загнали в угол, а как выбраться из этого положения, она не придумала.

Но знала, кто способен придумать.

– Мне нужно кое-что еще, – сказала она. – Адрес Катая.

– Катая? – прищурилась Муг. Рин прямо-таки видела, как крутятся мысли в голове королевы пиратов, которая пытается решить, согласиться ли ей, стоит ли игра свеч.

– Мы друзья, – сказала Рин как можно спокойнее. – Учились вместе. Он мне дорог. Вот и все.

– А почему ты спрашиваешь о нем только сейчас?

– Мы не собираемся сбежать из города, если тебя волнует именно это.

– О, это у тебя вряд ли получится. – Муг бросила на нее презрительный взгляд. – Но он просил не говорить тебе, где его можно найти.

Конечно, не стоило этому удивляться. Но Рин все равно было больно.

– И тем не менее, мне нужен адрес, – сказала она.

– Я дала ему слово, что сохраню адрес в тайне.

– Твое слово ничего не стоит, старая ведьма, – не сумела подавить нетерпение Рин. – Сейчас ты болтаешь только ради удовольствия меня помучить.

– И то верно, – засмеялась Муг. – Он в бывшем иностранном квартале. Скрывается в доме в самом конце мостков. На двери ты увидишь эмблему флота «Красной джонки». Я поставила там часовых, но велю им тебя пропустить. Намекнуть ему о твоём приходе?

– Не нужно, – сказала Рин. – Хочу сделать ему сюрприз.

В бывшем иностранном квартале стояла тишина, это был редкий оазис спокойствия в неумолчной какофонии Анхилууна. Половина домов пустовала, никто не жил здесь после ухода гесперианцев, а здания использовали под склады. Здесь не горели яркие огни, как по всему Анхилууну. Квартал находился слишком далеко от центральной площади, куда легко было проникнуть охране Муг.

Рин это не нравилось.

Но Катай был здесь в безопасности. Вряд ли кто-нибудь решился бы его убить. Он же настоящий клад знаний, читал все на свете и ничего не забывает. Лучше держать его живым как заложника, Муг наверняка это поняла, посадив его под домашний арест.

Одиноким дом в конце дороги плавал чуть в стороне от остальной качающейся на волнах улицы и держался лишь на двух цепях, соединенных с плавучими мостками из плохо пригнанных досок.

Рин с опаской прошла по доскам и постучала в деревянную дверь. Никто не ответил.

Она дернула за ручку. Дверь даже не запиралась – в ней не было замочной скважины. Катай не мог отказаться принимать посетителей.

Она распахнула дверь.

В глаза сразу бросился беспорядок – везде валялись книги с пожелтевшими страницами, карты и увесистые гроссбухи. Рин прищурилась в сумрачном свете лампы и наконец различила Катая, сидящего в углу с толстым томом на коленях, его почти скрывали из вида стопки книг в кожаных обложках.

– Я уже поел, – сказал он, не понимая головы. – Приходите утром.

Рин откашлялась.

– Катай.

Он поднял голову и вытаращил глаза.

– Привет, – сказала она.

Катай медленно отложил книгу в сторону.

– Я могу войти? – спросила Рин.

Катай смотрел на нее долгое мгновение, прежде чем жестом пригласил внутрь.

– Ладно.

Рин закрыла за собой дверь. Катай и не подумал встать, так что она пробралась между раскиданными бумагами, стараясь на них не наступать. Катай всегда ненавидел, когда кто-нибудь нарушал его тщательно организованный беспорядок. Во время экзаменов в Синегарде он устраивал гневные припадки, если кто-нибудь сдвигал его чернильницу.

Комната была так забита книгами, что остался лишь маленький свободный пятachок на полу рядом с Катаем. Осторожно, стараясь его не задеть, Рин села, скрестив ноги, и положила руки на колени.

Несколько секунд они просто молча смотрели друг на друга.

Рин отчаянно хотелось прикоснуться к его лицу. Он выглядел ослабевшим, слишком худым. После Голин-Нииса он немного поправился, но ключицы все равно торчали, а запястья выглядели такими хрупкими, словно их можно переломить движением руки. Катай отрастил волосы и собирал длинную кудрявую массу в пучок на затылке, так что скулы выпирали еще сильнее на открытом лице.

Он и отдаленно не напоминал того мальчика, которого Рин встретила в Синегарде.

Главная разница была во взгляде. Раньше в его глазах горело лихорадочное стремление познать мир. Теперь они были безжизненны и пусты.

– Я могу остаться? – спросила она.

– Я ведь тебя впустил, правда?

– Ты просил Муг не давать мне адрес.

– Ах да... – Он прищурился – Да. Именно так.

Он не смотрел ей в глаза. Рин знала его слишком хорошо и понимала, что это значит – Катай на нее злится, но по прошествии стольких месяцев она так толком и не знала причину.

Хотя нет – знала, просто не хотела себе в этом признаваться. В тот единственный раз, когда они поспорили, горячо поспорили, Катай хлопнул дверью и больше не заговаривал с Рин, пока они не добрались до берега.

С тех пор Рин не позволяла себе об этом думать, иначе в голове снова разверзалась та пропасть, которая, как и все другие воспоминания, вызывала желание потянуться к трубке.

– Как у тебя дела? – спросила она.

– Я под домашним арестом. Как, по-твоему, у меня дела?

Рин оглядела разбросанные по столу и по полу бумаги, прижатые чернильницами, чтобы не разлетелись.

Ее взгляд задержался на счетной книге, в которой писал Катай.

– Тебе не дают заскучать, да?

– Скучать – неверное слово. – Катай хлопнул grossбух. – Я работаю на самую разыскиваемую преступницу империи, она велела мне заниматься налогами.

– Анхилуун не платит налоги.

– Налогaми не империи, а Муг. – Катай покрутил в пальцах кисть для письма. – Муг возглавляет огромную преступную клику, и налоги у них так же запутаны, как и при любой бюрократии. Но система записи, которую они используют... – Он помахал в воздухе рукой. – Тот, кто ее разработал, явно умел работать с цифрами.

Какой блестящий ход со стороны Муг, решила Рин. Катай обладает интеллектом двадцати ученых мужей вместе взятых. Он в мгновение ока складывает огромные цифры, а его стратегический ум может соперничать со способностями наставника Ирцзаха. Пусть он и ворчит на домашний арест, но не мог противиться искушению разгадать эту загадку. Для него грессбухи – как новая игрушка.

– С тобой хорошо обращаются? – спросила она.

– Прилично. Кормят два раза в день. Иногда и чаще, если я хорошо себя веду.

– Ты такой худой.

– Кормежка паршивая.

Катай по-прежнему на нее не смотрел. Рин рискнула коснуться его руки.

– Мне жаль, что Муг держит тебя здесь.

Катай отдернул руку.

– Ты тут ни при чем. Я бы на ее месте поступил так же, если бы взял себя в плен.

– Муг не такая уж плохая. Со своими людьми она обращается хорошо.

– И с помощью насилия и шантажа правит огромным нелегальным городом, который лжет Синегарду вот уже двадцать лет, – сказал Катай. – Наверное, ты начинаешь терять рассудок, раз сюда явилась, Рин, и это меня тревожит.

– Ее люди лучше многих подданных империи, – вскинулась Рин.

– Подданные империи жили бы в мире, если бы не генералы, вечно замышляющие измену.

– Почему ты до сих пор хранишь верность Синегарду? – спросила Рин. – Ведь все это сделала с тобой императрица.

– Моя семья служила короне в Синегарде в течение десяти поколений, – сказал Катай. – Нет, я не стану помогать тебе в личной вендетте только потому, что ты решила, будто это императрица виновна в гибели твоего идиотского командира. Так что перестань притворяться моим другом, Рин, я ведь знаю, зачем ты пришла.

– Я не просто так решила. Я точно знаю, – ответила Рин. – Знаю, что это императрица позвала Федерацию на землю Никана. Она хотела войны, именно она начала вторжение, и все, что ты видел в Голин-Ниисе, – вина Су Дацзы.

– Это навет.

– Я слышала это из уст самого Широ!

– А разве у Широ не было причин тебе лгать?

– А разве у Дацзы нет причин лгать тебе?

– Она императрица, – сказал Катай. – А императрица не может предать собственную страну. Ты понимаешь, насколько это нелепо? Какие политические выгоды она могла получить?

– Ты сам должен этого хотеть! – заорала Рин. Ей хотелось встряхнуть его, ударить, сделать хоть что-нибудь, чтобы стереть с его лица это выводящее из себя безразличие. – Почему ты этого не хочешь? Почему ты не в ярости? Разве ты не видел Голин-Ниис?

Катай окаменел.

– Прошу тебя, уходи.

– Катай, пожалуйста...

– Сейчас же.

– Я же твой друг!

– Нет, ты мне не друг. Моим другом была Фан Рунин. Я не знаю, кто ты, но не хочу иметь с тобой ничего общего.

– Почему ты все время это повторяешь? Что я тебе сделала?

– А как насчет того, что ты сделала им?

Катай схватил ее за руку. Это так поразило Рин, что она не отняла руку. Он притянул ее ладонь к лампе, поднес к самому огню. Рин взвизгнула от резкой боли, тысячи крохотных иголок все глубже и глубже впивались в ладонь.

– Ты когда-нибудь горела? – прошептал Катай.

Рин впервые заметила маленькие следы ожогов, испещрившие его ладони и предплечья. Некоторые – совсем недавние. Кое-какие выглядели даже вчерашними.

Боль усилилась.

– Хватит!

Она вырвалась, но не попала в Катая, а задела лампу. Масло пролилось на бумаги. Вспыхнуло пламя. На секунду Рин увидела освещенное огнем лицо Катая, полное ужаса, а потом сдернула с пола ковер и накрыла им пламя.

Комната погрузилась во мрак.

– Что это еще значит? – рявкнула Рин.

Она не подняла кулаки, но Катай отпрянул, словно уворачивался от удара, и стукнулся плечом о стену, а потом свернулся калачиком на полу, накрыв голову руками, и худое тело затряслось от рыданий.

– Прости, – прошептал он. – Я не знал, что...

От пульсирующей боли в ладони Рин было трудно дышать, даже голова слегка поплыла. Но чувствовала она себя почти так же хорошо, как после опиума. Если она задумается об этом, то расплачется, а если начнет плакать, то совсем расклеится, и тогда Рин засмеялась, и смех перерос в вымученную икоту, сотрясающую все тело.

– Зачем? – наконец спросила она.

– Я пытался понять, каково это, – признался Катай.

– Для кого?

– Что они чувствовали, когда это случилось. В свои последние секунды. Мне хотелось знать, что они чувствовали, когда пришел конец.

– Это ни на что не похоже, – сказала она.

Волна боли снова прокатилась по руке, Рин прижала кулак к полу, пытаясь заглушить боль, и стиснула зубы, пока та не отступила.

– Алтан рассказал мне как-то раз, – продолжила она. – Через некоторое время ты уже не можешь дышать. А когда начинаешь задыхаться, уже не чувствуешь боли. Умираешь не от огня, а от нехватки воздуха. Ты задыхаешься, Катай. Вот чем это заканчивается.

Глава 5

– Попробуй пожевать имбирь, – предложил Рамса.

Рин подавилась и плевалась до тех пор, пока желудок уже больше не мог ничего выдавить, после чего снова привалилась к борту судна. Остатки завтрака склизкой массой плавали на зеленых волнах внизу.

Она взяла из ладони Рамсы горстку леденцов и пососала их, борясь с позывами к рвоте. За несколько недель в море она так и не привыкла к постоянному ощущению, что поверхность под ногами ходит ходуном.

– Сегодня поднимется волна, – сказал Бацзы. – В Омоноде бушует сезон тайфунов. Если такая погода продержится, не стоит идти против ветра, но пока берег прикрывает нас от ветра, все будет хорошо.

Он единственный из цыке имел реальный опыт навигации – отбывал наказание на грузовом судне, прежде чем его послали в Бахру, и не упускал случая этим похвастаться.

– Да заткнись ты, – отрезал Рамса. – Можно подумать, это ты ведешь корабль.

– Но я же штурман!

– Наш штурман – Агаша. А тебе просто нравится стоять у штурвала.

Рин была рада, что им почти не приходится управлять кораблем. Это значит, что не нужна и команда из подручных Муг. Чтобы идти по Южно-Никанскому морю, хватало и шести пар рук, они лишь занимались мелким ремонтом, а Агаша плыл рядом с корпусом, направляя корабль в нужную сторону.

Муг дала им опиумную джонку под названием «Каракал», стройный корабль, каким-то образом вмещавший шесть пушек по каждому борту. Людей на все пушки не хватало, но Рамса придумал хитроумное приспособление. Он соединил все двенадцать запалов веревкой и теперь мог поджигать их одновременно.

Но это только на крайний случай. Рин не собиралась подключать к схватке пушки. Если Муг не нужны выжившие, то Рин достаточно лишь подобраться поближе для абордажа.

Она положила руки на фальшборт и оперлась на них подбородком, глядя на пустынные воды. Плыть под парусом – куда менее интересное занятие, чем разорять лагерь врага. Поля сражений всегда занимательны. Океан просто пустынен. Все утро Рин смотрела на монотонный серый горизонт, только чтобы не закрывать глаза. Муг не знала наверняка, когда уклоняющийся от уплаты дани капитан прибудет в порт. Это могло случиться в любое время после полуночи.

Рин не понимала, как моряки способны выдержать эту кошмарную дезориентацию. Для нее каждый клочок океана выглядел одинаковым. Вдали от берега горизонт казался совершенно однотипным в любом месте. Рин умела читать по звездам, если напрячься, но любой клочок сине-зеленых вод казался идентичным.

Они могли находиться в любом месте залива Омонод. Где-то дальше лежит остров Спир. А еще дальше когда-то была Федерация Муген.

Муг как-то предложила отвезти Рин на Муген, чтобы она могла сама оценить ущерб, но Рин отказалась. Она знала, что там найдет. Миллионы людей, которые впечатались в камень, обугленные скелеты, застывшие в последнем движении.

В какой позе они погибли? Матери тянулись к детям? Мужья обнимали жен? Может, они протягивают руки к морю, словно если доберутся до воды, то смогут убежать от смертоносной сернистой тучи, спускающейся с горы.

Она столько раз это представляла, столько раз рисовала в воображении эти картины, что они были ярче, чем в реальности. Стоило Рин закрыть глаза, и она видела Муген и видела Спир,

два острова сливались в ее голове, потому что история повторялась – дети горели заживо, кожа слезала с них черными лоскутами, обнажая блестящие кости.

Они сгорели ради чужой войны, из-за чужих ошибок, из-за людей, с которыми никогда не встречались, и в последние секунды жизни не понимали, почему обугливается их кожа.

Рин зажмурилась и тряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения. Она снова грезила наяву. Прошлой ночью она приняла небольшую дозу лауданума, потому что страшно разболелась обожженная ладонь, и Рин не могла уснуть. И уже жалела об этом, потому что лауданум изматывал сильнее опиума, но не доставлял удовольствия.

Рин осмотрела свою руку. Кожа вздулась и покраснела, несмотря на припарки из алоэ. Рин не могла сжать кулак, не поморщившись. Хорошо хоть Катай обжег левую руку, а не ту, в которой она держит меч. При мысли о том, что пришлось бы держать в обожженной руке рукоять меча, Рин поежилась.

Она провела большим пальцем по ладони и нажала на открытую рану. По руке стрельнула боль, из глаз брызнули слезы. Но она очнулась.

– Тебе не стоило принимать лауданум, – сказал Чахан.

Рин резко выпрямилась.

– Я не сплю.

Он тоже подошел к фальшборту.

– Нет, спишь.

Рин бросила на него сердитый взгляд, задумавшись, легко ли будет сбросить Чахана за борт. Не слишком сложно, это уж точно. Чахан такой худой. И если она это сделает, скучать по нему не будут. Наверное.

– Видите вот те скалы? – Между ними втиснулся Бацзы, явно почувствовавший назревающую стычку. Он указал на несколько утесов на далеком берегу Анхилууна. – На что они похожи, по-вашему?

– На человека? – прищурилась Рин.

Бацзы кивнул.

– На утопленника. Если приблизиться к берегу на закате, он выглядит так, будто проглатывает солнце. Вот вы сразу и поймете, что прибыли в Анхилуун.

– Сколько раз ты здесь бывал? – спросила Рин.

– Много. А однажды, два года назад, я был здесь вместе с Алтаном.

– Для чего?

– Тюр велел нам убить Муг.

– Что ж, значит, у вас ничего не вышло, – фыркнула Рин.

– Честно говоря, это был единственный раз, когда у Алтана не получилось.

– Ох, ну конечно, – сказала Рин. – Чудесный Алтан. Идеальный Алтан. Лучший командир в твоей жизни. Он всегда поступал правильно.

– За исключением Чулуу-Кориха, – вставил Рамса. – Это можно назвать катастрофой монументальных масштабов.

– Если говорит по справедливости, Алтан принимал верные тактические решения. – Бацзы почесал подбородок. – Ну, до того как принял целую вереницу дрянных.

Рамса присвистнул.

– Под конец он просто выжил из ума, не иначе.

– Ага, слегка свихнулся.

– Заткнитесь. Нечего болтать об Алтане, – огрызнулся Чахан.

– Так жаль, когда беда случается с лучшими, – продолжил Бацзы, не обращая на него внимания. – С Фейленом. И с Хулейнином. А помните, как в Хурдалейне Алтан ходил во сне? Клянусь, однажды ночью я вышел отлить, а он...

– Я сказал – заткнись! – Чахан хлопнул ладонями по фальшборту.

Рин почувствовала, как по палубе разлился холодок, на руках появились мурашки. Воздух застыл, как бывает между молнией и раскатом грома. Белые как мел волосы Чахана начали закручиваться на кончиках.

Но его лицо не соответствовало ауре. Выглядел он так, словно вот-вот расплчется.

Бацзы поднял руки.

– Ладно, ладно. Тигриная задница. Я пошутил.

– Вы не имеете права так шутить, – прошипел Чахан и ткнул пальцем в сторону Рин. – В особенности ты.

– Это еще почему? – ощерилась она.

– Потому.

– Ну давай, скажи это, – выкрикнула она.

– Ребята, ребята... – К ним подошел Рамса. – Великая черепаха! Утомонитесь уже. Алтан мертв. Ясно? Мертв. И ваши склоки его не вернут.

– Посмотри-ка на это. – Бацзы протянул Рин подзорную трубу и указал на черную точку, едва видимую на горизонте. – Похоже на корабль «Красной джонки», а?

Рин приставила к глазу подзорную трубу.

Флот «Красной джонки» под предводительством Муг состоял из весьма характерных опиумных джонок, хотя и достаточно узких, чтобы они могли развивать большую скорость, обгоняя других пиратов и императорский флот. У них были глубокие трюмы, чтобы перевозить много опиума, и паруса на деревянных рейках, напоминающие рыбы плавники. В открытом море они не поднимали флаги, но ближе к берегу несли алый флаг Анхилууна.

Однако это судно было массивным, с низкой посадкой, больше похожее на плоскодонку, чем на опиумную джонку. Оно несло белые паруса вместо красных, и никакого флага. Рин увидела, как корабль совершил резкий поворот, невозможный без помощи шамана, и направился прямо к ним.

– Это не Муг, – сказала Рин.

– Но необязательно вражеский корабль, – отозвался Рамса. Он рассматривал судно в собственную подзорную трубу. – Возможно, это друзья.

Бацзы фыркнул.

– Мы же беглые преступники и работаем на пиратскую королеву. Думаешь, у нас много друзей?

– Ты прав.

Рамса сложил подзорную трубу и сунул ее в карман.

– Можем открыть огонь, – предложил Чахан.

Бацзы окинул его недоумевающим взглядом.

– Слушай, не знаю, сколько времени ты провел на море, но, когда видишь иностранный корабль без опознавательных знаков и не знаешь, из какого он флота и нет ли за ним других, стрелять уж точно не стоит.

– Почему это? – спросил Чахан. – Ты же сам сказал – это вряд ли друзья.

– Но это не значит, что они собираются драться.

Пока Бацзы и Чахан спорили, Рамса качал головой. Выглядел он, как смущенный птенец.

– Не стрелять, – поспешно приказала ему Рин. – Для начала хотя бы узнаем, кто они такие.

Теперь корабль был достаточно близко, чтобы прочитать написанные на борту буквы. «Баклан». Рин пролистала список кораблей из флота «Красной джонки», швартующихся в порту Анхилууна. Это название там не числилось.

– Вы это видите? – спросил Рамса, снова всмотревшись через подзорную трубу. – Что это значит?

– Где?

Рин не понимала, что встревожило Рамсу. Она не видела солдат в доспехах. Или хотя бы команду в форме.

И тогда она поняла – именно это и странно.

На борту никого не было.

Никто не стоял у штурвала. Никто не ставил паруса. Теперь «Баклан» был так близко, что они видели его пустую палубу.

– Это невозможно, – произнес Рамса. – Каким образом он двигается?

Рин перевесилась через борт и крикнула:

– Агаша! Право руля!

Агаша повиновался, сменив галс быстрее, чем сумело бы гребное судно. Но чужак тут же поправил курс, чтобы продолжить преследование, срезав под точным углом. Корабль тоже был быстрым, и, хотя «Каракала» толкал вперед Агаша, «Баклан» без труда его нагонял.

Через несколько секунд они поравняются. Корабль шел параллельным курсом. Их явно собираются взять на абордаж.

– Это корабль-призрак, – простонал Рамса.

– Не глупи, – отрезал Бацзы.

– Или у них есть шаман. Чахан прав, надо стрелять.

Все беспомощно воззрились на Рин в ожидании приказа. Она уже открыла рот, но тут раздался грохот, и «Каракал» вздрогнул у них под ногами.

– Ты по-прежнему считаешь, что это друзья? – спросил Чахан.

– Стреляйте, – приказала Рин.

Рамса помчался вниз, чтобы поджечь запалы. Несколько секунд спустя «Каракал» тряхнуло от серии раскатистых выстрелов, когда одна за другой грохнули пушки правого борта. Над водой просвистели пылающие металлические ядра, оставляя за собой ярко-оранжевый след, но вместо того чтобы проделать в бортах «Баклана» дыры, просто отскочили от металлической обшивки. Корабль даже не дрогнул.

Тем временем «Каракал» опасно накренился на правый борт. Рин перегнулась через фальшборт и увидела, что корпус поврежден, и, хотя она плохо разбиралась в кораблях, судя по всему, долго они с такими пробоинами не протянут.

Она выругалась сквозь зубы. Придется грести к берегу на спасательной шлюпке. Если только прежде их не утопит «Баклан».

Рин слышала шаги бегающего внизу Рамсы, который пытался перезарядить пушки. Над ее головой засвистели стрелы – это подключилась Кара, но они только стукались о борта вражеского корабля, не нанося ему никакого ущерба. Каре не в кого было стрелять – на палубе «Баклана» не было ни команды, ни лучников. Кто бы ни правил «Бакланом», он не нуждался в лучниках, достаточно было и пушек, способных за несколько минут утопить «Каракал».

– Подойди ближе! – крикнула Рин. Противник имел больше пушек и лучше лавировал. Единственный шанс на победу – захватить корабль и спалить его. – Агаша! Я должна попасть на этот корабль!

Но «Каракал» не двигался, а бессмысленно болтался на воде.

– Агаша!

Ответа не последовало. Рин взобралась на фальшборт и заглянула в воду. Там растекался странный черный поток, похожий на подводную тучу. Кровь? Но когда Агаша принимал форму воды, у него не могла идти кровь. А облако выглядело слишком темным для крови.

Нет. Скорее, похоже на чернила.

Над головой просвистел снаряд. Она пригнулась. Ядро плюхнулось в воду, и в месте попадания снова расплылась чернота.

Чернила.

Они стреляли по воде сосудами с чернилами. И не просто так. Атакующие знали, что у цыке есть водный шаман, и ослепили Агашу, понимая, что он собой представляет.

У Рин засосало под ложечкой. Это не случайное нападение. Корабль преследовал их и готовился к атаке. Это ловушка, спланированная заранее.

Их продала Муг.

В воздухе просвистела новая порция снарядов, на этот раз нацеленных на палубу. Рин пригнулась, приготовившись к взрыву, но его не последовало. Она открыла глаза. Мина замедленного действия?

По-прежнему никаких взрывов. Но от снарядов расплывалось облако черного дыма, распространяясь со страшной скоростью. Рин даже и не думала бежать. Дым за секунды накрыл всю палубу.

Это не дымовая завеса, а удушающий газ. Рин пыталась вдохнуть, но воздух не попадал в легкие, ее горло сомкнулось, словно кто-то приколол ее к стене за шею. Задышавшись, Рин попятилась. Она чувала в воздухе какой-то привкус, ужасно знакомую тошнотворную сладость.

Опиум.

Эти люди знали, с кем имеют дело. Знали, как ослабить цыке.

Вялые Суни и Бацзы рухнули на колени. Где бы ни находилась Кара, стрелять она прекратила. Рин различила сквозь дым обмякшие фигуры Рамсы и Чахана. Лишь она до сих пор стояла, отчаянно кашляла и хваталась за горло.

Она столько раз вдыхала опиум, что нынешняя стадия была прекрасно ей знакома. Это только вопрос времени.

Сначала – головокружительное чувство, как будто ты паришь, сопровождающееся иррациональной эйфорией.

Потом оцепенение, почти столь же приятное.

Затем пустота.

Руки Рин жгло, словно она сунула их в осиное гнездо. Во рту пересохло. Она пыталась собрать хоть чуть-чуть слюны, чтобы смочить горло, но едва нацедила мерзкий ком мокроты. Она с трудом открыла глаза. Из-за резкого света они заслезились, пришлось несколько раз моргнуть, прежде чем она начала видеть.

Она была привязана к мачте, руки вытянуты над головой. Рин пошевелила пальцами. Она их не чувствовала. Ноги тоже были связаны так туго, что она не могла даже их согнуть.

– Она очнулась, – раздался голос Бацзы.

Рин вытянула шею, но так его и не увидела. Однако от этого движения у нее закружилась голова. Даже связанная, Рин как будто парила. И стоило посмотреть вниз, как возникало ужасное чувство, что она падает. Рин зажмурилась.

– Бацзы? Ты где?

– У тебя за спиной, – пробубнил он, так что Рин с трудом разобрала слова. – По другую сторону мачты.

– А остальные?

– Все тут, – сказал откуда-то сзади Рамса. – Агаша – вон в той бочке.

Рин встрепенулась.

– Постойте, а он может...

– Не выйдет. Крышку запечатали. Хорошо, что ему не нужно дышать.

Рамса, видимо, дергал руками, натягивая веревки, потому что ее путы болезненно впились в запястья.

– Прекрати, – сказала она.

– Прости.

– Чей это корабль? – спросила она.

– Они нам не скажут, – ответил Бацзы.

– Они? Кто такие «они»?

– Мы не знаем. Никанцы, я думаю, но они с нами не разговаривают. Эй, вы! – закричал Бацзы стражнику, видимо, стоящему позади Рин, потому что она никого не видела. – Ты никанец?

Ответа не последовало.

– Я же говорил, – сказал Бацзы.

– Может, они немые, – отозвался Рамса. – Причем все.

– Не будь таким кретином, – буркнул Бацзы.

– Но ведь это возможно! Откуда тебе знать?

Это было совсем не смешно, но Рамса разразился хихиканьем, наклонившись вперед, так что веревка снова впилась в руки всем остальным.

– Да заткнись ты наконец! – раздался голос Чахана, находящегося где-то рядом.

Рин на долю секунды открыла глаза и заметила Чахана, Кару и Суни – они стояли напротив, тоже привязанные к мачте.

Чахан привалился к сестре. Суни еще не пришел в себя и свесил голову на грудь. Под его открытым ртом собралась лужица слюны.

– Привет, Чахан, – сказал Рамса. – Я тоже рад тебя видеть.

– Закрой рот, – рявкнул Чахан и разразился потоком брани. – Проклятая никанская свинья, – завершил он свою тираду.

– Ты что, под кайфом? – хмыкнул Рамса. – Тигриная задница, да Чахан под кайфом...

– Я не...

– Спросите его, у него вечный запор или просто такое выражение лица?

– У меня хотя бы оба глаза на месте, – огрызнулся Чахан.

– Ну надо же, какая милая шутка. «У меня есть оба глаза». А я хотя бы не такой тощий, что меня может и голубь зашибить...

– Заткнись, – шикнула Рин. Она снова открыла глаза и попыталась осмотреться. Но увидела только океан. – Рамса. Что ты видишь?

– Борт корабля и кусок моря, и все.

– Бацзы?

Молчание. Он что, снова уснул?

– Бацзы! – рявкнула она.

– А? Что?

– Что ты видишь?

– Хм... Свои ноги. Переборку. Небо.

– Да нет же, идиот, куда мы направляемся?

– Откуда мне знать?.. Погоди. Там есть какая-то точка. Ага, точка. Остров?

У Рин заколотилось сердце. Спир? Муген? До них несколько недель пути, такого не может быть. А она не припоминала никаких островов рядом с Анхилууном. Может, это бывшая гесперианская военно-морская база? Но ее давно забросили. Если гесперианцы вернулись, то международные отношения Никана кардинально изменились, а Рин и не заметила.

– Ты уверен? – спросила она.

– Не особо. Погоди. – Бацзы ненадолго умолк. – Великая черепаха! Милый кораблик!

– Что значит «милый кораблик»?

– Это значит, что, если бы корабль был человеком, я бы с удовольствием его поимел, – сказал Бацзы.

Рин подозревала, что от Бацзы не будет много проку, пока не выветрится опиум. Но тут их судно резко свернуло к порту, и Рин сама увидела тот самый «милый кораблик». Они

плыли в тени огромного военного корабля, настоящего монстра с несколькими палубами и многочисленными орудийными портами, а на верхней палубе стояла массивная катапульта.

В Синегарде Рин изучала принципы сражений на море, хотя и не особенно усердно. Императорский флот пребывал в забвении, и служить на него посылали только совсем ничемных представителей каждого сословия. И все же о кораблях она знала достаточно и понимала, что это не корабль императорского флота.

Никан просто не мог построить подобный корабль. Он наверняка иностранный.

В голове всплывали возможные варианты. В Третьей опиумной войне гесперианцы не заняли чью-либо сторону, но если бы решились на это, то стали бы союзниками империи, а это значит...

Но потом она услышала, как экипаж выкрикивает приказы – на чистом никанском.

– Лечь в дрейф! Приготовиться взойти на борт!

Что делает никанский адмирал на гесперианском корабле?

Рин услышала крики, стон дерева, грохот шагов по палубе. Она дернулась, пытаясь вырваться из пут, но веревки лишь впились в запястья, и кожу ожгло, как будто ее сдирают.

– Что происходит? – выкрикнула она. – Кто вы?

Она услышала чей-то приказ выстроиться в шеренгу для приветствия – они явно собирались встретить кого-то высокопоставленного. Наместника? Гесперианца?

– Кажется, нас сейчас кому-то передадут, – предположил Бацзы. – Было приятно иметь с вами дело. За исключением тебя, Чахан. Ты все-таки чокнутый.

– Да пошел ты, – огрызнулся Чахан.

– Стойте, у меня до сих пор в заднем кармане валяется китовая кость, – сказал Рамса. – Рин, если бы ты попробовала вызвать огонь, хоть чуть-чуть, и сжечь веревки, тогда я выберусь и...

Рамса продолжал бубнить, но Рин почти его не слышала.

В поле зрения появился человек. Генерал, судя по мундиру. На лице он носил полумаску – небесно-голубую фарфоровую маску из синегардской оперы. Он был высок и худощав, но внимание привлекали прежде всего его манеры – он шел уверенно и высокомерно, явно ожидая, что все вокруг должны склоняться перед ним.

Она узнала эту походку.

– Суни может разделаться с охраной, я займусь пушками, взорву корабли или еще что-нибудь...

– Рамса, – просипела Рин. – Заткнись.

Генерал пересек палубу и остановился перед ними.

– Почему они связаны? – спросил он.

Рин оцепенела. Она узнала этот голос.

Вперед выступил кто-то из команды.

– Нас предупредили, что нельзя спускать глаз с их рук, господин.

– Это наши люди. Не пленники. Развяжите их.

– Но они...

– Я не люблю повторять дважды.

Это он. Рин не встречала второго такого человека, способного вложить столько презрения в несколько слов.

– Вы связали их так крепко, что они могут потерять руки из-за застоя крови, – сказал генерал. – Если отец получит их покалеченными, он очень, очень рассердится.

– Господин, вы не понимаете, насколько они опасны...

– Еще как понимаю. Мы были однокурсниками. Ведь так, Рин? – Генерал опустился перед ней на колени и стянул маску.

Рин вздрогнула.

Юноша, которого она помнила, был так прекрасен. Фарфоровая кожа, тонкие черты лица как из-под резца скульптора, аккуратный изгиб бровей, придающий лицу ту смесь снисходительности и ранимости, которую веками воспевали никанские поэты.

Больше Нэчжа не был прекрасен.

Левая сторона его лица еще была идеально гладкой, как глазурь на керамике. Но правая... Правая сторона была покрыта сетью шрамов, придающих щеке сходство с черепашим панцирем.

Это были не обычные шрамы. Не шрамы от ожогов, которые Рин видела на убитых в газовой атаке. Лицо Нэчжи деформировалось, почти обуглилось. Но кожа осталась такой же бледной, как и всегда. Фарфоровое лицо не потемнело, оно выглядело как разбитые осколки стекла, снова склеенные вместе. Эти странные геометрические шрамы как будто нанесли на кожу тонкой кистью.

Губы с левой стороны изогнулись в вечную ухмылку, обнажив зубы, маску презрения, которую он уже не мог снять.

Когда Рин заглянула ему в глаза, то увидела катящуюся по пожухлой траве желтую волну ядовитого газа. Услышала вопли, ставшие хрипами. Услышала, как кто-то выкрикивает ее имя, снова и снова.

Ей было трудно дышать. В голове загудело, перед глазами заплескали черные точки, словно на влажный пергамент капнули чернилами.

– Ты же погиб, – сказала она. – Я видела твою смерть.

Нэчжу это как будто повеселило.

– А ведь тебя всегда считали умной.

Глава 6

– Что это за хрень?! – воскликнула Рин.

– Я тоже рад тебя видеть, – сказал Нэчжа. – И думал, что ты обрадуешься.

Рин могла только таращиться на него. Казалось невозможным, немыслимым, что он все-таки выжил и стоит перед ней, говорит и дышит.

– Капитан, – позвал Нэчжа. – Веревки.

Рин почувствовала, как веревки вокруг запястий слегка натянулись, а потом исчезли. Руки упали вниз, к ним снова прихлынула кровь, в пальцы впились миллионы иголок. Рин потерла запястья и поморщилась, когда с рук сошла кожа.

– Стоять можешь? – спросил Нэчжа.

Она кивнула. Нэчжа поднял ее на ноги. Рин шагнула вперед, и на нее снова накатила волна головокружения.

– Аккуратней. – Нэчжа подхватил ее под руки, когда она качнулась в его сторону.

Рин выпрямилась.

– Не трогай меня.

– Я знаю, ты сбита с толку. Но это...

– Я сказала – не трогай меня.

Он отступил, раскинув руки.

– Через минуту все это обретет смысл. Ты в безопасности. Доверься мне.

– Довериться тебе? Ты обстреливал мой корабль!

– Ну, это не совсем твой корабль.

– Ты чуть нас не убил! – взвизгнула она. Мозг работал вяло, но Рин вспомнила главное: – Ты обстрелял корабль опиумом!

– А ты бы предпочла настоящие снаряды? Мы не хотели вас покалечить.

– Твои люди на несколько часов привязали нас к мачтам!

– Потому что не хотели умереть. – Нэчжа понизил голос. – Слушай, мне жаль, что до этого дошло. Мы должны были выманить тебя из Анхилууна. Мы не хотели ничего плохого.

Его умиротворяющий тон лишь сильнее разозлил Рин. Она не глупая малышка, ее не успокоишь сюсюканьем.

– Ты позволил мне думать, что ты погиб.

– А чего ты хотела? Чтобы я тебе написал? Да и нагнать тебя не так-то просто, знаешь ли.

– Уж лучше бы послал письмо, чем бомбить мой корабль!

– Ты способна об этом забыть, наконец?

– Об этом не так-то просто забыть!

– Пойдем со мной, и я все объясню, – сказал Нэчжа. – Ходить можешь? Прошу тебя. Нас ждет мой отец.

– Твой отец? – ничего не понимая, повторила она.

– Да брось, Рин. Ты прекрасно знаешь, кто такой мой отец.

Рин прищурилась. И тогда Нэчжа ее ударил.

Ого.

Либо ей привалила удача, либо она вот-вот умрет.

– Только я? – спросила она.

Нэчжа бросил взгляд на остальных цыке, ненадолго задержав его на Чахане.

– Мне сказали, что теперь ты командир. Ведь так?

Рин задумалась. Ее действия не были похожи на действия командира. Но этот пост принадлежит ей, хотя бы и номинально.

– Да.

– Значит, только ты.

– Без них я никуда не пойду.

– Боюсь, я не могу этого допустить.

Рин вздернула подбородок.

– Ну и пошел ты!

– Ты правда думаешь, что хоть один из них достоин встречи с наместником?

Нэчжа обвел жестом всех цыке. Суни еще спал, лужица слюны, накапавшая из его рта, увеличилась. Чахан заворуженно тарасился в небо, разинув рот, Рамса зажмурился и хихикал.

Рин впервые порадовалась, что настолько привыкла к действию опиума и ей теперь нужна доза побольше.

– Дай мне слово, что ты ничего с ними не сделаешь, – сказала она.

– Да брось, – обиделся Нэчжа. – Вы же не пленники.

– Тогда кто?

– Наемники, – уклончиво ответил он. – Думай об этом таким образом. Вы наемники, оставшиеся без работы, а мой отец хочет сделать вам щедрое предложение.

– А если оно нам не понравится?

– Это вряд ли.

Нэчжа жестом пригласил Рин следовать за ним, но она не сдвинулась с места.

– Тогда пусть моих людей накормят, когда мы с тобой уйдем. Горячей пищей, а не объедками.

– Да перестань, Рин...

– И пусть примут ванну. А потом посели их в приличном месте. Не в тюрьме. Таковы мои условия. И кстати, Рамса не любит рыбу.

– Живет на побережье и не любит рыбу?

– Он привередливый.

Нэчжа что-то прошептал капитану, и тот скорчил такую мину, словно его напоили скисшим молоком.

– Готово, – сказал Нэчжа. – Так ты идешь?

Рин сделала шаг и покачнулась. Нэчжа протянул ей руку. С его помощью Рин подошла к борту корабля.

– Спасибо, командир, – прокричал ей вслед Рамса. – Постарайся выжить.

Над гребной лодкой навис гесперианский военный корабль «Неумолимый», полностью накрыв своей тенью. Рин заворуженно смотрела на эту громаду. На этом корабле поместилась бы половина Тикани, включая храм.

Как такое чудовище может оставаться на плаву? Как оно двигается? Весел Рин не заметила. Похоже, «Неумолимый», как и «Баклан», был кораблем-призраком без команды на борту.

– Только не говори, что эту штуку ведет шаман, – сказала Рин.

– Если бы. Нет, это корабль с гребным колесом.

– Это еще что?

Нэчжа усмехнулся.

– Ты слышала легенду о старом мудреце Арлонга?

Она закатила глаза.

– Это еще кто, твой дедушка?

– Прадедушка. Легенда гласит, что старый мудрец смотрел на водяное колесо, орошающее его поля, и придумал сделать все наоборот: если колесо станет вертеть он, то двигаться будет вода. Принцип довольно очевидный, правда? Удивительно, что так долго никто не додумывался применить его к кораблям. Видишь ли, старые корабли империи построены совершенно по-идиотски. Приводятся в движение веслами с верхней палубы. Проблема в том, что если гребцов подстрелят, корабль встанет. Но гребные колеса находятся на нижней палубе и

полностью закрыты корпусом, а значит, защищены от вражеской артиллерии. Гораздо лучше прежних моделей, правда?

Нэчже, похоже, нравилось разглагольствовать о кораблях. Рин различила нотку гордости в его тоне, когда он показал на выступ у кормы.

– Видишь? Там и скрывается гребное колесо.

Пока он говорил, Рин не могла отвести взгляд от его лица. Вблизи его шрамы приводили ее в смятение, но при этом на удивление завораживали. Интересно, а говорить ему не больно?

– В чем дело? – спросил Нэчжа и прикоснулся к своей щеке. – Уродство, да? Могу снова надеть маску, если тебя это смущает.

– Не в этом дело, – поспешила ответить она.

– Тогда в чем?

– Просто... прости меня.

– За что? – нахмурился Нэчжа.

Рин всмотрелась в его лицо, пытаясь уловить признаки сарказма, но не увидела ничего, кроме подлинного интереса.

– Это моя вина.

Нэчжа перестал грести.

– Нет, не твоя.

– Нет, моя. – В горле у Рин встал комок. – Я могла тебя вытащить. Я слышала, как ты меня звал. Ты меня видел.

– Этого я не помню.

– Нет, помнишь. Перестань врать.

– Рин. Не надо. – Нэчжа прикоснулся к ее руке. – Ты не виновата. Я тебя не виню.

– А следовало бы.

– Нет.

– Я могла тебя вытащить, – повторила она. – Я и хотела, уже собиралась вернуться, но Алтан мне не позволил, и...

– Так вини Алтана, – твердо произнес Нэчжа и снова взялся за весла. – Федерация не собиралась меня убивать. Мугенцы любят брать пленных. Кто-то понял, что я сын наместника, и они держали меня ради выкупа. Думали, что в обмен на меня могут выторговать провинцию Дракон.

– И как ты сбежал?

– Я не сбежал. Я был в лагере для военнопленных, когда пришли новости о смерти императора Риохая. Захватившие меня солдаты вернули меня отцу в обмен на возможность покинуть страну живыми.

– И им это удалось? – спросила Рин.

Нэчжа поморщился.

– Им предоставили возможность.

Когда они доплыли до корабля, Нэчжа привязал к лодке четыре каната, поднял голову и свистнул. Через несколько секунд шлюпку начали поднимать.

С лодки не было видно главную палубу, но Рин заметила, что по всему кораблю стоят солдаты. Никанцы, судя по внешности, видимо, из провинции Дракон, но не в форме ополчения.

Седьмая дивизия, которую она встретила в Хурдалейне, носила зеленую форму ополчения с эмблемой дракона на рукавах. Но эти солдаты были в небесно-голубом, а на груди вышит серебряный дракон.

– Сюда.

Нэчжа повел ее по трапу вниз, на вторую палубу, и дальше по проходу, пока они не оказались перед деревянной дверью, которую охранял высокий и худой солдат с алебардой, украшенной голубой лентой.

– Капитан Эриден, – обратился к нему Нэчжа и отдал честь, хотя, судя по мундиру, Нэчжа был выше по званию.

– Генерал. – Капитан, судя по всему, никогда в жизни не улыбался. Худое иссохшее лицо постоянно хмурилось. Он поклонился Нэчже и повернулся к Рин. – Протяни руки.

– В этом нет необходимости, – сказал Нэчжа.

– Со всем уважением, но вы не из гвардии вашего отца, присягнувшей оберегать его жизнь, – ответил Эриден. – Протяни руки.

Рин повиновалась.

– Вы ничего не найдете.

Обычно она держала кинжалы в сапогах и под рубашкой, но сейчас они явно отсутствовали – видимо, команда «Баклана» обыскала пленников.

– И все-таки я должен убедиться. – Эриден заглянул ей под рукава. – Предупреждаю, если ты осмелишься прицелиться в наместника провинции Дракон хотя бы палочкой для еды, тебя утыкают стрелами быстрее, чем успеешь вдохнуть. – Он ощупал ее рубаху. – И не забывай, что твои люди у нас в плену.

Рин бросила на Нэчжу укоризненный взгляд.

– А ты говорил, что они не заложники.

– Так и есть. – Нэчжа повернулся к Эридену и нахмурился. – Они не заложники, а гости, капитан.

– Называйте как вам угодно, – пожал плечами Эриден. – Но если она попытается что-нибудь выкинуть, они покойники.

Рин повернулась, чтобы он мог ощупать ее спину.

– И в мыслях не было.

Закончив, Эриден вытер руки о мундир, развернулся и взялся за дверную ручку.

– В таком случае рад тебя поприветствовать от имени наместника.

– Фан Рунин, верно? Добро пожаловать на «Неумолимый».

Рин охнула. Невозможно было смотреть на наместника и не увидеть в нем черты Нэчжи. Инь Вайшра был возмужавшей версией сына, только без шрамов. Он обладал обескураживающей красотой семьи Инь – белой кожей, черными волосами без проблеска седины и тонкими чертами, словно высечен из мрамора, – холодный, высокомерный и властный.

Во время учебы в Синегарде она слышала много сплетен о наместнике провинции Дракон – богатейшей в империи. Во время Второй опиумной войны он в одиночку оборонял Красные утесы и разгромил флот Федерации с помощью группки рыбацких лодок. Уже многие годы его раздражало правление Дацзы. И когда он в третий раз подряд не появился на ежегодном летнем параде, который проводила императрица, кадеты в открытую разглагольствовали о том, что он собирается поднять мятеж, а Нэчжа вышел из себя и отправил одного из болтунов в лазарет.

– Можете называть меня просто Рин.

Слова вышли едва слышными и робкими, растворились в огромной позолоченной каюте.

– Это вульгарное сокращение, – объявил Вайшра. Даже его голос звучал как у Нэчжи, только ниже по тону, он растягивал слова все с теми же высокомерными интонациями. – На юге это обожают. Но я буду называть тебя Рунин. Прощу тебя, садись.

Рин бегло осмотрела дубовый стол, отделяющий ее от наместника. Стулья с высокими спинками выглядели ужасно тяжелыми. Если она сядет, то колени попадут в ловушку.

– Я постою.

Вайшра поднял брови.

– Тебя что-то стесняет?

– Вы обстреляли мой корабль, – сказала Рин. – Так что да, мне слегка не по себе.

– Милая моя, если бы я желал твоей смерти, ты бы уже лежала на дне залива Омонод.

– Так почему я еще не там?

– Потому что ты нам нужна. – Вайшра выдвинул стул и тоже сел, жестом приглашая Нэчжу последовать его примеру. – Найти тебя оказалось непросто, сама знаешь. Мы несколько недель плавали вдоль побережья провинции Змея. Даже в Мугене искали.

Он произнес фразу так, словно хотел ее напугать, и у него получилось. Рин невольно вздрогнула. Наместник выжидающе наблюдал.

Рин заглотила наживку.

– И что вы там обнаружили?

– Лишь немногих выживших на отдаленных островах. Конечно, там понятия не имели, где ты, но мы остались на неделю, чтобы убедиться. Под пытками люди скажут что угодно.

Рин сжала кулаки.

– Они еще живы?

Ей как будто всадили острый кол меж ребер. Она знала, что на материке остались солдаты Федерации, но не знала о выживших мирных жителях. Ей казалось, что она полностью уничтожила страну.

А если нет? Великий стратег Сунь-цзы предупреждал, что всегда следует прикончить врага, иначе он может вернуться, став сильнее. Что будет, если мугенцы соберутся с силами? А вдруг впереди новая война?

– Вторжение Мугена закончено, – заверил Вайшра. – Ты об этом позаботилась. Главные острова уничтожены. Император Риохай и его советники погибли. Уцелело несколько городов на окраинах архипелага, но Федерация погрузилась в безумие, как разбегающиеся во все стороны муравьи, лишившиеся матки. Некоторые сбиваются в группы и плывут к берегам Никана в поисках убежища, но... В общем, мы от них избавляемся, стоит им причалить.

– Как?

– Как обычно. – Его губы изогнулись в улыбке. – Почему ты не садишься?

Рин с неохотой отодвинула стул подальше от стола и села на краешек, сдвинув колени вместе.

– Ну вот, – сказал Вайшра. – Теперь мы друзья.

Рин решила спросить напрямик:

– Вы прибыли сюда, чтобы отвезти меня обратно в столицу?

– Не будь такой дурой.

– Тогда чего вы от меня хотите?

– Взять тебя на службу.

– Я не буду никого убивать по вашему приказу.

– Попробуй мыслить глобальнее, милая. – Вайшра подался вперед. – Я хочу покончить с империей. И мне нужна твоя помощь.

Повисла тишина. Рин изучала лицо Вайшры, ожидая, что он разразится смехом. Но он выглядел таким ужасающе искренним, как и Нэчжа, что Рин и сама не сдержала смехок.

– Я сказал что-то забавное? – спросил Вайшра.

– Вы безумец?

– Ты хотела сказать – провидец, это правильное слово. Империя вот-вот развалится. Революция – это лишь альтернатива десятилетиям гражданской войны, и кто-то должен столкнуть камень с горы.

– И как вы оцениваете свои шансы против ополчения? – снова засмеялась Рин. – Ваша провинция против одиннадцати остальных. Это же будет бойня.

– Совершенно необязательно, – ответил Вайшра. – Провинции озлоблены и изранены. И впервые на памяти наместников исчез призрак Федерации. Раньше нас держал вместе страх. А теперь трещины в фундаменте день ото дня расширяются. Знаешь, сколько мелких бунтов возникло в прошлом месяце? Дацзы изо всех сил старается объединить империю, но это тонущий корабль, прогнивший в самом основании. Некоторое время он еще продержится на плаву, но неизбежно налетит на скалы и разобьется на куски.

– И вы считаете, что можете разрушить империю и создать новую?

– Разве ты не хочешь того же?

– Убить одну женщину – это не то же самое, что уничтожить режим.

– Но нельзя оценивать эти события вне контекста, – сказал Вайшра. – Что, по-твоему, будет, если тебе удастся задуманное? Кто займет трон вместо Дацзы? И можно ли доверить этому человеку править двенадцатью провинциями? Будет ли он добрее к людям вроде тебя, чем была Дацзы?

Рин об этом не думала. Она вообще не задумывалась о жизни после убийства Дацзы. Рин даже не была уверена, что захочет жить, когда отомстит за Алтана.

– Для меня это не имеет значения, – сказала она.

– Тогда подумай вот о чем. Я могу дать тебе шанс отомстить, поддержав всей мощью своей многотысячной армии.

– Мне придется выполнять приказы? – спросила она.

– Рин... – начал Нэчжа.

– Мне придется выполнять приказы?

– Да, – ответил Вайшра. – Конечно.

– Тогда катитесь к дьяволу.

Вайшра выглядел озадаченным.

– Все солдаты выполняют приказы.

– Я больше не солдат, – сказала она. – Я отслужила свое, преданно служила империи, а в итоге оказалась привязанной к столу в мугенской исследовательской лаборатории. Хватит с меня приказов.

– Мы не империя.

Рин передернула плечами.

– Но хотите ей стать.

– Ты просто дура. – Вайшра хлопнул ладонью по столу. Рин вздрогнула. – Попробуй хоть на мгновение подумать о ком-то, кроме себя. Речь не о тебе, а о будущем твоего народа.

– Вашего народа, – поправила его Рин. – Я спирка.

– Ты напуганная девчонка, действующая в гневе и горе, и на редкость близоруко. Тебе хочется лишь отомстить. Но ты могла бы достигнуть большего. Гораздо большего. Только послушай. Ты могла бы изменить ход истории.

– А разве я еще недостаточно его изменила? – прошептала Рин.

Ей было плевать на то, что думают о будущем другие. Ей больше не хотелось величия, не хотелось занять свое место в истории, как когда-то давным-давно. Теперь она знала, какова цена.

Но не знала, как сказать, что она просто страшно устала.

Ей хотелось лишь отомстить за Алтана. Вонзить клинок в сердце Дацзы.

А потом исчезнуть.

– Твой народ погиб не из-за Дацзы, а из-за империи, – сказал Вайшра. – Провинции ослабли, стали изолированными и технологически отсталыми. По сравнению с Федерацией, по сравнению с Гесперией мы отстали не на десятилетия, а на века. И проблема не в народе, а в правительстве. Система двенадцати провинций давно устарела, это ярмо, тянущее Никан

назад. Представь истинно объединенную страну. Представь армию, чьи подразделения не воюют друг с другом. Кто сможет нас победить?

Глаза Вайшры сверкали, он раскинул руки.

– Я собираюсь превратить империю в республику, основанную на свободе личности. Вместо наместников у нас будут избранные чиновники. Вместо императрицы – парламент, а над ним – избранный президент. Я сделаю так, чтобы один человек не мог уничтожить все государство, как это сделала Су Дацзы. Что ты об этом думаешь?

Прекрасная речь, подумала Рин, если бы Вайшра произносил ее перед кем-нибудь более легковым.

Вероятно, империя нуждается в новом правительстве. И демократия могла бы принести мир и стабильность. Но Вайшра так и не понял, что Рин на это плевать.

– Я только что покончила с одной войной, – сказала она. – И у меня нет никакого желания драться в следующей.

– И какова же твоя стратегия? Шататься туда-сюда по побережью, убивать чиновников, которые осмелели настолько, что не пускают в свои владения торговцев опиумом? – Вайшра презрительно фыркнул. – Если такова твоя цель, ты не лучше мугенцев.

– Я собираюсь убить Дацзы, – ошетижилась она.

– И как же, поведай?

– Я не обязана вам говорить.

– На пиратском корабле? – усмехнулся он. – Вступив в безнадежные переговоры с королевой пиратов?

– Муг собиралась обеспечить нас всем необходимым. – Рин почувствовала, как кровь прилила к лицу. – И у нас были бы деньги, если бы не появились ваши говнюки.

– Ты ужасно наивна. Как ты еще не поняла? Муг с самого начала хотела тебя продать. Думаешь, она бы осыпала тебя сокровищами? Но на твое счастье, мы можем предложить кое-что получше.

– Муг так не поступила бы, – сказала Рин. – Муг знает мне цену.

– Ты исходишь из того, что Муг действует рационально. Так оно и есть, пока речь не идет о крупных суммах. Ее можно купить за горсть серебра, а его у меня в избытке. – Вайшра покачал головой как разочарованный учитель. – Неужели ты не понимаешь? Муг процветает, только пока на троне Дацзы, потому что изоляционистская политика императрицы избавляет Анхилуун от конкурентов. Муг наживается, только пока действует в обход закона – когда вся страна в таком дерьме, выгоднее работать внутри, чем за ее пределами. Как только торговля станет легальной, Муг потеряет собственную империю. А значит, ей совершенно не хочется, чтобы ты добилась успеха.

Рин уже открыла рот, но поняла, что сказать ей нечего, и закрыла его. В первый раз она не нашла контраргументов.

– Пожалуйста, Рин, – вмешался Нэчжа. – Будь честна сама с собой. Ты не можешь выиграть войну в одиночку. Вас всего шестеро. Гадюку охраняет элитная гвардия, которая никогда против нее не восстанет. Не говоря уже про ее собственные боевые навыки, о которых ты ничего не знаешь.

– И больше ты не застанешь ее врасплох, – добавил Вайшра. – Дацзы знает, что ты хочешь ее убить, а значит, тебе понадобится способ, чтобы к ней подобраться. Я тебе нужен.

Посмотри на этот корабль, – показал он на стены вокруг них. – Это самый лучший образец гесперианских военных технологий. Двенадцать пушек по каждому борту.

Рин закатила глаза.

– Мои поздравления.

– У меня еще десять таких же кораблей.

Она задумалась.

Вайшра подался вперед.

– Теперь ты поняла. Ты умная девочка, можешь и сама произвести расчеты. У императрицы нет боеспособного флота. У меня есть. Мы контролируем все водные пути империи. Война продлится в худшем случае полгода.

Рин побарабанила пальцами по столу, размышляя. Могут ли они выиграть войну? А есть они победят, что тогда?

Она невольно взвешивала вероятности, ведь в Синегарде ее обучали именно этому.

Если Вайшра не соврал, нужно признать, что сейчас самое подходящее время для переворота. Ополчение раздроблено и ослаблено. Провинции опустошены мугенской армией. И они могут быстро перевернуться на другую сторону, как только узнают правду о предательстве Дацзы.

Преимущества вступления в армию очевидны. Рин не придется беспокоиться о припасах. У нее будет доступ к разведданным, которые самой не получить. Будут бесплатные средства передвижения.

И все же...

– А если я откажусь? – спросила она. – Вы заставите меня поступить к вам на службу? Сделаете меня своей спирской рабыней?

Вайшра не проглотил наживку.

– Республика будет основана на свободе воли. Если ты откажешься к нам присоединиться, мы не можем тебя заставить.

– Тогда, пожалуй, я уйду, – сказала она, главным образом для того, чтобы посмотреть на реакцию. – Спрячусь где-нибудь, выжду некоторое время и соберусь с силами.

– Можешь попытаться, – скучающим тоном протянул Вайшра, словно выбил из-под ее ног очередное возражение. – Или дерись за меня и отомстишь. Это несложно, Руин. Ты же ведь не собираешься отказываться. Только по-детски притворяешься, что раздумываешь.

Рин зло уставилась на него.

Конечно, это было бы рациональным решением. А она ненавидит рациональные решения. А еще больше ей не нравилось, что Вайшра знал – она придет именно к такому выводу, и теперь просто насмехался над ней, пока она не согласится.

– У меня больше денег и ресурсов, чем у кого-либо в империи, – сказал Вайшра. – Оружие, люди, информация – все, что тебе потребуется, ты можешь получить у меня. Работай на меня, и ни в чем не будешь нуждаться.

– Я не собираюсь отдать свою жизнь в ваше распоряжение.

В последний раз, когда она присягнула в верности, ее предали. Алтан погиб.

– Я никогда не стану тебе лгать, – сказал Вайшра.

– Мне все лгут.

Вайшра пожал плечами.

– Ты не обязана мне доверять. Можешь действовать в собственных интересах. Но думаю, тебе самой ясно, что особо не из чего выбирать.

У Рин застучало в висках. Она потеряла глаза, отчаянно перебирая варианты. Должен быть выход. Нельзя соглашаться на эту фальшь. Муг преподнесла ей урок – никогда не доверяй тому, у кого на руках все козыри.

Нужно выиграть время.

– Я не могу принять решение, не обсудив его со своими людьми.

– Как пожелаешь, – сказал Вайшра. – Но дай мне ответ до зари.

– Или что? – спросила Рин.

– Или тебе придется самостоятельно добираться до берега. А плыть далековато.

– Я лишь хочу прояснить кое-что. Наместник провинции Дракон не хочет нас убить? – спросил Рамса.

– Нет, – ответила Рин. – Он хочет видеть нас в своей армии.

Рамса поморщился.

– Но зачем? Федерации больше нет.

– Именно поэтому. Он считает это удачной возможностью сбросить с трона императрицу.

– Умно, – заметил Бацзы. – Сама подумай. Грабь дом, пока он в огне. Так ведь в поговорке?

– Не знаю такой, – сказал Рамса.

– Вообще-то, он немного благородней, – пояснила Рин. – Он хочет установить республиканское правление. Уничтожить систему наместников и созвать парламент, избирать чиновников и управлять империей по-новому.

– Демократия? Seriously? – хмыкнул Бацзы.

– У Гесперии ведь получается, – сказала Кара.

– Правда? – спросил Бацзы. – А разве весь западный континент не воюет вот уже десять лет?

– Вопрос не в том, будет ли работать демократия, – сказала Рин. – Это не имеет значения. Вопрос в том, готовы ли мы вступить в армию.

– Возможно, это ловушка, – заметил Рамса. – Он может выдать тебя Дацзы.

– Тогда бы он просто убил нас, пока мы были под опиумом. А в качестве пассажиров мы опасны. Вайшра не стал бы рисковать, если бы не считал, что может убедить нас вступить в свою армию.

– Так что? – спросил Рамса. – Он сумел нас убедить?

– Не знаю, – призналась Рин. – Может быть.

Чем больше она над этим размышляла, тем больше соглашалась с этой мыслью. Ей нужны корабли Вайшры. Его оружие, солдаты, его могущество.

Но если все пойдет наперекосяк, если Вайшра причинит вред цыке, это ляжет на ее плечи. А она не может еще раз подвести цыке.

– Есть все же преимущество в том, чтобы оставаться самим себе хозяевами, – сказал Бацзы. – Не придется выполнять приказы.

Рин покачала головой.

– Нас только шестеро. Невозможно убить главу государства вшестером.

Хотя именно это она и намеревалась сделать всего несколько часов назад.

– А если он нас предаст? – спросил Агаша.

Бацзы пожал плечами.

– Мы всегда можем сбежать обратно в Анхилуун.

– Мы не можем сбежать обратно в Анхилуун, – сказала Рин.

– Почему это?

Она рассказала о коварном плане Муг.

– Она бы продала нас Дацзы, если бы Вайшра не предложил ей куш побольше. Он затопил наш корабль, чтобы она думала, будто мы погибли.

– Значит, Вайшра – единственный выбор? – спросил Рамса. – Просто потрясающе.

– А что, этот Инь Вайшра и правда так ужасен? – встрял Суни. – Он ведь просто человек.

– Это верно, – согласился Бацзы. – Вряд ли он хуже остальных наместников. Наместники провинций Овца и Бык ничего особенного собой не представляют. Кругом кумовство и родственные браки.

– Именно так ты и появился на свет, – сказал Рамса.

– Слушай, ты, мелкий говнюк...

– Давайте вступим в их армию, – сказал Чахан.

Его голос звучал не громче шепота, но все в каюте притихли. Он заговорил впервые за весь вечер.

– Вы это обсуждаете так, будто у вас есть выбор, – продолжил он. – А его нет. Неужели вы думаете, что Вайшра вас отпустит, если вы не согласитесь? Для этого он слишком умен. Он только что признался, что собирается предать императрицу. При малейшей вероятности, что вы можете уйти, он тут же всех убьет. – Чахан мрачно посмотрел на Рин. – Признай это, спирка. Либо мы с ним, либо придется умереть.

– Ты злорадствуешь, – упрекнула его Рин.

– Ни за что, – ответил Нэчжа. Он сиял всю дорогу, пока водил ее по кораблю, как взволнованный экскурсовод. – Но я рад, что ты здесь.

– Заткнись.

– Я что, не могу порадоваться? Я по тебе скучал. – Нэчжа остановился перед каютой на первой палубе. – После тебя.

– Что это?

– Твои новые покои. – Он открыл перед ней дверь. – Смотри, дверь запирается изнутри на четыре замка. Я подумал, тебе понравится.

Ей и правда понравилось. Каюта была вдвое больше, чем та, что на старом корабле, и с настоящей кроватью, а не койкой с полными клопов простынями. Рин шагнула внутрь.

– И это только для меня одной?

– Я же сказал, – самодовольно отозвался Нэчжа. – В армии Дракона есть свои привилегии.

– Вы так себя называете?

– Официально мы армия Республики. Без названия провинции и все такое.

– Вам понадобятся союзники.

– Мы над этим работаем.

Она повернулась к иллюминатору. Даже в темноте было заметно, как быстро движется «Неумолимый», скользя по темным водам проворнее, чем способен Агаша. К утру Муг и ее флот отстанут от них на десятки миль.

Но Рин не могла вот так покинуть Анхилуун. Сначала нужно кое-что вернуть.

– Так, говоришь, Муг считает нас мертвыми? – спросила она.

– Я бы удивился, если бы это было не так. Мы даже бросили в воду обугленные тела.

– Чьи тела?

Нэчжа всплеснул руками.

– А есть разница?

– Наверное, нет.

Солнце только что опустилось за горизонт. Вскоре в море выйдут пиратские патрули Анхилууна.

– У тебя есть лодка поменьше? – спросила Рин. – Чтобы прокрасться мимо кораблей Муг?

– Конечно, – нахмурился Нэчжа. – А что, ты хочешь вернуться?

– Нет, но ты кое о ком забыл.

С какой стороны ни посмотри, встреча Катая и Вайшры окончилась полной катастрофой. Капитан Эриден не пустил Рин на вторую палубу, так что она не могла подслушать, но примерно через час после того, как они привезли Катая на корабль, она увидела, как Нэчжа и два солдата волокут его вниз. Она помчалась к ним.

– ...плевать мне, что там с тобой случилось, но ты не можешь кидаться в Дракона-наместника едой, – сказал Нэчжа.

Лицо Катая побагровело от ярости. Если он и рад был увидеть Нэчжу живым, то не показал этого.

– Ваши люди пытались взорвать мой дом!

– Им пришлось, – вмешалась Рин.

– Нужно было создать впечатление, что ты погиб, – объяснил Нэчжа.

– Но я был еще внутри! – воскликнул Катай. – Как и мои счетные книги!

– Да кому какое дело до счетных книг? – поразился Нэчжа.

– Я рассчитывал городские налоги.

– Что-что?

Катай выпятил губу.

– И почти закончил.

– Что ты мелешь? – вытаращился на него Нэчжа. – Рин, хоть ты вразуми этого идиота.

– Идиот? Я? Это ведь ты считаешь хорошей идеей развязать кровавую гражданскую войну.

– Из-за императрицы, – упорствовал Нэчжа. – Именно из-за Дацзы в страну вторглась Федерация, императрица виновата в резне в Голин-Ниисе...

– Ты не был в Голин-Ниисе, – оборвал его Катай. – Не рассказывай мне о нем.

– Ладно, прости. Но неужели это не причина для того, чтобы сменить режим? Она ослабила ополчение, завалила международные отношения, она не годится в правители...

– У вас нет доказательств.

– Есть. – Нэчжа остановился. – Взгляни на свои шрамы. Посмотри на меня. Доказательства написаны на нашей коже.

– Мне плевать, – сказал Катай. – Насрать мне на вашу политику, я просто хочу домой.

– И чем ты там будешь заниматься? – поинтересовался Нэчжа. – За кого сражаться? Грядет война, Катай, и когда она начнется, никто не останется в стороне.

– Неправда. Я могу уединиться и жить добродетельной жизнью ученого отшельника, – упрямо сказал Катай.

– Хватит, – вмешалась Рин. – Нэчжа прав. Ты просто упрямисься.

Катай закатил глаза.

– Ну конечно, ты тоже участвуешь в этом безумии. Чего же еще можно было ожидать?

– Может, это и безумие, – сказала Рин. – Но это лучше, чем сражаться в рядах ополчения. Да брось, Катай. Ты знаешь, что я не вернусь к прежней жизни.

По глазам Катая она видела, как ему хочется разрешить противоречие между верностью и справедливостью, ведь бедный Катай всегда старался поступать правильно, в соответствии с моральными принципами, и никак не мог примириться с тем, что военный переворот иногда оправдан.

Он взмахнул руками.

– Даже если и так, как в моем положении я могу поддержать вашу республику? Мой отец – министр обороны империи.

– Значит, он служит не тому правителю, – сказал Нэчжа.

– Ты не понимаешь! Вся моя семья сейчас в столице. Их могут использовать против меня – маму, сестру...

– Их можно вывезти, – предложил Нэчжа.

– Как вывезли меня, да? Очень мило, уверен, им понравится, когда их похитят среди ночи, а дом спалят.

– Успокойся, – сказала Рин. – Они ведь будут живы. Тебе не придется волноваться.

– Как будто ты знаешь, что это значит, – огрызнулся Катай. – Твой ближайший родственник, если можно так выразиться, маньяк со склонностью к самоубийству, который погиб почти в такой же идиотской миссии, как он сам.

Одним своим тоном он перешел границу. Нэчжа оторопел. Катай быстро заморгал, пытаясь не смотреть на них. На мгновение Рин понадеялась, что он сдаст назад и извинится, но он просто отвел взгляд.

Она ощутила боль в груди. Тот Катай, которого она знала, извинился бы.

Все трое надолго умолкли. Нэчжа уставился в стену, Катай себе под ноги, и никто не осмеливался посмотреть Рин в лицо.

Наконец Катай вытянул руки, будто ждал, что их свяжут.

– Лучше отведите меня в карцер, – сказал он. – Вы же не хотите, чтобы пленные разгуливали по палубе.

Глава 7

Вернувшись в свою каюту, Рин заперла дверь изнутри на все четыре задвижки, а на всякий случай еще и подперла ее стулом. И только тогда легла на кровать, закрыла глаза и попыталась расслабиться, на краткий миг почувствовать себя в безопасности. Ведь она среди друзей. Никто не собирается ее убивать.

Но сон не шел. Что-то было не так.

И через секунду Рин поняла, что именно. Ей не хватало раскачивания кровати на волнах. «Неумолимый» был так велик, что палубы напоминали твердую землю. Наконец-то поверхность под ногами не качалась.

Она ведь именно этого хотела, правда? Ей было где жить и было куда двигаться. Больше Рин не металась, в отчаянии продумывая планы, которые все равно наверняка провалятся.

Она уставилась в потолок, пытаясь утихомирить колотящееся сердце. Но никак не могла избавиться от чувства, что что-то неправильно, глубоко угнездившегося замешательства, вызванного не только отсутствием качки.

Началось все с покалывания кончиков пальцев. Потом ладони начали нагреваться, и жар пополз по рукам к груди. Через минуту заболела голова, от вспышки боли Рин заскрежетала зубами.

И тогда ощутила под веками огонь.

Она увидела Спир и Федерацию. Увидела пепел и кости, полыхающие и плавающие, а к ней двигалась одинокая фигура, прекрасный и стройный юноша с трезубцем в руках.

– Ты просто дура, – прошептал Алтан и бросился к ней, обвинил пальцами ее горло.

Она распахнула глаза, села и сделала глубокий вдох, затем выдох, медленно и отчаянно, пытаясь справиться с внезапной волной паники.

И тут поняла, что не так.

На этом корабле у нее не будет опиума.

Спокойно. Успокойся.

Однажды в Синегарде, когда Цзян учил ее закрывать разум перед Фениксом, наставник показал ей способ очищать мысли и проваливаться в пустоту несуществования. Цзян научил ее представлять себя мертвой.

Тогда она избегала этих уроков. Сейчас постаралась их вспомнить. Рин заставила себя проговорить мантру, которую Цзян заставлял ее произносить часами. «Пустота. Я ничто. Я не существую. Я ничего не чувствую. Я ни о чем не сожалею... Я песок, я пыль, я прах».

Ничего не вышло. Через спокойствие все равно прорывалась паника. Покалывание в пальцах усилилось, как будто в них впились ножи. Рин горела, каждая частичка ее тела мучительно полыхала, и отовсюду доносился голос Алтана:

«На моем месте должна была быть ты».

Она метнулась к двери, пинком отбросила стул в сторону и как была босиком побежала в проход. В глазах пульсировала боль и вспыхивали искры.

Она прищурилась, всматриваясь в полутьме. Нэчжа сказал, что ее каюта в конце прохода... Значит, здесь, наверное... Она забарабанила по двери, пока та не приоткрылась.

– Рин? Что ты...

Она схватила Нэчжу за грудки.

– Где ваш лекарь?

Он вскинул брови.

– Ты ранена?

– Где он?

– На первой палубе, третья дверь справа, но...

Рин не дождалась окончания фразы и помчалась к трапу. Она услышала за спиной шаги Нэчжи, но ей было все равно, главное сейчас – раздобыть немного опиума или лауданума – чего угодно.

Но лекарь не впустил ее к себе. Он загородил дверной проем, положив одну руку на косяк, а другой стиснув ручку.

– Приказ наместника, – сказал он, как будто ожидал ее прихода. – Я не должен тебе ничего давать.

– Но мне нужно... Боль... Я не могу ее выносить, мне нужно...

Лекарь начал закрывать дверь.

– Придется тебе как-нибудь справиться.

Рин всунула ногу в щель.

– Хотя бы чуть-чуть! – взмолилась она. Как бы жалко это ни звучало, но ей нужен был опиум, хоть что-нибудь. – Прошу вас!

– У меня приказ, – отчеканил он. – Ничем не могу помочь.

– Да чтоб вам всем провалиться! – выкрикнула Рин.

Лекарь вздрогнул и захлопнул дверь, но Рин уже бежала в обратном направлении, шаги гулко отдавались по палубе.

Она выбралась на верхнюю палубу, подальше от всех. Зловещие воспоминания, которые она так старалась подавить, впивались в мозг осколками стекла, кусочки мозаики ярко вставали перед глазами – трупы в Голин-Ниисе, трупы в исследовательской лаборатории, трупы на Спире, а еще солдаты, все с лицом Широ, они скалились в усмешке, отчего ярость Рин все росла и росла...

– Рин!

Ее наконец догнал Нэчжа и схватил за плечо.

– Что происходит?

Она развернулась.

– Где твой отец?

– Кажется, встречается со своими генералами, – запинаясь, ответил Нэчжа. – Но я не...

Рин оттолкнула его. Нэчжа хотел схватить ее за руку, но Рин увернулась и бросилась бежать по коридору и вниз по трапу, к каюте Вайшры. Она дернула за ручку – заперто. Тогда Рин яростно замолотила по двери ногой, пока ту не открыли.

Увидев ее, Вайшра ничуть не удивился.

– Господа, – сказал он, – оставьте нас наедине, будьте добры.

Все находящиеся в каюте молча встали со своих мест. Никто не взглянул на Рин. Вайшра запер дверь и обернулся.

– Чем могу быть полезен?

– Вы приказали лекарю не давать мне опиум.

– Верно.

– Мне он нужен... – произнесла она дрогнувшим голосом.

– О нет, Рунин. – Вайшра покачал пальцем, словно журил малое дитя. – Совсем забыл об этом предупредить. Это условия твоей службы у меня. Я не терплю в армии опиумных наркоманов.

– Я не наркоманка, я просто...

Голова снова раскололась от очередной волны боли, и Рин зажмурилась.

– Если ты будешь под кайфом, от тебя нет проку. Ты нужна мне трезвой. Мне нужен человек, способный проникнуть в Осенний дворец и убить императрицу, а не какой-то одурманенный опиумом мешок дерьма.

– Вы не понимаете, – сказала Рин. – Если я не приму наркотик, то сплю всех на этом корабле.

Вайшра пожал плечами.

– Тогда мы выбросим тебя за борт.

В ответ Рин просто тупо уставилась на него. В этом не было никакого смысла. Как он способен оставаться таким раздражающе спокойным? Почему не съезживается, трясаясь от ужаса? Ведь именно так должно быть – она угрожает и получает желаемое, как всегда случалось до сих пор.

Почему он ее не боится?

В отчаянии она начала умолять:

– Вы не представляете, какая это боль. Он у меня в голове... Бог постоянно у меня в голове и мучает меня...

– Это не бог. – Вайшра подошел к ней ближе. – Это гнев. И твой страх. Ты впервые увидела сражение и с тех пор не можешь успокоиться. Постоянно боишься. Тебе кажется, что все хотят причинить тебе боль, и сама желаешь, чтобы они этого хотели, потому что так ты получишь повод ответить. Это не проблема спирцев, такое случается со всеми солдатами. Опиумом это не излечить. Убежать от этого невозможно.

– Тогда что...

Вайшра положил руки ей на плечи.

– Прими это как данность. И борись.

Как он не понимает, что она пыталась? Он думает, это легко?

– Нет, – сказала она. – Мне не нужны...

Вайшра наклонил голову в сторону.

– Что значит «нет»?

Язык еле ворочался во рту у Рин. Она вспотела, капельки пота выступили на ладонях.

– Хочешь оспорить мои приказы? – повысил голос Вайшра.

– Я... – судорожно выдохнула она. – Я не могу... Не могу это побороть.

– Ох, Рунин. Ты не понимаешь. Теперь ты мой солдат и выполняешь приказы. Если я велю тебе прыгнуть, ты можешь лишь спросить, на какую высоту.

– Но я не могу, – раздраженно повторила она.

Вайшра поднял левую руку, посмотрел на свои пальцы и вlepил Рин пощечину.

Она отшатнулась, скорее от неожиданности, чем от силы удара. Боль она не почувствовала, только резкое жжение, словно в нее ударила молния. Рин поднесла палец к губе и увидела на нем кровь.

– Вы меня ударили, – опешила она.

Вайшра схватил ее за подбородок и поднял ей голову. Рин была слишком ошеломлена, чтобы злиться. Но она испугалась. Никто прежде не осмеливался вот так с ней себя вести. Уже очень давно до нее никто не дотрагивался.

После Алтана.

– Мне уже доводилось умирять спирцев. – Вайшра провел по ее щеке большим пальцем. – Ты не первая. Землистый цвет кожи. Запавшие глаза. Ты убиваешь себя опиумом. Кто угодно это заметит. Знаешь, почему спирцы умирали молодыми? Вовсе не из-за пристрастия к постоянным войнам и не из-за своего бога. Они губили себя опиумом. Сейчас, думаю, тебе осталось не больше полугода жизни.

Он с такой силой вонзил пальцы ей в кожу, что Рин охнула.

– Я положу этому конец. Больше никакого опиума. Можешь накуриваться до смерти, когда исполнишь то, что мне от тебя нужно. Но не раньше.

Рин в растерянности уставилась на него. По лицу начала растекаться боль, поначалу легким жжением, а потом запульсировала в щеке. Из горла чуть не вырвался всхлип.

– Но мне так больно...

– Ох, Рунин. Бедняжка Рунин. – Вайшра смахнул волосы с ее глаз и наклонился ближе. – Наплюй на боль. Нет ничего такого, с чем не справилась бы дисциплина. Ты способна изгнать Феникса. Твой разум сам построит линию обороны, ты еще этого не сделала только потому, что предпочла опиум как более удобный способ.

– Потому что мне нужно...

– Тебе нужна дисциплина. – Вайшра задрал ей голову еще выше. Тебе нужно сосредоточиться. Укрепить разум. Я знаю, ты слышишь крики. Научись с этим жить. Алтан же как-то сумел.

– Я не Алтан, – сказала Рин, почувствовав вкус крови на губах.

– Так научись им быть.

И потому Рин страдала в одиночестве, запершись в своей каюте, а снаружи по ее же собственной просьбе сторожили три солдата.

Она не могла просто лежать на кровати. Простыни царапали кожу, и все тело начало чесаться. Рин свернулась на полу, зажав голову коленями, и раскачивалась туда-сюда, кусая пальцы, чтобы не закричать. Ее трясло и колотило, боль прокатывалась волнами, как будто кто-то медленно дубасит по каждому внутреннему органу.

Судовой лекарь отказался давать ей снотворное, сославшись на то, что она просто замешана на чуть более слабом средстве, и потому Рин нечем было заглушить голоса в голове, нечем отогнать видения, вспыхивающие перед глазами, стоило только зажмуриться – бесконечные кошмары, насылаемые Фениксом, и ее собственные галлюцинации.

И конечно, Алтан. Он снова и снова появлялся в ее видениях. Иногда горящим на пристани, иногда привязанным к операционному столу, где он стонал от боли, но порой он был невредим, и эти видения терзали сильнее всего, потому что тогда Алтан с ней разговаривал...

Щека горела от удара Вайшры, но в видениях Рин казалось, что ее ударил Алтан и жестоко улыбнулся, когда она ошалело уставилась на него.

– Ты меня ударил, – сказала она.

– Пришлось, – отозвался он. – Кто-то должен был это сделать. Ты заслужила.

Может, она и правда это заслужила? Рин не находила ответа. Но значение имело лишь то, что так считал Алтан в ее видениях, Алтан считал, что она это заслужила.

«Ты неумеха», – говорил он.

«Тебе со мной не сравниться», – говорил он.

«Это ты должна быть на моем месте».

И под всем этим сквозил невысказанный приказ: «Отомсти за меня, отомсти за меня, отомсти...»

Иногда видения ненадолго превращались в извращенные фантазии, где Алтан не мучил ее, а любил, и его удары становились ласками. Но это было совершенно невыносимо, ведь внутри Алтана полыхал тот же огонь, который его поглотил – он не мог не сжигать все вокруг.

В конце концов от изнеможения Рин все-таки засыпала, но лишь урывками, как только она начинала клевать носом, то с криком просыпалась, и лишь скрючившись в углу каюты и прикусив пальцы, ей удавалось молчать.

– Сволочь Вайшра, – шептала она. – Сволочь, сволочь!

Но почему-то она не могла ненавидеть Вайшру. Возможно, от истощения – Рин была так измучена страхом, горем и злостью, что уже ничего не чувствовала. Но знала, что ей было нужно именно это. Все те месяцы, пока она убивала себя, ей не хватало силы воли взять себя в руки, а единственный человек, способный ее остановить, погиб.

Рин нужен был тот, кто способен ее контролировать, как Алтан. Как ни горько было это признавать, Вайшра, возможно, был для нее спасением.

Днем становилось хуже. Солнечный свет бил молотком по голове. Но если Рин осталась бы в каюте, то сошла бы с ума, и потому Нэчжа повел ее наружу, крепко схватив под руку, пока они гуляли по палубе.

– Как ты? – спросил он.

Это был глупый вопрос, заданный скорее, чтобы прервать молчание, потому что ее состояние было очевидно: Рин не спала, ее все время трясло и от истощения, и от ломки, и она надеялась, что в конце концов просто рухнет без сознания.

– Поговори со мной, – попросила она.

– О чем?

– О чем угодно. В буквальном смысле.

И совсем тихо, чтобы у нее не разболелась голова, Нэчжа принялся рассказывать истории из придворной жизни – банальные сплетни о том, кто трахает жену наместника и кто настоящий отец того или иного его сына.

Пока Нэчжа говорил, Рин наблюдала за ним. Если ей удавалось сосредоточиться на самой крохотной детали его лица, это отвлекало от боли, хотя бы чуть-чуть. Например, его левый глаз теперь стал чуть шире правого. Она рассматривала изгиб его бровей и шрамы, скрученные на правой щеке в подобие цветка мака.

Нэчжа был намного выше ее. Рин приходилось выворачивать шею, чтобы на него посмотреть. Когда это он стал таким здоровенным? В Синегарде они были примерно одного роста и одинаковой комплекции – до второго курса, когда он начал немыслимыми темпами наращивать мускулы. Но в Синегарде они были просто детьми – глупыми, наивными, которые играли в войну, но никогда всерьез не верили, что она превратится в реальность.

Рин отвернулась к реке. «Неумолимый» шел в глубь страны по Мурую. Они двигались черепашьями темпами, хотя гребцы изо всех сил налегали на весла, толкая корабль по вязкому илу.

Рин прищурилась, глядя на берег. Она не была уверена, что это не галлюцинации, но чем ближе они подбирались, тем четче она различала вдали маленькие фигурки, похожие на ползущих по бревну муравьев.

– Это что, люди? – спросила она.

Да, это были люди. Теперь Рин ясно их видела – согбенные под тюками спины взрослых, бредущих босых детей и привязанных в бамбуковых корзинах к спинам родителей младенцев.

– Куда они идут?

Нэчжа слегка удивился вопросу.

– Они беженцы.

– Откуда?

– Отовсюду. Федерация опустошила не только Голин-Ниис. Мугенцы разрушили всю страну. Пока мы бессмысленно обороняли Хурдалейн, они пошли на юг, сжигая деревни, после того как разграбили их.

Рин уцепилась за первую фразу:

– Так Голин-Ниис не был...

– Даже близко.

Она не могла и вообразить, сколько смертей это означает. Сколько человек жили в Голин-Ниисе? Если умножить это количество на число жителей провинции, цифры приближались к миллиону.

А теперь по всему Никану беженцы возвращались к своим домам. Человеческий поток, схлынувший от опустошенных войной городов к пустынному северо-западу, обратился вспять.

– «Ты спрашивал, как велики мои печали», – продекламировал Нэчжа. Рин узнала строчки из поэмы, которую она учила целую вечность назад, последние слова императора, ставшие наказом для будущих поколений. – «И я ответил – как весенняя река, текущая к востоку».

Пока они плыли по Мурую, с берега к ним тянулись многочисленные руки, люди кричали тем, кто находился на «Неумолимом»:

– Прошу, подвезите хотя бы до границы провинции...

– Возьмите моих девочек, только моих девочек...

– У вас же есть место! У вас есть место, будь вы прокляты!..

Нэчжа мягко потянул Рин за рукав.

– Давай спустимся на нижнюю палубу.

Она покачала головой. Ей хотелось это видеть.

– Почему кто-нибудь не пошлет за ними шлюпку? – спросила она. – Почему мы не можем отвезти их домой?

– Они идут не домой, Рин. Они бегут.

В груди Рин разлился страх.

– И сколько их еще там?

– Мугенцев? – Нэчжа вздохнул. – Это не армия, разрозненные подразделения. Мугенцы продрогли, оголодали, и им некуда идти. Теперь они стали ворами и бандитами.

– И сколько их? – повторила она вопрос.

– Немало.

Ее руки сжались в кулаки.

– Я думала, что принесла мир...

– Ты принесла нам победу, – ответил Нэчжа. – Это случилось после. Наместники с трудом держат под контролем собственные провинции. Продовольствия не хватает. Процветает бандитизм, и это не только бывшие солдаты Федерации. Никанцы готовы перерезать друг другу глотки. Хотя ты тут ни при чем.

– И ты, конечно, считаешь, что сейчас самое время начать новую войну.

– Очередная война неизбежна. Хотя мы можем предотвратить большую войну. Республика столкнется с многочисленными проблемами. Но если исправить фундамент, если создать нужные структуры, то следующее вторжение станет менее вероятным и мы спасем будущие поколения. Если, конечно, у нас все получится.

Фундамент. Многочисленные проблемы. Будущие поколения. Все это – абстрактные понятия, которые не объяснить простому крестьянину. Кому есть дело до того, кто сидит на троне в Синегарде, когда главные течения империи лежат под водой?

Детские крики внезапно показались ей невыносимыми.

– Мы можем дать им хоть что-нибудь? – спросила она. – Денег? У вас разве нет запасов серебра?

– И на что им тратить деньги? Можно завалить их серебром, только купить на него нечего. Нет товаров.

– Может, дать им еду?

– Мы пытались. Они разрывают друг друга на части, чтобы схватить подачку. Малопривлекательное зрелище.

Рин положила подбородок на ладони. Толпа отдалялась – брошенная на произвол судьбы и преданная.

– Хочешь, расскажу шутку? – спросил Нэчжа.

Она пожала плечами.

– Миссионер из Гесперии как-то сказал, что обычный никанский крестьянин похож на человека, стоящего в пруду, когда вода доходит ему до подбородка, – сказал Нэчжа. – Достаточно легкой ряби, чтобы он захлебнулся.

Когда Рин глядела на берег Муруя, это высказывание не казалось ей забавным.

В тот вечер она сама решила утопиться.

Это не было обдуманным решением, скорее актом чистого отчаяния. От боли она заколотила в дверь своей каюты, моля о помощи, и, когда охранник открыл дверь, Рин бросилась мимо него вверх по трапу на главную палубу.

Охрана побежала за ней, криками вызывая подкрепление, но Рин ускорила бег, грохоча по деревянным доскам голыми ногами. Занозы кололи кожу, но это была приятная боль, отвлекающая от воплей в голове, хотя бы на долю секунды.

Фальшборт на носу доходил Рин до груди. Она схватилась за него и попыталась подтянуться, но руки совсем ослабли, она не помнила, что когда-либо была так слаба, и Рин плюхнулась на палубу. Она попробовала еще раз, и теперь ей удалось свеситься через борт. Секунду она висела так, глядя на расходящиеся от «Неумолимого» темные волны.

Чьи-то руки обхватили ее за пояс. Рин брыкалась и отбивалась, но хватка становилась только крепче. Рин все-таки стянули вниз. Она обернулась.

– Суни?

Суни пошел обратно к носу, неся ее в охапке, как ребенка.

– Отпусти! – выдохнула она. – Отпусти меня!

Суни поставил ее на палубу. Рин собралась уже сбежать, но он вывернул ее руку за спину и заставил сесть.

– Дыши, – велел Суни. – Просто подыши.

Она подчинилась. Боль не ослабевала. Крики не затихали. Рин задрожала, но Суни ее не выпустил.

– Просто дыши, а я расскажу тебе историю.

– Не нужны мне твои говенные истории, – огрызнулась она.

– Отбрось все желания. И мысли. Просто дыши. – Голос Суни был таким спокойным и умиротворяющим. – Ты слышала историю про короля обезьян и Луну?

– Нет, – всхлипнула она.

– Тогда слушай внимательно. – Он слегка ослабил захват – только чтобы перестали болеть ее руки. – Однажды король обезьян увидел богиню Луны.

Рин закрыла глаза и постаралась сосредоточиться на голосе Суни. Она никогда прежде не слышала от него такую пространную речь. Он всегда молчал, погрузившись в себя. Рин и забыла, как мягко звучит его голос.

– Богиня Луны только что спустилась с небес и летела так близко от земли, что можно было разглядеть ее лицо. Она была так прекрасна.

В голове у Рин всколыхнулись воспоминания. Она знала эту легенду. Эту сказку рассказывали детям в провинции Петух каждую осень, во время Лунного фестиваля, когда дети ели лунное печенье, разгадывали загадки, написанные на рисовой бумаге, и запускали в небо фонарики.

– И он влюбился, – прошептала она.

– Точно. Короля обезьян охватила пагубная страсть. Либо он будет обладать богиней, решил он, либо умрет. И тогда он послал своих лучших солдат, чтобы отнять ее у моря. Но им это не удалось, ведь Луна жила не в море, а на небе, солдаты просто утонули.

– Почему? – спросила Рин.

– Почему они утонули? Почему Луна их убила? Потому что они не взобрались за ней на небо, а нырнули в воду за ее отражением. Они пытались поймать иллюзию. – Голос Суни посуровел. Он по-прежнему говорил шепотом, но с таким же успехом мог бы и кричать. – Ты всю жизнь гоняешься за иллюзией, считая ее реальностью, и в конце концов понимаешь, какой ты дурак, и если сделаешь еще хоть шаг, то утонешь.

Он выпустил Рин.

Она повернулась к нему.

– Суни...

– Алтану нравилась эта история, – сказал он. – В первый раз я услышал эту легенду от него. Он рассказывал ее, когда хотел меня успокоить. Говорил, будет лучше, если король обезьян станет для меня просто человеком, глупым и легковверным, а не богом.

– Король обезьян – просто придурок, – сказала Рин.

– А богиня Луна – стерва. Она сидела на небе и смотрела, как внизу тонут обезьяны. И как это ее характеризует?

Рин засмеялась. На мгновение она посмотрела на Луну. Полумесяц скрывался за дымкой темных облаков. Рин не могла представить Луну проказливой и коварной женщиной, готовой обмануть мужчин и заманить их на смерть.

Она накрыла ладонью руку Суни. Его рука была массивной и грубее древесной коры, вся в мозолях. В голове у Рин крутились тысячи вопросов без ответов.

Кто сделал тебя таким?

И, что важнее, сожалеешь ли ты об этом?

– Тебе необязательно страдать в одиночестве, – сказал Суни и медленно улыбнулся, что случилось с ним редко. – И ты не единственная.

Рин хотелось улыбнуться в ответ, но тут накатил волна тошноты. Рин согнулась, и палубу забрызгала рвота.

Пока Рин сплевывала на доски палубы мокроту с кровью, Суни круговыми движениями гладил ее по спине. Когда приступ закончился, Суни смахнул с глаз Рин вымазанные рвотой волосы, а она глотала воздух, судорожно всхлипывая.

– Ты такая сильная, – сказал он. – Что бы ты ни видела, что бы ни чувствовала, ты сильнее этого.

Но ей не хотелось быть сильной. Ведь если она сильная, то должна оставаться трезвой, а если она трезва, то должна осознавать последствия своих действий. Придется заглянуть в бездну. И Федерация Муген перестанет быть расплывчатым пятном, а жертвы – просто ничего не значащими цифрами. Тогда придется признать значение одной смерти, а за ней другой, а потом еще и еще...

Рин хотелось бы признать это значение, но тогда пришлось бы что-то с этим делать, чувствовать что-либо, кроме гнева, а она боялась просто рассыпаться на части, если исчезнет гнев.

Рин заплакала.

Суни отбросил волосы с ее лба.

– Просто дыши, – прошептал он. – Дыши, хорошо? Вдохни пять раз.

Раз. Два. Три.

Суни по-прежнему гладил ее по спине.

– Нужно только продержаться всего пять секунд. А потом еще пять. И так далее.

Четыре. Пять.

И еще пять. И как ни странно, эти пять вдохов были чуть более сносными, чем предыдущие.

– Ну вот, – сказал Суни, когда число вдохов дошло, наверное, до пятидесяти. Его голос был едва громче шепота. – У тебя получилось.

Она дышала и считала вдохи, понимая, что Суни наверняка знает, о чем говорит.

Наверное, он уже и сам через это проходил, еще при Алтане.

– Она справится, – сказал Суни.

Рин подняла голову, чтобы посмотреть, с кем он говорит, и увидела стоящего в тени Вайшру.

Тот откликнулся на призыв солдат. Он что, стоял здесь с самого начала и просто молчал?

– Я услышал, что ты решила подышать воздухом, – сказал он.

Рин вытерла рвоту с щеки ладонью. Вайшра перевел взгляд на ее заляпанную одежду, а потом обратно на лицо. Рин не могла разобрать, о чем он думает.

– Я справлюсь, – прошептала она.

– Правда?

– Я о ней позабочусь, – сказал Суни.

После короткой паузы Вайшра быстро кивнул.

Еще через секунду Суни помог Рин встать и отвел обратно в каюту. Он обнимал ее за плечи, и его рука была такой теплой, крепкой и успокаивающей. Корабль качнулся на высокой волне, и Рин бросило на Суни.

– Извини, – сказала она.

– Не извиняйся. И не беспокойся. Я с тобой.

Через пять дней «Неумолимый» проплывал над затопленным городом. Поначалу, когда Рин увидела торчащие над рекой верхушки зданий, она приняла их за бревна или камни. Но оказавшись ближе, она разглядела изгиб крыши затопленной пагоды и дранку на крышах домов под водой. Из речного ила поднималась целая деревня.

А потом Рин увидела тела – изъеденные, вздувшиеся и бледные, с пустыми глазницами на месте выеденных рыбами глаз. Трупы перегородили реку, их оказалось столько, что корабельной команде пришлось смахивать червей, карабкающихся на борт.

Моряки выстроились на носу и отталкивали тела длинными шестами, чтобы очистить фарватер. Трупы громоздились по берегам. Время от времени матросы спускались и оттаскивали трупы в кучи, прежде чем «Неумолимый» мог двинуться дальше. Эта обязанность вселила в команду ужас.

– Что здесь случилось? – спросила Рин. – Муруй поменял русло?

– Нет. Взорвали плотину. – Нэчжа побелел от ярости. – Дацзы велела взорвать плотину и затопить долину Муруя.

Это сделала не Дацзы. Рин знала, чья это работа.

Но знал ли еще кто-нибудь?

– И все получилось?

– Конечно. Войска Федерации оказались заперты на севере. Этого времени хватило, чтобы наши северные дивизии превратили их в ошметки. Но вода затопила сотни деревень, и теперь несколько тысяч человек лишились крова. – Нэчжа сжал кулаки. – Какой правитель сотворит такое? С собственными людьми!

– Откуда ты знаешь, что это она? – осторожно спросила Рин.

– А кто же еще? Такие масштабные разрушения делают только по приказу с самого верха. Разве не так?

– Конечно, – промямлила она. – Как же иначе.

Рин нашла близнецов на корме. Они сидели на фальшборте, глядя на проплывающие внизу обломки. Увидев Рин, оба прыгнули и с опаской обернулись, словно ждали ее появления.

– И каково это? – спросила Рин.

– Не понимаю, о чем ты, – отозвался Чахан.

– Ведь ты тоже принимал в этом участие, не только я, – злорадно сказала она.

– Возвращайся к себе и поспи, – ответил он.

– Тысячи человек! – взревела Рин. – Утонули как муравьи! Гордишься собой?

Кара отвернулась, но Чахан негодуя вздернул подбородок.

– Я только выполнил приказ Алтана.

Рин расхохоталась.

– И я! Я просто выполняла приказы! Он сказал, что нужно отомстить за спирцев, так я и сделала, а значит, я не виновата, это же Алтан...

– Заткнись, – огрызнулся Чахан. – Слушай... Вайшра считает, что это Дацзы приказала открыть плотину.

Рин по-прежнему заливалась смехом.

– Нэчжа тоже так думает.

– Что ты ему рассказала? – всполошился Чахан.

– Ничего, конечно же. Я не такая дура.

– Правду нельзя говорить никому, – отрезала Кара. – Никто в республике Дракон не должен знать.

Разумеется, Рин это понимала. Она знала, насколько опасно давать армии Дракона повод ополчиться против цыке. Но сейчас она думала лишь о том, как это чудесно – не только ее руки в крови многочисленных жертв.

– Не волнуйтесь, – сказала она. – Я не проговорюсь. Чудовищем останусь только я.

Близнецы были явно ошеломлены, но Рин не могла сдержатъ смех. Она гадала, как все случилось, когда ударила волна. Люди, наверное, готовили ужин, играли во дворах, укладывали детей спать, болтали, занимались любовью, и тут сокрушительная волна смела их дома, уничтожила деревни и погубила всех жителей.

Вот так выглядит баланс сил. Таким, как она, достаточно взмахнуть рукой, чтобы обрушить на миллионы человек катастрофическую силу стихии, смахнуть их с шахматной доски, словно ненужные пешки. Люди вроде нее, шаманы, похожи на детей, топчущих целые города, словно замки из песка, но и сами они – как стеклянные дома, которые можно легко разбить.

На седьмой день после того, как они покинули Анхилуун, боль отступила.

Рин проснулась, не чувствуя ни жара, ни головной боли. Она осторожно шагнула к двери и с удивлением обнаружила, что твердо стоит на ногах, а все вокруг нее не крутится и не качается. Рин открыла дверь, прошлепала на верхнюю палубу и поразились тому, как приятно подставить лицо под водные брызги с реки.

Все чувства обострились. Цвета казались более насыщенными. Рин чуяла запахи, которых не различала прежде. Мир вокруг стал выразительным и ярким.

И тогда Рин поняла, что ее разум очистился.

Феникс ее не покинул, нет. Бог еще остался в голове, нашептывая рассказы о разрушениях, пытаясь взять под контроль ее желания.

Но теперь Рин знала, чего хочет.

Она хочет сама его контролировать.

Она стала жертвой желаний бога, потому что ее разум ослаб, пока она гасила пламя временным и ненадежным средством. Но теперь голова была ясной, и когда Феникс подавал голос, Рин могла заставить его умолкнуть.

Она потребовала встречу с Вайшрой. Тот послал за ней через несколько минут.

Когда Рин вошла в его кабинет, Вайшра был один.

– Вы меня не боитесь? – спросила она.

– Я тебе доверяю.

– А не стбит.

– Значит, я доверяю тебе больше, чем ты доверяешь себе. – Сейчас он вел себя совершенно по-другому. Тот грубый человек исчез. Голос звучал мягко и ободряюще, напомнив Рин учителя Фейрика.

Она уже так давно не вспоминала учителя Фейрика.

И так давно не чувствовала себя в безопасности.

Вайшра откинулся на стуле.

– Ну, давай, брызни в меня огнем. Попробуй.

Рин подняла ладонь и сосредоточенно посмотрела на нее. Она призвала весь свой гнев и ощутила прилив тепла в животе. Но теперь уже не бурный, неконтролируемый поток, а медленное и злое пламя.

Из ладони вырвался огонек. Он горел устойчиво, и Рин могла увеличить его или уменьшить, если хотела.

Она закрыла глаза и медленно выдохнула, осторожно увеличивая пламя. Оно покачивалось над ладонью, как камыши на ветру. И тут Вайшра скомандовал:

– Хватит!

Она сжала ладонь в кулак. Пламя исчезло.

Только после этого Рин поняла, как быстро колотится сердце.

– Все в порядке? – спросил Вайшра.

Она кивнула.

По его лицу расплылась довольная и гордая улыбка.

– А теперь еще раз. Сделай его выше. И ярче. Придай форму.

Рин попятилась.

– Я не могу. Я не настолько его контролирую.

– Нет, можешь. Не думай о Фениксе. Смотри на меня.

Рин встретила с ним взглядом, и глаза Вайшры стали якорем.

Из ее кулака вспыхнуло пламя. Дрожащими руками Рин придала ему форму дракона, сворачивающегося кольцами между ней и Вайшрой, так что в воздухе разлилась мерцающая горячая пелена.

«Еще, – сказал Феникс. – Больше. Выше».

Его вопли зазвенели в голове. Рин попыталась заставить его умолкнуть.

Пламя не отступило.

Она задрожала.

– Нет, я не могу, не могу... Уходите отсюда...

– Не думай об этом, – прошептал Вайшра. – Смотри на меня.

Так медленно, что Рин показалось, будто ей это только кажется, красная пелена под веками отступила.

Пламя исчезло. Рин упала на колени.

– Молодец, – мягко похвалил ее Вайшра.

Рин обхватила себя руками, раскачиваясь взад-вперед и пытаясь не забыть, что нужно дышать.

– Хочу показать тебе кое-что, – произнес Вайшра.

Рин подняла голову. Он подошел к книжному шкафу, открыл ящик и вытащил завернутый в ткань сверток. Когда он сдернул ткань, Рин съежилась, но увидела лишь тусклое поблескивание металла.

– Что это? – спросила она.

Но Рин уже поняла. Это оружие она узнала бы где угодно. Она много часов любовалась этой сталью, носившей следы бесчисленных сражений. Оружие целиком было сделано из металла, даже рукоять, обычно деревянная, потому что спирцам нужно оружие, которое не сгорит в руках.

Рин почувствовала легкое головокружение, не имеющее ничего общего с опиумной ломкой, перед глазами ярко вспыхнула картина – Алтан идет по пристани навстречу смерти.

– Откуда он у вас? – просипела она, сдерживая рыдания.

– Мои люди достали его из Чулуу-Кориха. – Вайшра наклонился и протянул ей трезубец. – Я решил, что он как раз для тебя.

Рин непонимающе заморгала.

– Но как вы там оказались?

– Тебе пора прекратить думать, что я ничего не знаю. Мы искали Алтана. Он был бы нам... полезен.

Рин фыркнула сквозь слезы.

– Думаете, Алтан вступил бы в вашу армию?

– Я думаю, Алтан искал возможность построить новую империю.

– Значит, вы ничего о нем не знали.

– Я знал его людей. Я вел солдат, которые освободили его из исследовательской лаборатории, и тренировал его, когда он достаточно подрос. Алтан дрался бы за мою республику.

Рин покачала головой.

– Нет, Алтан лишь хотел спалить все вокруг.

Она потянулась за трезубцем и подняла его. Держать его было неудобно – слишком тяжелая рукоять и легкий клинок. Алтан был гораздо выше ее, для ее роста оружие оказалось слишком длинным.

Как мечом орудовать им не получится, никаких боковых ударов. С трезубцем нужно обращаться с хирургической точностью, только смертельные выпады.

Рин отдала трезубец.

– Я его не возьму.

– Почему же?

Захлебываясь слезами, Рин никак не могла подобрать слова.

– Потому что я – не он.

«Потому что это я должна была умереть, а он – выжить и стоять здесь вместо меня».

– Да, ты – не он. – Одной рукой Вайшра поглаживал ее по волосам, заправив их за уши, а другой сжал ее пальцы на холодном металле. – Ты будешь лучше его.

Когда Рин убедилась, что может переварить твердую пищу и не выbleвать ее обратно, она впервые за неделю пообедала вместе с Нэчжей на верхней палубе.

– Не давайся ты так, – сказал он.

Рин слишком увлеклась, разрывая зубами горячую булочку, и не ответила. Она не знала – то ли еда настолько вкусна, то ли она просто так оголодала, что все теперь казалось вкуснейшим на свете.

– Отличный день, – сказал Нэчжа, когда Рин проглотила кусок.

Она засопела в знак согласия. Первые несколько дней Рин не могла находиться под ярким солнцем. Только теперь, когда глаза больше не жгло, она сумела посмотреть на сверкающую воду, не зажмурившись.

– Катай по-прежнему дуется? – спросила она.

– Ничего, он придет в себя. Всегда был упертым, – ответил Нэчжа.

– Это мягко выражаясь.

– Войди в его положение. Катай никогда не хотел быть военным. Полжизни он мечтал уехать на гору Юэлу, а не в Синегард. В душе он ученый, а не боец.

Рин это помнила. Катаю всегда хотелось стать ученым, поступить в академию на горе Юэлу, изучать естественные науки, астрономию или что еще взбредет ему в голову. Но он был единственным сыном министра обороны империи, а потому его судьба была предрешена еще до рождения.

– Это печально, – пробормотала она. – Нельзя быть военным против воли.

Нэчжа подпер рукой подбородок.

– А ты хотела стать военным?

Рин задумалась.

Да. И нет. Никакой другой карьеры она не представляла. Да если бы и захотела чего-то другого, вряд ли что-нибудь вышло.

– Раньше я боялась войны, – наконец произнесла она. – А потом поняла, что у меня хорошо получается воевать. Не уверена, что получилось бы что-то другое.

Нэчжа молча кивнул, глядя на реку, и беспечно отложил булочку, так ее и не попробовав.

– А как твои... э-э-э... – Нэчжа приложил палец к виску.

– Все хорошо.

Рин впервые почувствовала, что может сдержать свой гнев. Может думать. Дышать. Феникс никуда не делся, маячил на краешке сознания, готовый вспыхнуть огнем, как только она позовет – но только если позовет.

Она опустила взгляд и обнаружила, что булочка исчезла. Пальцы теребят пустоту. Желудок ответил недовольным урчанием.

– Вот. – Нэчжа протянул ей слегка помятую булочку. – Возьми мою.

– А ты не хочешь есть?

– У меня нет аппетита. А ты выглядишь истощенной.

– Я не возьму твою еду.

– Ешь, – настоял он.

Рин откусила булочку. Ломтик скользнул по пищеводу и с приятной тяжестью упал в желудок. Она давно уже так не объедалась.

– Как твое лицо? – спросил Нэчжа.

Рин потрогала щеку. Когда она говорила, лицо внизу стреляло болью. Пока из организма выходил опиум, на лице расцвели синяки, словно Рин поменяла одно на другое.

– Похоже, становится только хуже, – посетовала она.

– Не-а. Все заживет. Отец никогда не бьет так, чтобы покалечить.

Некоторое время они молчали. Рин смотрела на выпрыгивающую из воды рыбу, словно умоляющую, чтобы ее поймали.

– А как твое лицо? – спросила она. – Еще болит?

При определенном освещении шрамы Нэчжи выглядели сердитыми красными линиями, вырезанными на щеках. А при другом – просто сеткой, аккуратно прорисованной кистью для письма.

– Очень долго болело. А теперь я больше ничего не чувствую.

– А если я до тебя дотронусь?

Рин никак не могла отделаться от желания провести пальцем по его шрамам, погладить его.

– Этого я тоже не почувствую. – Нэчжа поднес руку к щеке. – Но людей мои шрамы, похоже, пугают. Отец велел мне носить маску, когда я общаюсь с гражданскими.

– А я-то думала, ты просто решил покрасоваться.

Нэчжа улыбнулся, но не засмеялся.

– И это тоже.

Рин отломил от булочки несколько крупных кусков и проглотила их, почти не прожевав.

Нэчжа коснулся ее волос.

– Эта прическа тебе идет. Приятно увидеть твои глаза.

Рин постриглась коротко. Только увидев на полу отрезанные локоны, она поняла, как отвратительно выглядела – спутанные сальные лохмы стали похожи на щупальца, настоящий рассадник вшей. Сейчас ее волосы были короче, чем у Нэчжи, чистые и аккуратные. Она снова почувствовала себя ученицей.

– А Катай поел? – спросила она.

Нэчжа неловко поерзал.

– Нет. До сих пор торчит у себя в каюте. Мы его не заперли, но он не выходит.

Она нахмурилась.

– Если он так рассвирепел, то почему бы его не отпустить?

– Мы предпочитаем, чтобы он был на нашей стороне.

– А почему не использовать его как рычаг против его отца? Обменять как заложника?

– Потому что Катай – ценный актив, – откровенно признался Нэчжа. – Ты же знаешь, как работает его голова. Это не тайна. Он все знает и все помнит. Он лучше разбирается в стратегии, чем кто-либо другой. Отец предпочитает удерживать свои лучшие фигуры, пока это возможно. А кроме того, отец Катая находился в Синегарде до той минуты, когда город сдали. Нет никаких гарантий, что он жив.

На это Рин могла только вздохнуть. Она опустила взгляд и поняла, что доела и булочку Нэчжи.

Он засмеялся.

– Как думаешь, сумеешь переварить что-нибудь, кроме хлеба?

Она кивнула. Нэчжа подал знак слуге, тот скрылся в каюте и через несколько минут появился с миской, откуда так чудесно пахло, что рот Рин наполнился слюной.

– Это местный деликатес, – объяснил Нэчжа. – Мы называем его рыба уа-уа.

– Почему? – спросила Рин с набитым ртом.

Нэчжа повернул рыбу палочками, ловко отделив белое мясо от хребта.

– Из-за того, как она кричит. Она выскакивает из воды и вопит, как младенец с лихорадкой. Иногда повара варят ее живьем только ради забавы. Ты разве не слышала криков из камбуза?

В животе у Рин забурчало.

– Я думала, на борту ребенок.

– Весело, правда? – Нэчжа подцепил кусочек и опустил его в миску Рин. – Попробуй. Отец обожает это блюдо.

Глава 8

– Если Дацзы окажется у тебя на прицеле, не упusti этот шанс. – Капитан Эриден ткнул в голову Рин древком копья. – Не дай ей возможности тебя обольстить.

От первого удара она увернулась. Второй пришелся по носу. Рин стянула боль, поморщилась и вернулась в боевую стойку. Прищурившись, она сосредоточилась на ногах Эридена, пытаясь предугадать его движения только по нижней части тела.

– Она захочет поговорить, – продолжил Эриден. – Она всегда так делает, ей кажется забавным наблюдать, как жертва корчится в предсмертных муках. Не дожидайся, пока она произнесет свою речь. Тебе будет страшно любопытно услышать ее слова, но атакуй сразу, пока еще есть шанс.

– Я не дура, – выдохнула Рин.

Эриден обрушил на нее еще новый град ударов. Рин отбила половину. Остальные ее подкосили.

Капитан убрал копье, предлагая временную передышку.

– Ты не понимаешь. Гадюка – не простая смертная. Ты же слышала, что о ней болтают. Ее лицо так ослепительно-прекрасно, что птицы падают с неба, а рыбы выпрыгивают из воды.

– Это всего лишь лицо.

– Нет, не просто лицо. Я видел, как Дацзы обвела вокруг пальца и околдовала самых сильных и рациональных людей. Всего несколько ее слов – и они уже стояли на коленях. А чаще достаточно и взгляда.

– А тебя она тоже очаровала? – спросила Рин.

– Она очаровала всех, – сказал Эриден, но в подробности пускаться не стал. Он всегда отвечал буквально и прямо. Выглядел он сурово, а чувств в нем было не больше, чем у трупа. – Будь осторожна. И не поднимай головы.

Это Рин и так знала. Он твердил это день за днем. Излюбленное оружие Дацзы – ее глаза, взгляд змеи, который мог заманить душу в ловушку за один миг, погрузить в видения, какие пошлет ей Дацзы.

Бороться с ней можно, если не смотреть в лицо. Эриден натаскивал Рин наблюдать лишь за нижней частью тела противника.

В рукопашной это оказалось непростой задачей. Так многое зависело от того, в какую сторону противник стрельнет глазами, куда повернется корпусом. Все намеки давала верхняя часть тела, но Эриден выговаривал Рин каждый раз, когда она поднимала взгляд.

И тут Эриден бросился на нее без предупреждения. Эту атаку Рин отбила чуть лучше. Она научилась смотреть не только на ноги, но и на бедра – часто сначала поворачивались они, а за ними двигались уже и ноги. Рин парировала новую серию ударов, но один раз Эриден все же крепко стукнул по плечу. Не то чтобы болезненно, но Рин чуть не выронила трезубец.

Эриден подал знак к новой паузе.

Согнувшись пополам, Рин пыталась отдышаться, а капитан тем временем достал из кармана несколько длинных игл.

– А еще императрица равнодушна вот к этому.

Эриден швырнул в Рин три иглы. Рин быстро отпрыгнула и сумела увернуться от летящих игл, но, падая, подвернула лодыжку.

Она поморщилась. Иглы продолжали сыпаться.

Рин бешено вращала трезубцем, чтобы сбить иглы в воздухе. Почти получилось. Пять игл клацнули по полу. Одна впиалась ей в бедро. Рин выдернула ее. Эриден даже не позаботился затупить острое. Вот говнюк.

– Дацзы любит использовать яд, – сказал Эриден. – Ты уже труп.

– Спасибо, я уже догадалась, – огрызнулась Рин.

Она бросила трезубец и присела, хватая ртом воздух. Легкие горели. Куда делась ее стойкость? В Синегарде она могла тренироваться часами.

А, точно, – все улетучилось вместе с дымом опиумной трубки.

Эриден даже не вспотел. Рин не хотела показаться слабой, попросив еще об одном перерыве, и потому попыталась отвлечь его вопросами.

– Откуда ты столько знаешь об императрице?

– Мы сражались рядом с ней. Во время Второй опиумной войны самые лучшие бойцы были из провинции Дракон. Мы почти всегда дрались в первых рядах, вместе с Триумвиратом.

– И какие они были, три героя?

– Жестокими. Опасными. – Эриден нацелил на нее копье. – Хватит болтать. Ты должна...

– Но мне нужно знать, – напирала она. – Дацзы сражалась на поле боя? Ты ее видел? Какой она была?

– Дацзы – не воин. Она владеет боевыми искусствами, как и все остальные, но никогда не полагалась на слепую силу. Ее могущество более утонченное, чем у Стража и Дракона-императора. Она понимает природу желания. Знает, что движет мужчинами, и заставляет верить, что лишь она может исполнить их самые заветные желания.

– Но я женщина.

– Все равно.

– Но это же не может иметь такое значение, – сказала Рин, больше чтобы убедить себя саму. – Это же просто... просто желание. Разве оно может сравниться с настоящей силой?

– Думаешь, огонь и сталь способны пограть желание? Дацзы всегда была самой сильной из Триумвирата.

– Сильнее Дракона-императора? – В памяти всплыл человек с белыми волосами, парящий над землей, а вокруг него курились жуткие тени. – Сильнее Стража?

– Конечно, – тихо сказал Эриден. – А почему, по-твоему, осталась только она?

Рин задумалась.

Каким образом Дацзы оказалась единственной правительницей Никана? Каждый, кого спрашивала Рин, рассказывал свою версию. Никто в империи, похоже, толком не знал, как вышло, что Дракон-император умер, Страж пропал, а Дацзы осталась на троне.

– А ты знаешь, что она с ними сделала? – спросила Рин.

– Я бы руку отдал на отсечение, чтобы это выяснить. – Эриден отбросил копье и вытащил меч. – Давай-ка посмотрим, как ты справишься с этим.

Клинок двигался с ослепительной скоростью. Рин отшатнулась, отчаянно пытаясь увернуться. Несколько раз трезубец чуть не выпал из рук. Она закричала зубами от злости на себя.

Дело не в том, что трезубец Алтана слишком длинный, несбалансированный и явно предназначен для более высокого человека. Если бы проблема заключалась только в этом, Рин проглотила бы свою гордость и поменяла бы трезубец на меч.

Нет, все дело в ней. Она знала нужные движения и приемы, но мышцы просто не успевали делать свою работу. Руки и ноги подчинялись приказам мозга с двухсекундной задержкой.

Проще говоря, она не справлялась. Она несколько месяцев провалялась без движения в каюте, вдыхая дым, и мышцы потеряли упругость. Лишь теперь она поняла, насколько ослабла, отошала, как быстро устает.

– Сосредоточься, – велел Эриден, подступая ближе.

Рин двигалась уже на грани отчаяния. Даже не пыталась сама нанести удар, лишь бы удержать его клинок подальше от лица.

Сейчас она неспособна победить в дуэли с оружием в руках.

Но для убийства трезубец и не годится. Его задача – не подпускать врагов близко, чтобы они не могли ее ранить.

Однако ей все же нужно подобраться достаточно близко, чтобы опалить врага огнем. Рин прищурилась в ожидании нужного момента.

А вот и он. Эриден замахнулся снизу и ударил по рукояти, чтобы выбить из ее рук оружие. Рин выпустила трезубец. А потом воспользовалась тем, что противник открыт, бросилась к нему и пнула Эридена коленом в солнечное сплетение.

Он сложился пополам. Рин подсекла его под коленями, прыгнула ему на грудь и поднесла ладони к лицу Эридена.

Из них появился крохотный огонек, однако вполне достаточный, чтобы капитан ощутил жар на коже.

– Бум! – сказала Рин. – Ты труп.

Губы Эридена сложились в подобие улыбки.

– Ну, как у нее получается?

Рин обернулась через плечо.

На палубе появились Вайшра и Нэчжа. Эриден сел.

– У нее все получится, – сказал он.

– Получится? – переспросил Вайшра.

– Дайте мне еще несколько дней, – сказала Рин, пытаясь отдышаться. – Я пока еще думаю, как это сделать. Но у меня получится.

– Хорошо, – отозвался Вайшра.

– У тебя кровь. – Нэчжа кивнул на ее бедро.

Но Рин его не слушала. Она не сводила глаз с Вайшры – такую широкую улыбку она еще не видела на его лице. Он выглядел довольным. Гордым. И почему-то от его радости ей стало куда лучше, чем от любой дозы опиума.

– Ты будешь сопровождать наместника в Осенний дворец, на полуденную встречу, – сказал Эриден. – Помни, тебя привезут как военного преступника. Не веди себя так, будто он твой союзник. Сделай вид, что ты напугана.

В большой каюте собрались десяток генералов и советников Вайшры, они сидели вокруг детальной карты дворца. Рин – справа от Вайшры, слегка вспотев от неустанного внимания. Она была центром плана и не могла всех подвести.

Эриден вытащил железные кандалы.

– Ты будешь связана и с завязанным ртом. Тебе стоит к этому привыкнуть.

– Так не пойдет, – ответила Рин. – Огонь не проходит сквозь металл.

– Это не совсем металл. – Эриден бросил кандалы Рин, чтобы она могла рассмотреть их поближе. – Одно звено посередине – веревочное. Оно сгорит мгновенно.

Рин повозилась с кандалами.

– А разве Дацзы не может сразу меня убить? Она же знает, чего я хочу, видела мою попытку в Адлаге.

– Ну, скорее всего она заподозрит нас в измене, как только мы пришвартуемся в Лусане. Мы не пытаемся устроить ей западню. Дацзы любит поиграть с жертвой, прежде чем ее слопать. А от тебя она уж точно не захочет так скоро избавиться. Ты слишком ей интересна.

– Дацзы никогда не бьет первой, – добавил Вайшра. – Она будет тебя умасливать, чтобы выудить побольше информации, а значит, пригласит на разговор тет-а-тет. Притворись, что тебя это удивило. Тогда она сделает тебе предложение не менее искушающее, чем мое.

– Это какое, например? – спросила Рин.

– Напряги воображение. Службу в императорской гвардии. Возможность спалить все оставшиеся в империи войска Федерации. Больше почестей и богатства, чем ты могла бы мечтать. Естественно, все это будет ложью. Дацзы уже два десятилетия удерживает трон, потому

что уничтожает людей, прежде чем они становятся проблемой. Если ты согласишься служить при дворе, то окажешься очередной жертвой в длинном списке политических убийств.

– Или твое тело найдут в канаве через несколько минут после того, как ты дашь согласие, – сказал Эриден.

Рин оглядела собравшихся за столом.

– Неужели никто больше не видит очевидной прорехи в этом плане?

– Поведай нам о ней, – сказал Вайшра.

– Почему просто не убить ее при первой же встрече? Прежде чем она откроет рот? Зачем рисковать и позволить ей говорить?

Вайшра и Эриден переглянулись.

– У тебя... не получится, – сказал Эриден после секундного раздумья.

Рин побледнела.

– Что это значит?

– Мы ведь уже об этом говорили, – напомнил Вайшра. – Как только Дацзы тебя увидит, она сразу поймет, что ты хочешь ее убить. Да и о моих намерениях она подозревает. Единственный способ привести тебя в Осенний дворец так близко к ней, чтобы ты могла атаковать, не поставив под угрозу всех остальных, это дать тебе дозу.

– Дать дозу, – повторила Рин.

– Мы дадим тебе опиум прямо на глазах у охраны Дацзы, – сказал Вайшра. – Таковую, чтобы сделать тебя безобидной на пару часов. Но Дацзы не знает о том, что теперь тебе нужна доза побольше, и это играет на нас. Действие опиума закончится быстрее, чем она ожидает.

Этот план был Рин ненавистен. Ее просили войти в Осенний дворец безоружной, накачавшись наркотиками и неспособной вызвать огонь. Но сколько бы она ни прокручивала план в голове, Рин не могла найти пробелов в логике. Если она хочет подобраться достаточно близко для удара, придется стать беззащитной.

– Так значит, я... буду одна? – спросила она, стараясь не выдать страх.

– Невозможно привести в Осенний дворец много солдат, не вызвав подозрение Дацзы. У тебя будет скрытая поддержка, хотя и минимальная. Наши люди будут здесь, здесь и здесь. – Вайшра показал три точки на схеме дворца. – Но помни, у нас единственная и четкая цель. Если бы мы хотели развязать войну, то привели бы вверх по Мурую целую армаду. Но нам нужно только обезглавить змею. Все битвы будут после.

– Значит, и рисковать придется только мне. Как мило.

– Мы тебя не бросим. Обещаю, если все пойдет не так, мы тебя вытащим. Добьешься ты успеха или нет, воспользуйся одним из разработанных путей побега из дворца. Капитан Эриден будет держать «Неумолимого» наготове, чтобы покинуть Лусан за несколько секунд, если понадобится.

Рин всмотрелась в схему. Осенний дворец был безнадежно огромным и напоминал заключенный в раковину лабиринт – спиральное скопище узких коридоров и тупиков, во всех направлениях разбегались изгибающиеся проходы и туннели.

Пути к отступлению были помечены зеленым. Рин прищурилась, бормоча себе под нос. Через несколько минут она запомнила маршруты. У нее всегда была хорошая память, а без опиума сосредоточиться на умственных задачах стало гораздо легче.

При мысли о том, что придется снова его принять, Рин поежилась.

– Вас послушать, так это просто, – сказала она. – Почему же никто до сих пор не убил Дацзы?

– Она императрица, – ответил Вайшра, как будто это все объясняло.

– Она всего лишь женщина, обладающая единственным талантом – красотой, – возразила Рин. – Не понимаю.

– Потому что ты слишком молода, – сказал Эриден. – Тебя еще не было на свете, когда Триумвират находился на пике могущества. Тебе не знаком страх. А в то время нельзя было доверять никому, даже собственным родным. Достаточно шепнуть слово против императора Риги, и императрица со Стражем тебя уничтожили бы. Не посадили в тюрьму, а прикончили.

Вайшра кивнул.

– В те годы целые семьи казнили или отправляли в изгнание, а род переставал существовать. Дацзы занималась этим, не моргнув глазом. Вот почему наместники до сих пор склоняются перед ней, а вовсе не из-за ее красоты.

У Вайшры было такое выражение лица, что Рин помедлила с ответом. А потом поняла, что впервые видит его напуганным.

Интересно, подумала она, что с ним сделала Дацзы?

В эту секунду кто-то постучался в дверь. Рин подскочила.

– Войдите, – отозвался Вайшра.

В щель сунул голову младший офицер.

– Нэчжа велел вам сообщить: мы прибыли на место.

Ближе к концу своего правления Красный император построил в северном городе Лусане Осенний дворец. Никогда не предполагалось, что город станет столицей или административным центром, он был слишком удален от центральных провинций, чтобы управлять ими. Дворец служил прибежищем для императорских наложниц с детьми в те дни, когда Синегард становился слишком жарким, и их кожа могла потемнеть за несколько секунд, проведенных на улице.

Во времена императрицы Су Дацзы чиновники прятали в Лусане жен и родню от опасностей дворцовых интриг, а после того как Синегард и Голин-Ниис были стерты с лица земли, город превратился во временную столицу.

По мере того как «Неумолимый» приближался к городу, Муруй становился все уже, так что пришлось плыть совсем медленно. Ближе к Осеннему дворцу они буквально ползли.

Городские стены Рин заметила за много миль. Неземное вечернее сияние как будто подсвечивало Лусан изнутри. Все казалось купающимся в золоте, словно вся империя во время войны поблекла до черного, белого и кроваво-красного, а Лусан впитал все окружающие краски, ярко сверкая.

У стен Рин увидела женщину – та шла по берегу реки и несла ведра с краской и тяжелые рулоны ткани, привязанные за спиной. Судя по блеску ткани, Рин поняла, что это шелк, она представила тонкую, как крылья бабочки, ткань, ласкающую пальцы.

Откуда в Лусане шелк? Вся страна одевалась в изношенные и грязные лохмотья. Вдоль Муруя сновали голые дети, а младенцев заворачивали в листья лотоса, чтобы прикрыть наготу и соблюсти приличия.

Дальше вверх по течению по извилистым протокам скользили рыбацкие сампаны. На каждой лодке сидели несколько больших белых птиц с массивными клювами. На лодках их удерживали веревки.

Нэчжа объяснил, зачем нужны птицы.

– Видишь веревки у них на шеях? Птицы глотают рыбу, а крестьяне вытаскивают добычу из птичьего зоба. Вечно голодная птица снова ныряет, они слишком тупы и не понимают, что весь улов оказывается в корзинах рыбаков, а охотникам достаются одни объедки.

Рин поморщилась.

– Как-то это не особо эффективно. Почему бы не ловить сетью?

– Неэффективно, – согласился Нэчжа. – Но они рыбачат не для того, чтобы накормить всех, они ловят особенную рыбу – аю.

– Почему?

Он пожал плечами.

Рин уже знала ответ. Почему бы не ловить дорогую рыбу? Лусан остался в стороне от кризиса с беженцами, прокатившегося по стране, здесь можно было позволить себе и роскошь.

То ли из-за жары, то ли нервы у Рин были уже на пределе, но по мере приближения к порту она злилась все больше. Она ненавидела этот город, эту землю бледных и изнеженных женщин, бюрократов вместо солдат, детей, которые не ведали страха.

В ней кипело не отвращение, а неосознанная ярость при мысли о том, что где-то даже во время войны идет нормальная жизнь, где-то в отдельных уголках империи люди красят шелк и ловят деликатесную рыбу, не думая о том, что мучает каждого солдата: когда начнется следующая атака.

– Я же вроде не пленник, – сказал Катай.

– Конечно. Ты гость, – ответил Нэчжа.

– Гость, которому не разрешено сходить с корабля?

– Гость, в чьем обществе нам хотелось бы провести больше времени, – деликатно ответил Нэчжа. – Может, хватит уже смотреть на меня исподлобья?

Когда капитан объявил, что они встали на якорь в Лусане, Катай впервые за несколько недель поднялся на верхнюю палубу. Рин надеялась, что он решил подышать свежим воздухом, но Катай лишь следовал по пятам за Нэчжей, всячески пытаясь настроить его против себя.

Несколько раз Рин пришлось вмешаться. Однако Катай решительно делал вид, что ее не существует, даже не смотрел в ее сторону, когда она говорила, и потому Рин стала рассматривать берега реки.

У борта «Неумолимого» собралась небольшая толпа, в основном имперские чиновники, лусанские купцы и посыльные от других наместников. По обрывкам разговоров, подслушанных на верхней палубе, Рин заключила, что они хотят встретиться с Вайшрой. Но сходни перегородил Эриден со своими людьми, отправляя всех прочь.

Вайшра выпустил строгий приказ никому не покидать корабль. Солдаты и члены экипажа продолжали жить на борту, как в открытом море, и лишь горстке воинов Эридена разрешили пойти в Лусан за припасами. Как объяснил Нэчжа, это чтобы никто не выдал Рин. А ей самой позволили появляться на палубе, только замотав лицо шарфом.

– Вы не можете бесконечно держать меня здесь, – громко произнес Катай. – Кто-нибудь все равно об этом узнает.

– Кто, например? – поинтересовался Нэчжа.

– Мой отец.

– Думаешь, он в Лусане?

– Он в гвардии императрицы. Командует ее личной охраной. Его она уж точно не бросила бы.

– Она бросила всех, – возразил Нэчжа.

Катай скрестил руки на груди.

– Только не моего отца.

Нэчжа поймал взгляд Рин. Одно мгновение Нэчжа выглядел виновато, словно хотел что-то сказать, но не мог. Рин понятия не имела, что именно.

– Это министр торговли, – вдруг выпалил Катай. – Он точно меня узнает.

– Что?!

Прежде чем Нэчжа или Рин сообразили, в чем дело, Катай бросился на сходни.

Нэчжа крикнул ближайшим солдатам, чтобы его задержали. Но они были слишком медлительными, и Катай вырвался, взобрался на борт корабля, схватился за канат и съехал на берег с такой скоростью, что наверняка содрал кожу на ладонях.

Рин бросилась к сходням, чтобы его перехватить, но Нэчжа ее остановил.

– Не нужно.

– Но он...

– Ну и пускай, – покачал головой Нэчжа.

Они молча наблюдали, как Катай подбежал к министру торговли и схватил того за руку, а потом согнулся пополам, пытаясь отдышаться.

Рин четко видела его с палубы. Министр на мгновение опешил и замахал руками, пытаясь отогнать незнакомого солдата, но потом узнал сына министра обороны и опустил руки.

Рин не слышала их разговор, лишь видела, как шевелятся губы, видела выражения лиц.

Министр положил руки на плечи Катая.

Катай задал вопрос.

Министр покачал головой.

А потом Катай рухнул, как будто его ткнули копьем в живот, и она поняла, что министр обороны не пережил Третью опиумную войну.

Когда люди Вайшры вели Катая обратно на корабль, он не сопротивлялся. Лицо его побелело, губы сжались, а глаза покраснели и дергались.

Нэчжа положил руку на плечо Катая, но тот стряхнул ее и шагнул к наместнику провинции Дракон. Солдаты в голубом немедленно выстроились в стену перед наместником, но Катай и не пытался вытащить оружие.

– Я кое-что решил, – сказал он.

Вайшра махнул рукой. Охрана разошлась. Катай и Вайшра оказались лицом к лицу – величественный наместник и рассерженный, дрожащий мальчишка.

– Что именно? – спросил Вайшра.

– Мне нужна должность.

– Я думал, ты хочешь поехать домой.

– Не играйте со мной, – огрызнулся Катай. – Мне нужна должность. Дайте мне форму. Эту я больше носить не намерен.

– Посмотрим, куда можно...

– В пехоту я не пойду, – снова перебил его Катай.

– Катай...

– Я хочу быть в командовании. Главным стратегом.

– Для этого ты слишком молод, – сухо отозвался Вайшра.

– Вовсе нет. Вы сделали Нэчжу генералом. А я всегда был умнее его. Вы сами знаете, что я гений. Если операции буду разрабатывать я, клянусь, вы не проиграете ни одного сражения.

В конце фразы голос Катая дрогнул. Рин заметила, как его кадык дернулся, а вены на шее напряглись, и поняла, что он едва сдерживает слезы.

– Я подумаю над этим, – сказал Вайшра.

– Вы ведь знали, да? – потребовал ответа Катай. – Все эти месяцы знали.

Выражение лица Вайшры смягчилось.

– Прости. Я не хотел, чтобы эта новость исходила от меня. Понимаю, как тебе больно...

– Нет. Заткнитесь на хрен, не нужно этого. – Катай попятился. – Не нужно мне вашего фальшивого сочувствия.

– Тогда чего ты от меня хочешь?

Катай вздернул подбородок.

– Армию.

Совещание наместников началось только после парада победы, который растянулся на два дня. Солдаты Вайшры в основных церемониях не участвовали. В город вошли несколько одетых в штатское подразделений, начертив последние детали на подробных картах города, – на случай, если что-то изменилось. Но основное войско осталось на борту корабля, наблюдая за праздничными мероприятиями издалека.

Время от времени на «Неумолимый» прибывали отряды вооруженных людей, пряча лица под капюшонами. Вайшра принимал их в своем кабинете за закрытыми дверями, а снаружи выставлял охрану, чтобы никто не подслушал. Рин решила, что посетители – наместники южных провинций Свинья, Петух и Обезьяна.

Текли часы, не принося новостей. Рин уже озверела от скуки. Она тысячу раз изучила карту дворца и уже так долго тренировалась с Эриденом, что мышцы ног ныли при каждом шаге. Она уже собиралась спросить Нэчжу, нельзя ли пойти в Лусан, замаскировавшись, но тут ее вызвал Вайшра.

– У меня встреча с наместником провинции Змея, – сообщил он. – На берегу. Ты тоже идешь.

– В качестве охраны?

– Нет. Как доказательство.

Больше он ничего объяснять не стал, но Рин догадывалась, о чем он, и просто взяла трезубец, замотала лицо шарфом почти до глаз, и сошла вслед за Вайшрой по сходням.

– Наместник провинции Змея – наш союзник? – спросила она.

– Ань Тсолинь был моим наставником по Стратегии в Синегарде. Он может стать и союзником, и врагом. Сегодня будем обращаться с ним как со старым другом.

– А мне о чем с ним говорить?

– А ты помалкивай. Ему нужно только на тебя взглянуть.

Рин последовала за Вайшрой по берегу реки до вереницы шатров, поставленных у городской черты, как для готовящейся к штурму армии. У шатров их остановил отряд солдат в зеленом и потребовал сдать оружие.

– Делай, что велено, – шепнул Вайшра, поскольку Рин не торопилась расставаться с трезубцем.

– Вы так им доверяете?

– Нет. Но верю, что тебе не понадобится оружие.

Наместник Змеи вышел их поприветствовать, а его адъютанты поставили два стула и столик.

Поначалу Рин не отличила наместника от слуги. Ань Тсолинь не выглядел государственным мужем. Это был старик с вытянутым и печальным лицом, такой худой, что казался слишком хилым. Он был в той же темно-зеленой форме ополчения, что и его солдаты, но без знаков отличия и без оружия на поясе.

– Наставник, – наклонил голову Вайшра. – Я рад снова увидеться.

Тсолинь бросил взгляд на едва заметный силуэт «Неумолимого» вдалеке.

– Так вы не приняли предложение этой мрази?

– Оно было слишком неуклюжим даже для нее, – ответил Вайшра. – Во дворце сейчас кто-нибудь живет?

– Чан Энь. И наш старый приятель Цзюнь Лоран. И ни одного наместника южных провинций.

Вайшра выгнул бровь.

– Они об этом не упоминали. Вот так сюрприз.

– Разве? Они ведь южане.

Вайшра откинулся на спинку стула.

– Возможно. Они всегда были излишне обидчивыми.

Никто не принес стул для Рин, и она стояла позади Вайшры, скрестив руки на груди, пытаясь передразнить охрану Тсолиня. Однако солдат это нисколько не тронуло.

– Вы долго сюда добирались, – сказал Тсолинь. – Мы здесь уже давно.

– Я подобрал кое-кого на побережье. – Вайшра мотнул головой в сторону Рин. – Знаете, кто она?

Рин опустила шарф.

Тсолинъ поднял голову. Поначалу, рассматривая ее, он выглядел смущенным, но потом разглядел темный тон кожи и красноватый блеск в глазах, и тогда все его тело напряглось.

– За нее предлагают немало серебра, – наконец сказал он. – Что-то связанное с покушением на убийство в Адлаге.

– Хорошо, что у меня нет нужды в серебре, – ответил Вайшра.

Тсолинъ встал и подошел к Рин почти вплотную. Он был не намного выше, но от его взгляда она поежилась. Под его пристальным взглядом она чувствовала себя букашкой.

– Здравствуй, – сказала она. – Меня зовут Рин.

Тсолинъ как будто не слышал. Он засопел и вернулся на стул.

– Похоже на открытую демонстрацию силы. Собираетесь просто отправить ее в Осенний дворец?

– Она будет связана. И под опиумом. Дацзы на этом настояла.

– Так значит, Дацзы знает, что девчонка здесь.

– Я решил, что так будет мудро. Послал вперед гонца.

– Тогда неудивительно, что она такая дерганая, – сказал Тсолинъ. – Она увеличила охрану дворца в три раза. Об этом сообщают наместники. Что бы вы ни запланировали, она к этому готова.

– Значит, ваша поддержка не помешает, – отозвался Вайшра.

Рин заметила, что Вайшра каждый раз наклоняет голову при разговоре с Тсолинем. Как будто едва заметно кланяется престарелому наставнику и показывает свое почтение.

Но на Тсолиня лесть, похоже, не действовала.

– Вам не нужен мир, так ведь? – вздохнул он.

– А вы отказываетесь признать, что война – единственно возможный вариант, – сказал Вайшра. – Что бы вы предпочли, Тсолинъ? Медленную смерть империи в течение следующего столетия или, если нам будет сопутствовать удача, можем поставить ее на верный путь за неделю.

– То есть за несколько кровавых лет.

– Самое большее – месяцев.

– Вспомните предыдущее восстание против Триумvirата. Сколько трупов валялось на ступенях Небесного дворца?

– Этого больше не случится, – сказал Вайшра.

– Почему?

– Потому что у нас есть она. – Вайшра кивнул в сторону Рин.

Тсолинъ с опаской покосился на нее.

– Бедное дитя, – сказал он. – Мне так жаль.

Рин вытаращила на него, не понимая, о чем он.

– И время на нашей стороне, – быстро продолжил Вайшра. – Ополчение разбито Федерацией. Оно не сразу соберется с силами. И оборону восстановить быстро не получится.

– Но все же даже в лучшем случае Дацзы контролирует северные провинции, – сказал Тсолинъ. – Лошадь и Тигр никогда от нее не отступятся. На ее стороне Чан Энь и Цзюнь. Этого ей вполне достаточно.

– Цзюнь не станет сражаться, зная, что ему не победить.

– Но он может и победить. Или вы считаете, что сумеете выиграть войну одними лишь угрозами?

– Если я получу вашу поддержку, мы завершим войну за несколько дней, – нетерпеливо заявил Вайшра. – Вместе мы возьмем под контроль побережье. Каналы – мои. А восточный берег – ваш. Наш объединенный флот...

Тсолинъ поднял руку.

– Мои люди сражались уже на трех войнах, и каждый раз при новом правителе. А теперь получили первую возможность долго жить в мире. Вы же хотите привести к их порогу гражданскую войну.

– Гражданская война и так назревает, признаете вы это или нет. Я лишь подстегиваю неизбежное.

– Мы можем и не пережить это неизбежное, – печально сказал Тсолин. В его глазах читалась тоска. – Мы слишком многих потеряли в Голин-Ниисе, Вайшра. Мальчишек. Вы знали, что командиры приказали солдатам накануне осады? Им велели написать письма домой. Сказать родным, что они их любят. И что не вернуться. Генералы отобрали самых сильных и быстрых солдат, чтобы те доставили письма, ведь от их присутствия на стенах все равно ничего бы не изменилось.

Он встал.

– Я говорю «нет». Мы еще не оправились от шрамов Опиумной войны. Не просите нас опять проливать кровь.

Вайшра схватил Тсолина за руку.

– В таком случае, вы будете соблюдать нейтралитет?

– Вайшра...

– Или выступите против меня? Мне следует ждать, когда Дацзы подойдет ко мне убийц? Тсолин поморщился.

– Я ничего не знаю. И никому не помогаю. Оставим это как есть, хорошо?

– Мы просто позволим ему уйти? – спросила Рин, когда они отошли на достаточное расстояние.

Резкий смех Вайшры ее удивил.

– Думаешь, он доложит императрице?

Рин это казалось очевидным.

– Ясно же, что он не с нами.

– Но будет. Он боится войны. Из-за грозящих провинции опасностей. Но столкнувшись с выбором между войной и уничтожением, он быстро выберет сторону. И я его потороплю. Приведу войну в его провинцию. Тогда у него не будет другого выхода, и подозреваю, ему прекрасно это известно.

Вайшра снова ускорил шаг. Рин едва за ним поспевала.

– Вы разозлились, – догадалась она.

Нет, он был в бешенстве. Она видела это по ледяной ярости в глазах и негнувшейся спине. В детстве она научилась различать, когда чье-то настроение становится опасным.

Вайшра не ответил.

Она остановилась.

– А другие наместники? Они тоже отказались, верно?

– Они пока не решились, – ответил Вайшра, немного помолчав. – Еще слишком рано судить.

– Они вас выдадут?

– Они слишком мало знают о моих планах, чтобы их выдать. Они могут сказать Дацзы, только что я ею недоволен, а это ей и без того известно. Но сомневаюсь, что им хватит духа сказать даже это, – презрительно заявил Вайшра. – Они же просто овцы, будут молча наблюдать в ожидании, чья возьмет, и тогда поддержат того, кто может их защитить. До той поры они нам и не понадобятся.

– А Тсолин вам нужен.

– С Тсолинем мы стали бы гораздо сильнее, – признал он. – Он бы сместил баланс сил. Теперь начнется настоящая война.

– И мы проиграем? – не могла удержаться от вопроса Рин.

Вайшра молча бросил на нее взгляд. А потом опустился перед ней на колени, положил руки ей на плечи и посмотрел так пристально, что Рин съежилась.

– Нет, – тихо произнес он. – У нас есть ты.

– Вайшра...

– Ты станешь копьем, которое свалит империю, – торжественно заявил он. – Ты победишь Дацзы. Ты задашь войне направление, и тогда у наместников южных провинций не останется выбора.

От его напряженного взгляда Рин стало не по себе.

– А если у меня не получится?

– Получится.

– Но...

– Получится, потому что я тебе приказываю. – Он крепче сжал ее плечи. – Ты мое самое сильное оружие. Не разочаруй меня.

Глава 9

Рин представляла Осенний дворец скопищем угловатых абстрактных форм, каким он выглядел на картах. Но настоящий Осенний дворец оказался святилищем красоты, словно сошедшим с картины. Повсюду буйствовали цветы. Кружева белых цветов сливы и персиков в саду, кувшинки и лотосы в прудах и протоках. Само здание состояло из богато украшенных церемониальных ворот, массивных мраморных колонн и обширных павильонов.

Но несмотря на все красоты, тишина во дворце настораживала. А жара подавляла. Дорожки выглядели так, будто их ежечасно подметают невидимые слуги, но Рин слышала жужжание вездесущих мух, словно они почуяли запах гнили, которую никто еще не заметил.

Будто под прекрасным фасадом дворец прятал что-то отвратительное, а аромат цветущих лилий скрывал нечто, находящееся в последней стадии разложения.

Может, у нее просто разыгралась фантазия. Дворец был поистине прекрасным, а она ненавидит это место из-за того, что он стал пристанищем для трусов. Это было убежище, и живые прятались здесь, пока в Голин-Ниисе разлагались трупы. Вот что ее разъяряло.

Эриден ткнул копьем ей в поясницу.

– Опусть глаза.

Рин поспешила подчиниться. Она притворялась пленницей Вайшры – руки связаны за спиной, на лице железный намордник, плотно сжимающий нижнюю челюсть. Она с трудом могла говорить, разве что шепотом.

Рин не пришлось делать вид, что она напугана. Она и в самом деле была в ужасе. По крови растеклись тридцать грамм опиума, но и они не могли успокоить. Лишь усиливали паранойю, хотя сердце билось медленно, а она чувствовала себя так, будто парит в облаках. Разум бешено работал, но тело едва шевелилось – хуже комбинации не придумаешь.

На заре Рин, Вайшра и капитан Эриден прошли под арками ворот девяти концентрических кругов Осеннего дворца. У каждых ворот слуги обыскивали на предмет оружия. У седьмых ворот их обшарили так тщательно, что Рин удивилась, почему не раздели догола.

У восьмых ворот императорский гвардеец остановил ее и проверил зрачки.

– Она приняла дозу перед утренней сменой вахты, – сообщил Вайшра.

– Пусть даже и так, – ответил гвардеец и приподнял подбородок Рин. – Открой глаза.

Рин подчинилась, стараясь не дергаться, когда он раздвинул ей веки.

Довольный осмотром гвардеец посторонился и дал им пройти.

Рин последовала за Вайшрой в тронный зал, стук каблучков по мраморному полу был таким тихим, словно они ступали по воде озера.

Богатое убранство внутренней палаты расплывалось и кружилось в одурманенной опиумом голове Рин. Она прищурилась и постаралась сосредоточиться. Стены были расписаны замысловатыми символами – от пола до потолка, где они сливались в круг.

Пантеон, поняла Рин. Прищурившись, она различила богов – жестокого и проказливого Бога-Обезьяну, яростного и величественного Феникса...

Странно. Красный император ненавидел шаманов. Усевшись на трон в Синегарде, он велел убить монахов и сжечь монастыри.

Но возможно, его ненависть не простиралась на богов. Может, его лишь возмущало, что он не способен получить такую же власть.

Девятые ворота вели к залу совета. Проход перегородила личная гвардия императрицы – солдаты в позолоченных доспехах.

– Никаких сопровождающих, – объявил капитан гвардии. – Императрица не желает, чтобы в зале совета толпилась чужая охрана.

На лице Вайшры мелькнуло раздражение.

– Императрица могла бы сообщить об этом заранее.

– Императрица оповестила всех, кто живет во дворце, – самодовольно заявил капитан. – А вы отклонили ее приглашение.

Рин решила, что Вайшра возмутится, но он лишь повернулся к Эридену и велел ему подождать снаружи. Тот поклонился и вышел, оставив их без охраны и оружия в самом сердце Осеннего дворца.

Но они были не вполне в одиночестве. В эту минуту по подземным водным каналам к центру города пробирались цыке. Агаша окружил их головы воздушными пузырями, чтобы они могли проплыть многие мили без воздуха.

Цыке уже не раз использовали этот метод проникновения. Сейчас их задача – привести подкрепление, если переворот окончится провалом. Бацзы и Суни займут позиции рядом с залом совета и при необходимости вломятся внутрь и вытащат Вайшру. Пост Кары будет на крыше самого высокого павильона – для дистанционной поддержки. А Рамса с помощью своих взрывоопасных сокровищ из водонепроницаемого мешка посеет хаос, где сочтет нужным.

Все это немного успокаивало Рин. Если они не захватят Осенний дворец, то хотя бы взорвут.

В зале совета Вайшру и Рин встретила тишина.

Наместники повернулись, разглядывая Рин с удивлением, любопытством и отвращением. Глаза шарили по ее фигуре, останавливаясь на руках и ногах, оценивая рост и сложение. Но заглядывать в глаза они избегали.

Рин было не по себе. Ее рассматривали, как корову на базаре.

Первым заговорил наместник провинции Бык. Рин узнала его по Хурдалейну и удивилась, что он до сих пор жив.

– И из-за этой девчонки вы задержались на несколько недель?

– Время потребовалось для поисков, но не для поимки, – хмыкнул Вайшра. – Она прибилась к Анхилууну. Первой ее заполучила Муг.

– Королева пиратов? – удивился наместник провинции Бык. – И как вам удалось схватить девчонку?

– Выменял у Муг на то, что ей больше по вкусу, – объяснил Вайшра.

– Зачем вы привезли ее сюда живой? – спросил человек, стоящий по другую сторону стола.

Рин повернула голову и чуть не подпрыгнула от удивления. С первого взгляда она не узнала наставника Цзюня. Он отрастил бороду, а в волосах появились седые пряди, которых не было до войны. Но в чертах лица бывшего наставника по боевым искусствам читалось все то же высокомерие, как и отвращение к Рин.

Он покосился на Вайшру.

– Измена заслуживает смертной казни. А она слишком опасна, чтобы держать ее в живых.

– Не торопитесь, – вмешался наместник провинции Лошадь. – Она еще может пригодиться.

– Пригодиться? – переспросил Цзюнь.

– Она ведь последняя из своего племени. Глупо просто выкинуть такое оружие.

– Оружие полезно, только когда вы умеете с ним обращаться, – возразил наместник провинции Бык. – А приручить эту зверушку не так-то просто.

– А что с ней не так? – Наместник провинции Петух подался вперед, чтобы получше ее рассмотреть.

Рин ждала встречи с этим наместником по имени Гун Таха. Они же выходцы из одной провинции. Говорят на одном диалекте, а его кожа почти так же темна. На «Неумолимом» поговаривали, что Таха вот-вот присоединится к сторонникам республики. Но если близость

их происхождения что-то и значила, Таха этого не показал. Он разглядывал ее с тем же опасливым любопытством, с каким смотрят на тигра в клетке.

– У нее дикий взгляд, – продолжил он. – Наверное, это результат мугенских экспериментов?

«Я здесь, – хотелось огрызнуться Рин. – Хватит говорить обо мне, как будто меня здесь нет».

Но Вайшра хотел, чтобы она была покорной. Велел притвориться дурочкой.

– Все гораздо проще, – заявил Вайшра. – Она же просто спирка, сорвавшаяся с поводка. Вы же помните, каковы спирцы.

– Когда мои псы подхватывают бешенство, я от них избавляюсь, – сказал Цзюнь.

– Но девочки – не псы, Лоран, – раздался с порога голос императрицы.

Рин замерла.

Су Дацзы сменила церемониальный наряд на военную форму. Нефритовые латы на плечах и длинный меч за поясом. Это выглядело посланием. Она не только императрица, но еще и главнокомандующий никанского ополчения. Однажды она уже завоевала империю. И снова это сделает, если понадобится.

Когда императрица провела пальцами по наморднику, Рин постаралась дышать ровнее.

– Осторожней, – предупредил Цзюнь. – Она кусается.

– В этом я не сомневаюсь. – Голос Дацзы звучал почти безучастно. – Она сопротивлялась?

– Пыталась, – ответил Вайшра.

– Видимо, были жертвы.

– Не так много, как может показаться. Она ослабла. Опиум ее доконал.

– Конечно, – изогнула губы Дацзы. – Спирцы всегда имели к нему склонность.

Она погладила Рин по голове.

Рин сжала руки в кулаки.

«Успокойся, – напомнила она себе. – Опиум еще действует».

Она попыталась вызвать огонь, но ощутила только что-то вроде окоченения в затылке.

Дацзы долго не сводила с нее взгляда. Рин замерла, в ужасе от того, что императрица может сейчас же увести ее, о чем предупреждал Вайшра. Но еще слишком рано. Если Рин останется наедине с Дацзы, в лучшем случае она сумеет сжать кулаки и несколько раз дернуться в сторону императрицы.

Но Дацзы лишь улыбнулась, покачала головой и повернулась к столу.

– Нам многое нужно обсудить. Начнем?

– А что с девчонкой? – спросил Цзюнь. – Ее нужно поместить в камеру.

– Конечно. – Дацзы бросила в сторону Рин ядовитую улыбку. – Но мне нравится смотреть, как она потеет.

Следующие два часа стали самыми медленными в жизни Рин.

Удовлетворив любопытство, наместники снова сосредоточились на многочисленных проблемах в экономике, сельском хозяйстве и политике. Третья Опиумная война опустошила почти каждую провинцию. Солдаты Федерации разрушили все крупные города, которые занимали, подожгли обширные поля с зерновыми, стерли с лица земли целые деревни. Массы беженцев изменили численность населения по всей стране. Чтобы совладать с такой катастрофой, требовались усилия единого руководства, а совет из двенадцати наместников уж точно не был един.

– Обуздайте своих людей, – пробурчал наместник провинции Бык. – Пока мы ведем этот разговор, границы моей провинции пересекают тысячи человек, а разместить их нигде.

– И что прикажете делать, поставить охрану на границе? – Голос наместника провинции Заяц был колючим и резким, и Рин вздрагивала каждый раз, когда он говорил. – Половина моей провинции затоплена, и у нас нет запасов провизии, чтобы пережить зиму.

– Как и у нас, – отозвался наместник провинции Бык. – Отправьте их в другое место, иначе у нас начнется голод.

– Мы могли бы принять некоторое количество беженцев из провинции Заяц, – предложил наместник провинции Собака. – Но они должны предъявить документы.

– Документы? – повторил наместник провинции Заяц. – Родные деревни этих людей сожжены, а вы просите документы? Ну да, конечно, когда дом начинает полыхать, первым делом человек хватается...

– Мы не можем принять всех. Моим подданным так же не хватает ресурсов, как и...

– Ваша провинция – степь да пустоши, места предостаточно.

– Места хватает, но еды маловато. И кто знает, что ваши люди принесут с собой через границу...

Рин с трудом верила, что этот совет, если его можно так назвать, и в самом деле управляет империей. Она знала, как часто наместники воюют друг с другом за ресурсы, торговые пути, а иногда и за лучших выпускников академии Синегарда. И знала, что трещины между ними будут расширяться, после Третьей Опиумной войны положение только усугубилось.

Но она и не предполагала, что все настолько плохо.

Наместники часами ругались и скандалили из-за таких пустяков, о которых и беспокоиться-то не стоило. А она стояла в уголке, потев под цепями, в ожидании, когда Дацзы ей займется.

Но императрица, похоже, не торопилась. Эриден был прав – она явно наслаждалась, играя с жертвой, прежде чем ее сожрать. С довольным лицом она сидела во главе стола. Время от времени поглядывала на Рин и подмигивала ей.

Что задумала Дацзы? Она ведь наверняка знает, что в конце концов опиум перестанет действовать. Почему она тянет время?

Неужели она хочет сражаться?

От беспокойства у Рин кружилась голова и бурчало в желудке. Но ей оставалось лишь стоять и ждать.

– А что насчет провинции Тигр? – спросил кто-то.

Все повернулись к пухлому мальчишке, положившему локти на стол. Юный наместник провинции Тигр ошеломленно и испуганно огляделся, дважды моргнул и оглянулся через плечо в поисках помощи.

Его отец погиб в Хурдалейне, и теперь провинцией правили генералы и советник, а значит, на самом деле власть в провинции принадлежала Цзюню.

– Мы внесли немалый вклад в войну, – сказал Цзюнь. – Много месяцев истекали кровью в Хурдалейне. Погибли тысячи. Нам нужно время, чтобы залечить раны.

– Да бросьте, Цзюнь. – Сидящий в дальнем конце комнаты высокий мужчина отхаркнул на стол комок мокроты. – В провинции Тигр полно пахотной земли. Можно и поделиться благами.

Рин поморщилась. Видимо, это новый наместник провинции Лошадь – генерал Чан Энъ, он же Волчатина. Рин немало о нем рассказывали. Чан Энъ когда-то был командиром дивизии, в начале Третьей опиумной войны он сбежал из мугенского лагеря для военнопленных и стал разбойником, а пока прежний наместник вместе со своей армией оборонял Хурдалейн, быстро завладел северной провинцией Лошадь.

Ели в его отряде все подряд. Волчатину. Трупы с обочин дорог. По слухам, его сподвижники платили хорошие деньги за живых младенцев.

Прежний наместник погиб, войска Федерации живьем содрали с него кожу. Его наследники оказались слишком слабы или слишком юны, чтобы бросить вызов Чану Энъю, и бандита признали фактическим правителем.

Чан Энь заметил взгляд Рин, осклабился и медленно облизал верхнюю губу толстым черным языком.

Она подавила дрожь и отвернулась.

– Большая часть пахотной земли у побережья уничтожена цунами и выпавшим пеплом. – Цзюнь устремил на Рин полный отвращения взгляд. – Спирка постаралась.

Рин ощутила укол вины. Но либо так, либо допустить уничтожение страны Федерацией. Она больше не размышляла над этим. Она бы не смогла жить дальше, если бы не считала, что оно того стоило.

– Вы не можете всучить всех своих беженцев мне, – сказал Чан Энь. – Города уже кишат ими. Ни минуты покоя от их воплей с требованием предоставить кров, причем задарма.

– Так заставьте их работать, – холодно отозвался Цзюнь. – Пусть строят дороги и дома и заработают себе на прокорм.

– И чем же их кормить? Если они начнут голодать, виноваты будете вы.

Рин отметила, что больше всех говорили наместники северных провинций – Бык, Коза, Лошадь и Собака. Тсолинь подпер ладонями подбородок и молчал. Наместники с юга, сидевшие в дальнем конце зала, в основном помалкивали. Именно они больше всех пострадали от войны и потеряли много солдат, а значит, имели меньше рычагов влияния.

Во время перепалки Дацзы сидела во главе стола и слушала, а говорила редко. Она наблюдала за остальными, изогнув одну бровь слегка выше другой, словно присматривала за детьми, которые постоянно умудряются ее разочаровать.

Прошел еще час, но совет так ничего и не решил, не считая скупого жеста наместника провинции Тигр – отправить шесть тысяч кетти¹ провизии в помощь переполненной беженцами провинции Бык, да и то лишь в обмен на тысячу фунтов соли. Учитывая, что ежедневно от голода умирали тысячи беженцев, это была капля в море.

– Почему бы нам не сделать перерыв? – Императрица встала из-за стола. – Мы так ни к чему и не пришли.

– Почти ничего не решили, – согласился Тсолинь.

– И империя не рухнет, если мы прервемся, чтобы перекусить. Остудите головы, господа. Могу я предложить вам принять радикальное решение, пойдя на компромисс? – Дацзы повернулась к Рин. – А я пока что прогуляюсь по саду. Рунин, а тебе пришлось время отправиться в камеру, верно?

Рин окаменела. Она не могла удержаться и в панике бросила взгляд на Вайшру.

Он смотрел вперед с бесстрастным лицом и не встречаясь с ней взглядом.

Момент настал. Рин расправила плечи и покорно склонила голову. Императрица улыбнулась.

Рин и императрица вышли не через тронный зал, а по узкому заднему проходу. Коридору для прислуги. По пути Рин слышала под полом журчание воды по ирригационным трубам.

После начала заседания совета прошло несколько часов. Цыке уже должны занять позиции во дворце, но даже эта мысль не особенно ободряла. Сейчас она осталась наедине с императрицей.

Но по-прежнему не может вызвать огонь.

– Уже утомилась? – спросила Дацзы.

Рин не ответила.

– Мне хотелось, чтобы ты понаблюдала за наместниками во всей красе. Кучка балаболов, правда?

Рин сделала вид, что не расслышала.

¹ Кетти – мера массы в Китае и некоторых странах Юго-Восточной Азии, равна примерно 600 граммам (прим. переводчика).

– А ты не особо разговорчива, да? – Дацзы оглянулась через плечо. Взгляд скользнул по наморднику. – Ах, ну конечно. Давай снимем эту штуковину.

Тонкими пальцами она взяла намордник с двух сторон и легонько потянула.

– Так лучше?

Рин молчала. «Не позволяй ей втянуть тебя в разговор, – предупреждал Вайшра. – Будь настороже и дай ей выговориться».

Рин нужно было только еще несколько минут потянуть время. Она уже чувствовала, как заканчивается действие опиума. Зрение становилось четче, ноги и руки без задержки подчинялись командам. Пусть Дацзы продолжает болтать, пока Феникс не ответит на призыв. И тогда Рин спалит Осенний дворец дотла.

– Алтан был таким же, – размышляла вслух Дацзы. – Знаешь, в первые три года, когда он жил среди нас, мы считали его немым.

Рин чуть не споткнулась о каменную плиту пола. Дацзы шла дальше как ни в чем не бывало. Рин плелась за ней, пытаясь совладать с собой и сохранять спокойствие.

– Печально было услышать о его гибели. Он был хорошим командиром. Одним из лучших.

«И ты его убила, тварь».

Рин потеряла ладони в надежде высечь искру, но по-прежнему не находила путь к Фениксу.

Еще чуть-чуть.

Дацзы вела ее к клочку свободного пространства рядом с комнатами для прислуги.

– Красный император построил в Осеннем дворце сеть туннелей, чтобы при необходимости он мог ускользать и появляться в любой комнате. Правитель империи не чувствовал себя в безопасности даже в собственной постели.

Дацзы остановилась около колодца и с силой надавила на крышку, упершись ногой в каменный пол. Крышка с громким скрежетом отъехала в сторону. Императрица выпрямилась и вытерла руки об одежду.

– Следуй за мной.

Рин залезла в колодец. В его стенки была встроена узкая спиральная лестница. Дацзы подняла руку и закрыла крышку над их головами, так что они остались в кромешной тьме. Руку Рин обвили ледяные пальцы. От неожиданности она подскочила, но Дацзы только крепче сжала пальцы.

– Здесь очень легко заблудиться, если никогда прежде не была внизу. – Голос Дацзы раскатился эхом по подземелью. – Держись ближе ко мне.

Рин считала повороты – пятнадцать, шестнадцать, но вскоре потеряла представление о том, где они, несмотря на тщательно запечатленную в памяти карту. Как далеко они от зала совета? Сумеет ли она вызвать огонь в подземелье?

Еще через несколько минут они снова вылезли на поверхность в саду. Внезапная вспышка цвета вызывала дезориентацию. Рин моргала, всматриваясь в яркие пятна лилий, хризантем и сливовых деревьев, посаженных группами между рядами скульптур.

Судя по расположению стен, это был не императорский сад. Императорские сады были круглыми, а этот – в форме шестиугольника. Частный дворик.

Его не было на карте. Рин понятия не имела, где находится.

Она шныряла взглядом вокруг, оценивая пути отхода, просчитывая вероятные траектории и движения предстоящей схватки, отмечая предметы, которые можно использовать как оружие, если она не сумеет вовремя вызвать огонь. Молодая поросль деревьев выглядела слишком хилой, но в крайнем случае можно отломить ветку в качестве дубинки. Лучше всего перебраться Дацзы к дальней стене. Если не найдется ничего более подходящего, можно разmozжить ей голову булыжником из мощения.

– Великолепно, правда?

Рин поняла, что Дацзы ждет от нее ответа.

Если она вступит с императрицей в разговор, то шагнет напрямик в западню. Вайшра и Эриден много раз предупреждали, как ловко Дацзы умеет манипулировать, как умеет внедрить в голову нужные мысли.

Но Дацзы надоест говорить, если Рин все время будет молчать. А единственный способ оттянуть время – это подогревать интерес императрицы к игре с добычей. Рин придется поддерживать разговор, пока к ней не вернется способность вызывать огонь.

– Наверное, – сказала она. – Я не ценительница прекрасного.

– Уж конечно. Ты же получила образование в Синегарде. Там одни грубые ценители утилитарности. – Дацзы положила руки на плечи Рин и медленно развернула ее, показывая сад. – Скажи мне вот что. Это место кажется тебе новым?

Рин огляделась. Да, все выглядит новым. Яркие здания Осеннего дворца пусть и построены в древнем стиле Красного императора, но не несли на себе следов времени. Камни гладкие и ровные, деревянные столбы сверкали свежей краской.

– Пожалуй. А разве нет?

– Идем со мной.

Дацзы двинулась к небольшой калитке в дальней стене, распахнула ее и поманила Рин.

Другая половина сада выглядела растоптанной гигантским каблуком. Стена обрушилась по центру, словно от пушечного выстрела. Статуи разметало по переросшей траве, осколки мраморных рук и ног валялись под гротескными углами.

Это не выглядело естественным старением. И не было результатом плохого ухода. Кто-то сюда вторгся.

– Я думала, Федерация не добралась до Лусана, – сказала Рин.

– Это сделала не Федерация. Развалины здесь уже семьдесят лет.

– Тогда кто...

– Гесперианцы. Историки вечно твердят о Федерации, а наставники Синегарда покрывают первых колонизаторов. Никто не желает вспоминать, как началась Первая опиумная война. – Дацзы пнула ногой голову статуи. – Как-то осенью, семьдесят лет назад, гесперианский генерал поднялся по Мурую и пробился до самого Лусана. Он разорил дворец, полил маслом и сплясал на пепелище. В тот вечер Осенний дворец перестал существовать.

– Тогда почему вы не отстроили эту часть сада?

Рин огляделась. На траве лежали грабли, до них можно дотянуться. Через столько лет они, разумеется, затупились и проржавели, но можно использовать как палку.

– Чтобы осталось напоминание, – ответила Дацзы. – Чтобы помнить о нашем унижении. Помнить, что от союза с Гесперией не стоит ждать ничего хорошего.

Рин не задержалась взглядом на граблях, иначе Дацзы заметила бы. Но тщательно запечатлела в памяти их расположение. Острый конец был направлен в сторону Рин. Если подблизиться поближе, достаточно наступить, и они окажутся в руках. Если только трава не слишком отросла... Но ведь это всего лишь трава, если нажать посильнее, проблем не будет...

– Гесперианцы всегда намеревались вернуться, – сказала Дацзы. – Мугенцы ослабили страну, используя западное серебро. Для нас лицо угнетателя – это Федерация, но гесперианцы и болонцы, Альянс западных стран, – вот кто реально у руля. Вот кого следует опасаться.

Рин слегка переместилась, чтобы левая нога оказалась ближе к граблям.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Не изображай дурочку, – резко вскинулась Дацзы. – Я знаю, что задумал Вайшра. Он хочет развязать войну. Я же пытаюсь показать, что он неправ.

Пульс Рин участился. Вот оно. Дацзы разгадала ее намерения, и придется драться, пусть даже Рин еще не может вызвать огонь, нужно как-то добраться до граблей...

– Прекрати, – приказала Дацзы.

Рин замерла, мышцы болезненно окоченели, словно от малейшего движения могли рассыпаться. Нужно подготовиться к схватке. Хотя бы пригнуться. Но тело почему-то застыло, словно разрешение императрицы требовалось даже для дыхания.

– Мы не закончили разговор, – сказала Дацзы.

– А я закончила слушать, – прошипела Рин сквозь зубы.

– Успокойся. Я привела тебя сюда не для того, чтобы убить. Ты ценный актив, а у меня их осталось немного. Было бы глупо от тебя избавляться. – Дацзы шагнула к ней, и они оказались лицом к лицу. Рин тут же отвела взгляд. – Ты борешься не с тем врагом, дорогуша. Неужели не видишь?

На шее Рин выступили бусинки пота. Она попыталась освободиться от хватки Дацзы.

– Что тебе посулил Вайшра? Тебя же просто используют. Разве оно того стоит? Он обещал деньги? Поместье? Нет... Вряд ли тебя можно подкупить деньгами. – Дацзы похлопала лакированным ноготком по накрашенным губам. – Нет, только не говори, что ты ему поверила. Он что, обещал установить демократию? И ты на это купилась?

– Он сказал, что свергнет вас, – прошептала Рин. – Мне этого достаточно.

– Ты в самом деле в это веришь? – вздохнула Дацзы. – И кем он меня заменит? Никанцы не готовы к демократии. Они же овцы. Жестокие и неотесанные глупцы. Ими нужно руководить, даже если это означает тиранию. Если страну возглавит Вайшра, он ее разрушит. Люди не знают, за что голосовать. Даже не понимают, что значит голосовать. И уж точно не знают, что для них хорошо.

– Как и вы, – возразила Рин. – Вы позволяете людям умирать. Сами пригласили мугенцев и продали им цыке.

К ее удивлению, Дацзы засмеялась.

– Так вот как ты думаешь? Не верь ничему, что слышишь.

– У Широ не было причин врать. Я знаю, что вы сделали.

– Ничего ты не понимаешь. Я много лет боролась за то, чтобы империя уцелела. Думаешь, мне нужна была война?

– Думаю, вы готовы были пожертвовать по крайней мере половиной страны.

– Я принесла рассчитанную жертву. Когда Федерация напала в прошлый раз, наместники сплотились под властью Красного императора. Дракон-император мертв. А Федерация готовилась к третьему вторжению. Что бы я ни сделала, она все равно бы напала, а у нас не было сил сопротивляться. И потому я выторговала мир. Они получают несколько огрызков на востоке, если оставят центр страны в покое.

– И тогда нас оккупировали бы лишь частично, – фыркнула Рин. – Это вы называете стратегическим мышлением?

– Оккупировали? Ненадолго. Иногда лучший способ нападения – фальшивая покорность. У меня был план. Я бы сблизилась с Риохаем. Завоевала бы его доверие. Внушила ложную уверенность. А потом убила бы его. И в это время, когда их войска стали уязвимыми, сделала бы свой ход. Я изо всех сил пыталась сохранить страну.

– Сохранить в руках мугенцев.

– Не будь такой наивной. – Голос Дацзы стал тверже. – Как ты поступила бы, если бы поняла, что война неизбежна? Кого спасла бы?

– А что, по-вашему, мы должны были делать? Просто сидеть сложа руки и позволить опустошать нашу землю?

– Лучше править раздробленной империей, чем совсем никакой.

– Вы приговорили к смерти миллионы.

– Я пыталась вас спасти. Без меня война была бы в десять раз более жестокой!

– Без вас у нас по крайней мере был бы выбор!

– Не было у вас выбора. Думаешь, никанцы такие альтруисты? А если бы ты попросила жителей деревни пожертвовать своими домами, чтобы спасти тысячи других? Думаешь, они пошли бы тебе навстречу? Никанцы эгоистичны. Вся страна – одни эгоисты. Таковы люди. Провинции думают только о себе, не способны увидеть что-то большее, нежели собственные узкие интересы, и действовать совместно. Ты же слышала тех кретинов. Я не случайно позволила тебе наблюдать. С этими наместниками кашу не сварить. Идиоты просто не слушают.

Под конец голос Дацзы дрогнул – едва заметно, всего на секунду, но Рин заметила.

И в эту секунду она увидела под фасадом холодной и уверенной в себе красоты подлинную Су Дацзы: не непобедимую императрицу, не вероломное чудовище, а женщину, оказавшуюся во главе страны, с которой не может справиться.

Она слаба, поняла Рин. Хочет контролировать наместников, но ничего не выходит.

Потому что, если бы Су Дацзы могла убедить наместников выполнять ее волю, она бы это сделала. Она избавилась бы от системы правления наместников и заменила бы их имперскими чиновниками. Но она оставила наместников, потому что не имела достаточно сил, чтобы их сместить. Она всего лишь одинокая женщина. Не способна подавить их армии. Ей остается лишь цепляться за власть с помощью остатков уважения, завоеванного во Второй опиумной войне.

Но Федерации больше нет, у наместников не осталось поводов для страха, и весьма вероятно, что провинции поймут – они не нуждаются в Дацзы.

Не похоже, чтобы Дацзы лгала. Скорее всего она говорит правду.

Но даже если и так – что это меняет?

Дацзы продала цыке Федерации. Из-за нее погиб Алтан. Только это имеет значение.

– Империя разваливается, – поспешно продолжила Дацзы. – Она слабеет, ты сама видела. Но что, если мы заставим наместников исполнять нашу волю? Только представь, чего ты могла бы добиться под моим командованием. – Она обняла щеку Рин ладонью и приблизила лицо почти вплотную. – Тебе еще многому нужно научиться, и я могу тебя научить.

Рин укусила бы Дацзы за пальцы, если бы могла шевельнуть головой.

– Вы ничему не можете меня научить.

– Не глупи. Я тебе нужна. Разве ты не чувствуешь, как тебя ко мне тянет? Это желание тебя поглощает. Разум тебе уже не принадлежит.

Рин вздрогнула.

– Я не... Вы не...

– Ты боишься закрыть глаза, – промурлыкала Дацзы. – Цепляешься за опиум, потому что только с его помощью можешь снова управлять собственным разумом. Каждую секунду ты борешься со своим богом. В каждое мгновение, когда ты не сжигаешь все вокруг, ты умираешь. Но я тебе помогу. – Голос Дацзы был таким нежным, таким мягким и ободряющим, что Рин страшно захотелось ей поверить. – Я верну разум в полное твое распоряжение.

– Я и так его контролирую, – прохрипела Рин.

– Ложь. Кто тебя научил? Алтан? Он и сам был не в себе. Думаешь, я не знаю, каково это? Когда мы в первый раз призвали богов, мне хотелось умереть. Как и всем нам. Мы думали, что сошли с ума. Хотели прыгнуть с горы Тяньшань, чтобы покончить с этим.

– И что вы сделали? – не удержалась от вопроса Рин.

Дацзы прикоснулась ледяным пальцем к губам Рин.

– Сначала преданность. Потом ответы.

Она щелкнула пальцами.

И Рин внезапно снова обрела способность шевелиться и с легкостью дышать. Она обняла себя трясущимися руками.

– Больше у тебя никого нет, – сказала Дацзы. – Ты осталась последней спиркой. Алтан погиб. Вайшра понятия не имеет, через какие муки ты проходишь. Только я знаю, как тебе помочь.

Рин задумалась.

Она знала, что нельзя доверять Дацзы.

И все же...

Что лучше – служить тирану и объединить империю под властью диктатора, к чему страна всегда стремилась? Или свергнуть императрицу и попробовать установить демократию?

Нет, это вопрос политики, и Рин неинтересен ответ.

Ее интересует лишь собственное выживание. Алтан доверял императрице. И Алтан погиб. Она не совершит такую же ошибку.

Рин выбросила левую ногу. Грабли качнулись, попав прямо ей в руку – трава удерживала их слабее, чем боялась Рин. Она прыгнула вперед, взмахнув граблями по дуге.

Но атаковать Дацзы – все равно что драться с воздухом. Императрица уворачивалась без каких-либо усилий, так быстро перемещаясь по двору, что Рин едва могла за ней уследить.

– Ты считаешь это разумным? – спросила Дацзы, как будто совершенно не запыхавшись. – Ты просто девчонка, вооруженная палкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.